43 2/33
v. I

43 2/33

А. В. Романовичъ-Славатинскій.

СИСТЕМА

РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА

ВЪ

ЕГО ИСТОРИКО-ДОГМАТИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ,

Сравнительно Съ Государственнымъ Правомъ Западной Европы.

Профессора Университета Св. Владиміра.

А. Романовича-Славатинскаго.

Часть 1.

ОСНОВНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ.

Кіевъ.
Типографія Г. Л. Фроицкевича, Николаевская улица, домъ № 11.
1886.

43 2/3

А. В. Романовичъ-Славатинскій.

СИСТЕМА

РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА

ВЪ

ЕГО ИСТОРИКО-ДОГМАТИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ.

Сравнительно Съ Государственнымъ Правомъ Западной Европы.

Профессора Университета Св. Владиміра.

А. Романовича-Славатинскаго.

Часть 1.

ОСНОВНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ.

Кіевъ.
Типографія Г. Л. Фроицкевича, Николаевская улица, домъ № 11.
1886.

Печатать разрѣшается, 15 сентября 1885 г

Ректоръ Университета Св. Владиміра *Н. Ренненкампфъ*

ГОСУД. РЕСП. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 44200
4-VIII-1925.
БИБЛИОТЕКА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ издана часть преподаваемаго мною въ Университетѣ Св. Владиміра курса Русскаго Госуд. права, въ видѣ *Пособія* для историко-догматическаго его изученія. Вскорѣ за тѣмъ мой уважаемый и талантливый собратъ по наукѣ, профессоръ А. Д. Градовскій, приступилъ къ изданію своихъ *Началъ Русскаго Государств. права*, несомнѣнно составляющихъ весьма цѣнный вкладъ въ эту еще юную, едва нарождающуюся науку.

Не смотря на конкуренцію этого капитальнаго сочиненія, изданная мною часть курса давно исчерпана, и мои слушатели не разъ и настойчиво просили меня издать ее вновь.

Расходъ изданія и просьбы о его повтореніи я приписываю не особеннымъ его достоинствамъ, а можетъ быть бо́льшей приспособленности къ потребностямъ учащихся. Ради этого я рѣшился приступить къ новому изданію своихъ лекцій, которое постараюсь довесть до конца.

Изданіе это настолько пополнено и переработано, что я считалъ себя въ правѣ дать ему и новое заглавіе. Переработкѣ въ особенности подверглись: введеніе, въ которомъ изложена исторія науки Русскаго Государственнаго права и

глава, заключающая въ себѣ историческій очеркъ верховной власти въ Россіи, съ анализомъ ея существа. Пополнены историческіе антецеденты, а сравнительный элементъ настолько расширенъ, что я счелъ себя въ правѣ отмѣтить это въ заглавіи сочиненія.

Исторія науки возможно обстоятельно переработана, такъ какъ знакомство съ литературой изучаемаго предмета крайне важно для слушателей. Высшая университетская школа тѣмъ существенно отличается отъ средней гимназической, что должна развивать вкусъ къ самостоятельнымъ работамъ — не по однимъ тетрадкамъ профессора, но по многимъ другимъ указываемымъ имъ источникамъ и пособіямъ. Задача университетской каѳедры обучать аудиторію не въ догматической формѣ катехизиса. Каѳедра должна руководить ее въ свободномъ и самостоятельномъ усвоеніи науки, вводя въ литературу изучаемаго предмета.

На историческій очеркъ русской самодержавной власти и анализъ ея существа обращено преимущественное вниманіе, такъ какъ это основной и важнѣйшій вопросъ въ системѣ Русскаго Госуд. права; главная характерная черта, столь рѣзко отличающая его отъ конституціоннаго государства западной Европы. Задача нашей науки выяснить институтъ Самодержавной власти, раскрывъ тѣ реальные мотивы, тѣ національныя стремленія и особенности, подъ вліяніемъ которыхъ онъ сложился.

Историческіе факты и антецеденты имѣютъ большое значеніе при изученіи положительнаго права каждаго народа: выясняя догму, они укрѣпляютъ сознаніе ея исторической преемственности. Желательно, чтобы каждый русскій гражданинъ хорошо памятовалъ историческій процессъ возникно-

венія и развитія русскаго госуд. строя: въ немъ его объясненіе и оправданіе.

Сравнительный элементъ въ особенности важенъ потому, что своими сопоставленіями и противопостановленіями онъ дастъ возможность выяснить особенныя національныя черты изучаемыхъ институтовъ. Примѣненіе его въ курсѣ русскаго госуд. права тѣмъ болѣе должно расшириться, что новымъ университетскимъ уставомъ иностранное государственное право вовсе отмѣнено. А оно, конечно, имѣло важное значеніе въ русской университетской школѣ, и не изъ него, конечно, русская молодежь черпала свои политическія увлеченія и заблужденія.

Что̀ касается плана и распредѣленія матеріала, то я держусь прежняго порядка и не примѣняю къ системѣ русскаго госуд. права раздѣленіе ея на двѣ части: 1) *устройство* (Verfassung) и 2) *управленіе* (Verwaltung). Рискуя снова остаться позади Дюгамеля, я все-таки думаю, что подъ эти двѣ нѣмецкія рубрики не совсѣмъ удобно укладывается догма русскаго госуд. права, формулованная въ Сводѣ.

При обработкѣ курса я пользовался талантливыми работами моихъ собратовъ по наукѣ, въ особенности профессоровъ Сергѣевича, Градовскаго, Загоскина и др.: изъ этихъ работъ я дѣлалъ извлеченія—подчасъ обильныя,—поскольку онѣ были нужны для болѣе обстоятельнаго развитія затронутыхъ вопросовъ.

Мой курсъ, можетъ быть, носитъ компилятивный характеръ. Но компилятивныя работы прокладываютъ путь самостоятельнымъ, сводя и группируя матеріалъ. Эти самостоятельныя работы, конечно, болѣе желательны и болѣе соотвѣтствуютъ значенію и достоинству нашей науки.

Наука эта еще юная, едва нарождающаяся. Но задачи ея высоки: онѣ состоятъ, конечно, не въ томъ, чтобы дать справочную книгу вѣдомствъ, перечень департаментовъ, отдѣленій, столовъ и канцелярій. Задачи науки русскаго государственнаго права—выяснить особенности и свойства русскаго государственнаго строя и всѣхъ отдѣльныхъ его институтовъ; развить пониманіе его и уваженіе къ учрежденіямъ, добытымъ многовѣковой страдой русскихъ народныхъ массъ, такъ какъ многія изъ этихъ учрежденій вполнѣ цѣлесообразны и соотвѣтствуютъ міросозерцанію, стремленіямъ и потребностямъ русскаго народа.

А. Р.-Славатинскій.

20 Ноября, 1885 г.
Кіевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	§§	стр.
ВВЕДЕНІЕ	1— 8	1— 38
Предметъ Русскаго Госуд. права	1— 3	1— 2
Его состав. части	4	2— 4
Порядокъ изложенія	5	5
Методъ	6	5— 9
Источники и пособія догмы	7	9— 33
Источники и пособія исторіи	7	33— 37
РАЗДѢЛЪ I.		
Организація Верховной власти	8—39	38—274
Историческое развитіе	8	38— 75
Опредѣленія дѣйств. законод.	9	75— 80
Порядокъ образованія Верховной власти	10	80
а) Престолонаслѣдіе	11	81
Системы наслѣдованія	12	81— 84
Историч. развитіе престолонасл.	13	84— 95
Нынѣ дѣйствующее законодательство	14	95—103
б) Совершеннолѣтіе Императора	15	103—105
в) Правительство и опека	16	105—110
г) Вступленіе на престолъ	17	110—111
д) Присяга подданства	18	111—114
е) Св. коронованіе и миропомазаніе	19	114—126
Права Верховной власти	20	126—134
По основнымъ законамъ	21	135
А) *Внѣшнія права*	22—29	135—161
Исторія титула	22	145—148
Современная формула	23	158—149
Наименованія свѣтскихъ и духовныхъ подданныхъ въ сношеніяхъ съ Государемъ	24	149—153
Исторія герба	25	153—157
Нынѣшній видъ	26	157—158
Исторія печати	27	158—159
Нынѣшнее устройство	28	159—161
Б) *Внутреннія права*	29—40	161—175
1. По дѣламъ вѣръ и церкви	30	161—178
2. По законодательству	31—38	178—248
а) Характеръ законодат. власти	31	178—186
б) Законъ и правительств. постанов.	32	186—189
в) Инціатива закона	33	189—193
г) Составленіе, утвержд. и обнарод. закона	34	193—214
д) Исполненіе закона	35	214—231
е) Отмѣна закона	36	231—234
ж) Раздѣленіе закона	37	234—250
3. По суду	38	250—259
4. По управленію	39	259—274

	§§	стр.
РАЗДѢЛЪ II.		
Организація династій	40	275—297
Основаніе привиллегій	40	275—276
Учрежденіе Императорской Фамиліи . .	41	276
Кто принадлежитъ	42	276—277
Развитіе идеи равнаго брака	43	277—281
Родословная книга Импер. Дома. . . .	44	281
Права и преимущества Чл. Имп. Д.	45	282
А) Государств. права	56	282—290
а) Внѣшнія	47	282—285
б) Право на содержаніе	48	285—288
Б) Гражд. права	49—53	290—294
а) Семейственныя отношенія.	50—53	288
б) Имущественныя отношенія	51	288—290
в) Наслѣдственныя права	52	293—294
Отношенія къ суду	53	294
Покровительство угл. закона.	54	295—296
Обязанности Членовъ Императ Фамиліи. .	55	296—297
Цивиллисты въ иностр. государствахъ. . .	примѣчаніе	297—299

Важнѣйшія опечатки.

стран.	стр.	напечатано:	слѣд. читать:
16	9 сверху	замледѣльца	земледѣльца
19	9 снизу	1721	1727
24	14, 15, 16 и 17 снизу	слѣдуетъ читать послѣ 4 верхнихъ строкъ стр. 26	
26	6 сверху	Mascoviticarum	Moscoviticarum
52	1 снизу	опричины	опричниныы
91	5 —	Сунцессора	Сукцессора
125	5 —	Kreichs	Reichs
144	17 св.	всерѣчается	встрѣчается
169	9 сн.	Théologies	Théologiens
192	17 —	Затѣкъ	Затѣмъ
197	2 —	миѣе	менѣе
206	8 —	одтвердила	подтвердила
214	5 св.	въ Монитерѣ	въ Journal officiel de la République, который замѣнилъ Bulletin officiel des lois
223	6 сн.	на	на
234	8 —	закены	законы
245	17 —	постановленія	постановленія
251	4 св.	государственаго	государственнаго
274	7 —	послѣдніа	послѣднія
284	13 сн.	тутулъ	титулъ

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Русское государственное право имѣетъ своимъ предметомъ систематическое изложеніе и разъясненіе узаконеній, опредѣляющихъ *устройство*, *компетенцію* и *кругъ дѣятельности* властей и учрежденій, которыми управляется русское государство.

§ 2. Въ каждомъ государствѣ, каковъ-бы ни былъ его образъ правленія, существуетъ извѣстная система властей и учрежденій, исторически слагавшаяся и имѣющая своеобразную организацію, которая опредѣлилась или исконнымъ обычаемъ націи, какъ напр. учрежденія Англіи, основывающіяся главнымъ образомъ на ея common law, или писаннымъ положительнымъ закономъ, какъ напр. большая часть учрежденій континентальныхъ государствъ и наши русскія государственныя установленія, сложившіяся въ періодъ императорскій и точно опредѣляемыя положительнымъ закономъ.

Но какъ ни различаются между собою эти власти и учрежденія, во всѣхъ государствахъ онѣ слагаются изъ Верховной власти, изъ властей Ей подчиненныхъ — учрежденій и должностей, изъ участвующаго въ управленіи государствомъ народа, въ большей или меньшей степени, обусловливаемой установившимся въ странѣ образомъ правленія.

§ 3. Власти и учрежденія, управляющія русскимъ государствомъ, слагаются также изъ Верховной Само-

державной власти Императора, мѣстъ и властей Ему подчиненныхъ, состояній, въ послѣднее время растворившихся въ *земствѣ*, которому октроирована извѣстная доля участія въ управленіи мѣстными хозяйственными дѣлами.

§ 4. Изъ предъидущаго открываются тѣ части, изъ которыхъ состоитъ нашъ предметъ. Русское государственное право заключаетъ въ себѣ *три* отдѣла:

1) въ первомъ отдѣлѣ группируются и разъясняются тѣ узаконенія, которыми опредѣляется существо и организація Верховной Самодержавной власти. Составляя *основу* нашего государственнаго строя, столь существенно отличающую его отъ конституціоннаго представительнаго западно-европейскаго, узаконенія эти называются *основными государственными законами*. Они составляютъ первую часть 1-го т. Св. З., и состоятъ изъ двухъ раздѣловъ: въ первомъ раздѣлѣ заключаются постановленія о *священныхъ правахъ и преимуществахъ Верховной Самодержавной власти*; во второмъ—учрежденіе объ *Императорской Фамиліи*, которымъ опредѣляется устройство и распорядокъ династіи, изъ которой выходитъ представитель Верховной Самодержавной власти.

2) Во второмъ отдѣлѣ заключаются узаконенія, которыми опредѣляется устройство мѣстъ и властей подчиненныхъ, посредствомъ которыхъ проявляется и дѣйствуетъ на народъ Верховная Самодержавная власть. Узаконенія эти названы Сперанскимъ законами *органическими* или *учредительными*. Они содержатся во 2-й части 1-го тома, во II и III т.

По сложности своего содержанія, эта часть должна быть подраздѣлена на раздѣлы. Мы видѣли, что органы, посредствомъ которыхъ Верховная власть проявляется и дѣйствуетъ на народъ, суть *мѣста* и *власти*. Мѣста—органы юридическія—учрежденія, *присутствія*; власти—

органы физическія—*должностныя лица*, *чиновники*, дѣйствующіе то отдѣльно—бюрократически, то въ составѣ присутствій—коллегіально.

Учрежденія существуютъ въ двухъ главныхъ видахъ:

а) Государственныя—центральныя, дѣятельность которыхъ изъ центра—столицы государства—обнимаетъ собою весь территорій. Таковы, напримѣръ: Сенатъ, Синодъ, Министерства и т. д. Учрежденія эти описываются во 2-й части 1-го тома, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ: Синода, Министерствъ военнаго и морскаго, учрежденія которыхъ не введены ни въ одно изъ всѣхъ изданій свода.

б) Мѣстныя — областныя и общинныя—губернскія, уѣздныя, городскія, волостныя и сельскія, дѣятельность которыхъ обнимаетъ собою большій или меньшій административный районъ: губернію, уѣздъ, городъ, волость, село. Напр: Губернское Правленіе, Уѣздное полицейское управленіе, Городская полиція, Волостной или Сельскій сходъ. Учрежденія эти описываются во II т., подъ названіемъ *общаго губернскаго учрежденія*. Отъ этихъ общихъ губ. учрежденій отличаются *особенныя губернскія учрежденія*, такъ какъ есть части имперіи, мѣстное управленіе которыми представляетъ большія или меньшія особенности. Таковы: Сибирскія губерніи и области, Кавказкій и Закавказскій край, градоначальства, гражданскія управленія казаковъ, управленія инородцевъ. Эти мѣстныя учрежденія излагаются во 2-ой ч. II. т., въ который не входятъ ни учрежденія В. Кн. Финляндскаго, ни учрежденія Прибалтійскія и Привислянскія.

в) Подчиненныя власти—чиновники отправляющіе извѣстный должности. На основаніи извѣстныхъ законовъ они принимаются въ службу и опредѣляются къ должностямъ, во время прохожденія службы пользуются опредѣленными закономъ правами и несутъ опредѣ-

ленныя обязанности, на основаніи точныхъ правилъ увольняются отъ службы и получаютъ при отставкѣ пенсіи и единовременныя пособія. Всѣ эти условія опредѣляются тѣми законами, которые въ нашемъ законодательствѣ названы: *Уставами о службѣ гражданской.* Уставы эти излагаются въ III т. Св. Законовъ, состоящемъ изъ трехъ книгъ: а) уставъ о службѣ гражданской по опредѣленію отъ правительства, б) уставъ о службѣ гражданской по выборамъ, в) уставы о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ.

3) Третій отдѣлъ русскаго государственнаго права состоитъ изъ тѣхъ узаконеній, которыми опредѣляется положеніе въ государствѣ, права и обязанности, участіе въ управленіи различныхъ классовъ народа, исторически распавшагося на *сословія* или *состоянія.* Узаконенія эти называются у насъ *Законами о состояніяхъ.* Они содержатся въ IX т. С. З., который раздѣляется на 2 книги, весьма неравныя по объему: а) кн. 1-я о разныхъ родахъ состояній и различіи правъ имъ присвоенныхъ, б) кн. 2-я объ актахъ состояній.

Состоянія наши получили окончательную организацію въ періодъ императорскій, когда имъ предоставлена была извѣстная доля участія въ управленіи, главнымъ образомъ мѣстномъ. Реформами Императора Александра II, состоянія, какъ члены государства, участвующія въ его управленіи, претворились въ земство. Въ настоящее время значеніе сословій, какъ мѣстнаго правительственнаго элемента, весьма ослабѣло; мѣстная же правительственная роль безсословнаго земства усилилась. Сословія въ нашемъ государственномъ строѣ представляются теперь какимъ-то анахронизмомъ, обломкомъ старины, хотя своего соціально-культурнаго значенія они и не утратили Напротивъ, земство является новымъ факторомъ нашей государственной жизни, живымъ и полнымъ будущности.

§ 5. Обозначеніемъ отдѣловъ, на которые распадается русское государственное право, мы намѣтили порядокъ и планъ предстоящаго его изложенія.

Мы разъяснимъ прежде всего тѣ узаконенія, которыми опредѣляются основы нашего государственнаго строя — существо и организацію Верховной Самодержавной власти и устройство Императорской Фамиліи. Мы разсмотримъ за тѣмъ, посредствомъ какихъ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій — общихъ и особенныхъ — Верховная Самодержавная власть правитъ государствомъ. Изъ общей системы учрежденій мы выдѣлимъ въ особую группу учрежденія, которыя завѣдываютъ такими важными интересами государства, какъ церковь, судъ, военная сила, и изложимъ эти учрежденія въ особомъ отдѣлѣ. Далѣе мы разсмотримъ уставы о службѣ гражданской, и заключимъ изученіемъ нашихъ *состояній*, претворившихся въ земство.

§ 6. Какому же методу мы будемъ слѣдовать при разработкѣ русскаго государственнаго права?

Положительное право каждаго народа можно разсматривать съ различныхъ сторонъ.

а) Оно представляетъ собою, во первыхъ, систему нормъ обязательныхъ, дѣйствующихъ въ данный моментъ времени. Въ этомъ смыслѣ оно собственно и называется *правомъ положительнымъ*.

б) Положительное право, во-вторыхъ, въ своихъ дѣйствующихъ обязательныхъ нормахъ отражаетъ въ различной степени общія философскія начала, постуляты теоретическаго разума.

в) Положительное право, въ-третьихъ, устанавливается не вдругъ: оно вырабатывается генетически, постепенной исторической жизнью націи. Оно растетъ и видоизмѣняется, сообразно росту и видоизмѣненіямъ въ

судьбахъ народа. Каждая норма его представляетъ рядъ наслоеній, подобныхъ формаціямъ геологическимъ.

г) положительное право одного народа, наконецъ, представляетъ собою сходства и различія съ положительнымъ правомъ другаго или многихъ народовъ.

При изученіи положительнаго права можно имѣть въ виду главнымъ образомъ какую-нибудь одну изъ вышеназванныхъ сторонъ: прикладную—практическую, теоретическую-философскую, историческую или сравнительную.

Сообразно тому существуютъ нѣсколько различныхъ пріемовъ въ изученіи положительнаго права:

а) Методъ *догматическій*, который поставляетъ своей задачей сгруппировать и комментировать дѣйствующее положительное право, насколько оно прикладно и обязательно въ данный моментъ времени.

б) Методъ *философскій*, *діалектическій*, сличающій нормы дѣйствующаго права съ началами общими, философскими, анализирующій эти нормы съ точки зрѣнія постулятовъ теоретическаго разума.

в) Методъ *историческій*, изслѣдующій, какъ генетически наслоивались дѣйствующія нормы положительнаго права, устанавливаясь и развиваясь постепенно, по мѣрѣ историческаго развитія народа.

г) Методъ *сравнительный*, разъясняющій положительное право какого-нибудь народа путемъ сравненій и противоположеній съ положительнымъ правомъ одного или многихъ другихъ народовъ.

Каждый изъ разсмотрѣнныхъ нами пріемовъ изученія положительнаго права, въ своемъ односторонемъ примѣненіи, имѣетъ недостатки.

а) *Догматическій* пріемъ приводитъ къ эмпиризму, развиваетъ сухую формалистику, бюрократическую рутину.

б) *Философскій*—къ идеализаціи, къ субъективнымъ взглядамъ; къ слишкомъ строгой и требовательной кри-

тикѣ существующаго порядка вещей, не считающейся съ реальными, объективными условіями жизни даннаго народа.

в) *Историческій* методъ, въ своемъ одностороннемъ примѣненіи, сосредоточивая вниманіе на прошедшемъ, отводитъ глаза отъ потребностей настоящаго времени, развиваетъ чрезмѣрно симпатіи къ формамъ отжившимъ. (славянофилы, требующіе поворота русской жизни вспять къ Москвѣ).

г) *Сравнительный* методъ, чуждый народнаго воззрѣнія, развиваетъ духъ космополитизма, ставящій отвлеченные общечеловѣческіе интересы выше интересовъ мѣстныхъ, народныхъ. Притомъ, проводя параллели между учрежденіями народа съ менѣе развитою гражданственностію и учрежденіями націи болѣе развитой, легко увлечься превосходствомъ формъ иноземныхъ, предубѣжденіемъ къ отсталымъ формамъ отечественнымъ, добытымъ потомъ и кровью національнаго историческаго развитія, многовѣковой страдой народа, созидающаго свой государственный и общественный строй, примѣнительно къ своимъ географическимъ и бытовымъ условіямъ, къ своимъ жизненнымъ потребностямъ и особенностямъ своего міросозерцанія.

Невыгоды односторонняго примѣненія разсмотрѣнныхъ нами пріемовъ приводятъ къ необходимости, при изученіи русскаго государственнаго права, сочетать ихъ. Подготовляясь къ практической дѣятельности юриста или администратора, мы должны имѣть въ виду систему нынѣ дѣйствующаго права, прикладную и обязательную въ переживаемый нами моментъ времени. Поэтому, главнымъ предметомъ нашего изученія должна быть догма дѣйствующаго права. Но чтобъ хорошо выяснить и понять догму права государственнаго, необходимо изучать ея постепенное историческое наслоеніе. Только при такомъ изученіи наши институты могутъ быть поняты и

научно истолкованы—истолкованы не общими философскими построеніями, не аналогическими сопоставленіями и противопоставленіями институтовъ иностранныхъ, но нашимъ національнымъ духомъ, раскрывавшимся въ нашей національной исторіи. Догматическій пріемъ, такимъ образомъ, долженъ сочетаться съ историческимъ. И если при изученіи права гражданскаго перевѣсъ долженъ получить первый, то при изученіи права государственнаго, напротивъ, нужно дать преобладаніе пріему историческому. Если для цивилиста главное дѣло пониманіе догмы, примѣнимой къ данному казусу, то для государствовѣда нужнѣе всего пониманіе среды, государственнаго строя, исторически сложившагося.

Такимъ образомъ, пріемъ, которому мы будемъ слѣдовать при изученіи русскаго государственнаго права, будетъ *историко-догматическій*. Слѣдуя этому пріему, въ изученіе отечественныхъ учрежденій мы не внесемъ ни общихъ, отвлеченныхъ требованій теоретическаго государства, ни соображеній, выведенныхъ единственно изъ сравненія нашихъ учрежденій съ иноземными.

Двухсторонній сравнительный методъ, изслѣдующій сходства и различія положительнаго права одного народа съ положительнымъ правомъ другихъ народовъ, введенный въ науку преимущественно Фримэномъ, и все болѣе въ ней укрѣпляющійся, долженъ конечно найти извѣстное примѣненіе и въ наукѣ русскаго государственнаго права. Методъ этотъ, несомнѣнно, можетъ иногда привести къ весьма плодотворнымъ выводамъ. Укажемъ, для примѣра, на попытку профессора Сергѣевича изучить древне-русскіе земскіе соборы сравненіемъ ихъ съ аналогическими учрежденіями западной Европы; попытка эта значительно подвинула разъясненіе вопроса. Точно также и особенности многихъ отечественныхъ государственныхъ установленій успѣшнѣе могутъ выясниться при посредствѣ сравни-

тельнаго метода, правильно примѣненнаго—путемъ сопоставленій и противопоставленій.

Съ упраздненіемъ иностраннаго государственнаго права, сравнительный методъ въ нашей наукѣ долженъ получить еще болѣе широкое примѣненіе. Но тѣмъ не менѣе онъ долженъ подчиняться пріему историческому: индивидуальныя особенности отечественнаго государственнаго строя, типически отличнаго отъ западно-европейскаго, должны всегда составлять главную задачу при его изученіи. Не отвлеченный космополизмъ, но живый національный характеръ политическаго міровоззрѣнія долженъ быть результатомъ этого изученія.

§ 7. Примѣнительно къ историко-догматическому пріему изученія, *источники* и *пособія* русскаго государственнаго права можно раздѣлить двояко: а) источники и пособія догмы и б) источники и пособія исторіи.

а) Главными источниками для догмы служатъ I, II, III и IX томы Св. З., по послѣднему изданію. Но нѣкоторыя учрежденія заключаются въ другихъ томахъ. Такъ напр., организація нѣкоторыхъ финансовыхъ установленій содержится въ V, таможенныя учрежденія—въ VI, монетныя, горныя и соляныя—въ VII; въ 1 ч. XI. т—учрежденія для управленія духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій и т. д. Текущія узаконенія обнародуются въ *Собраніи узаконеній и распоряженій правительства*, составляющемъ приложеніе къ сенатскимъ вѣдомостямъ. Кромѣ того, отъ времени до времени издаются такъ называемыя *Сводныя продолженія* Св. З.: 1-е издано въ 1863 году, въ 4-хъ частяхъ, въ которыя введены всѣ измѣненія Свода со времени его изданія съ 1857 г. по 31 марта 1863 г., 2-е—въ одномъ томѣ, въ 1864 г.—съ 1 апр. по 31 дек. 1863 г., 3-е—съ 1 янв. 1864 по 31 дек. 1867 г., изд. 1868 г., 4-е съ 1 янв. по 31 дек. 1868 г.,

изд. 1870 г., въ которое, однакожъ, не вошли многія постановленія и т. д.

Этихъ непосредственныхъ источниковъ не могутъ замѣнить компиляціи Рождественскаго, Проскурякова, Михайлова и др.

Къ источникамъ можно отнести также: 1) Труды коммисіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, 1860 г., 2) Журналъ соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражд. дѣлъ. госуд. совѣта о преобразованіи судебной части въ Россіи, 3) матеріалы коммисіи о преобразованіи губ. и уѣздн. учрежденій, 1870, 4) Городовое положеніе, съ объясненіями, изд. хоз. деп. мин. вн. дѣлъ, 1870 г.

Кромѣ этихъ главныхъ источниковъ догмы русскаго государственнаго права, не мѣшаетъ имѣть ввиду собранія министерскихъ циркуляровъ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ Сборникъ циркуляровъ и инструкцій министра внут. дѣлъ—по 1 окт. 1853 г., въ 8 т.

б) Что̀ касается *пособій* для изученія догмы, то научная обработка ея до сихъ поръ крайне слаба. До Петра В. мы можемъ указать только на *Котошихина*, да на Серба *Крижанича*.

Книга *Котошихина* „О Россіи въ царствованіе Алексѣя М.“ изображаетъ отечественный государственный строй въ 17 ст. Здѣсь мы найдемъ свѣдѣнія о царяхъ, царевичахъ и царицахъ; о царскихъ чиновныхъ людяхъ; о титлахъ, какъ которому потентату Московскій царь пишется; о дворѣхъ царскихъ и о приказѣхъ и т. д. Въ описаніи Котошихина подчасъ звучитъ личное неудовольствіе, отсутствіе объективности, но все-таки оно крайне интересно и поучительно.

Отъ 17 в. дошло до насъ другое сочиненіе о русскомъ государственномъ устройствѣ. Это рукопись, открытая г. *Безсоновымъ* и изданная имъ въ 1860 году подъ заглавіемъ „Русское государство въ половинѣ 17 в.“.

Авторъ ея *Юрій Яковица*, извѣстный подъ именемъ *Крижанича*. Разсуждая о многихъ вопросахъ, онъ говоритъ и о *политическихъ ересяхъ*. Вторая политическая ересь—*Anarchia-своевольство*. Излагая свои мнѣнія *объ своевольству*, *Крижаничъ* изслѣдуетъ происхожденіе европейской анархіи и преимущества *единодержавія* предъ нею [1]) Здѣсь мы найдемъ подробное сравненіе *русскаго* образа правленія съ *польскимъ*, съ указаніемъ на недостатки послѣдняго; за что и какое право имѣютъ иностранцы упрекать русское правительство и русское государственное устройство; могутъ-ли выдержать критику преимущества другихъ странъ и т. д. Вниманіе Крижанича останавливается также на *четвертой политической ереси*, подъ которою онъ разумѣетъ *множество и суетность титуловъ*. Онъ разбираетъ всевозможные титулы—какіе изъ нихъ *разумны*, а какіе *суетны* и *безполезны*, примѣнительно къ нѣмцамъ, грекамъ и особенно къ русскимъ и славянамъ и т. д. Критикуя между прочимъ титулы Московскаго царя, онъ недоволенъ терминомъ *Самодержецъ*, который, переведенъ съ греческаго *аутократъ*, и по его мнѣнію дурно звучитъ по славянски,

---

[1]) »Яко равно цѣлость главы есть здравіе всего тѣла; тако цѣлость самовладства есть днище доброму стоянію всего народа. Что бо вершина рѣкѣ, что корень древу, что подвалины и днище храму; то есть Самовладство народному добру стоянію... за то... на вѣки укрѣпляемъ совершено Самовладство въ семъ кролевству нашемъ Русскомъ, при себѣ и при своихъ наступнекахъ, кралехъ Рускихъ. Сія есть наша крѣпкая заповѣдь и неотмѣна устава: да самовладство сіе наше ни-в-чемъ ненарушено пребываетъ. Мы бо сами крѣпимъ и во всемъ цѣло обдерживать хочемъ: и отъ васъ всѣхъ, со всякою вѣрностію и сплою, обдержено быть заповѣдаемъ. И аще бисмо мы сами, ильти бѣху наши наступники, что нибуть учинили, что-бы самовладской области ненарядно или непригодно было, да бо дѣло будетъ ничего негодно и завержено« (Рукопись, ч. II стр. 49 ч.

и его слѣдовало бы замѣнить словомъ *Самовладецъ*, а *Государь—Владателемъ* (стр. 340).

Въ прошломъ столѣтіи разработка догмы русскаго государственнаго права едва зарождалась, да вопросы госуд. права вообще и русскаго въ особенности и не могли составлять предметъ интереса для общества, такъ мало развитаго политически. *Θеофанъ Прокоповичъ* является однимъ изъ нашихъ немногихъ государствовѣдовъ начала 18 в. Въ 1722 г., по волѣ Петра В., онъ написалъ „Правду воли монаршей въ опредѣленіи наслѣдника державы своей [1])". Задача этого богословско-политическаго трактата оправдать новый порядокъ престолонаслѣдія, установленный Петромъ В. Русскаго госуд. права трактатъ почти не касается; содержаніе его—теорія самодержавной власти, по договорнымъ теоріямъ *Гугона Гроція*, а еще болѣе *Гоббеза* [2]), подкрѣпляемая ссылками на священное писаніе.

Болѣе русскимъ государствовѣдомъ временъ Петра В. можно назвать крестьянина *Посошкова* [3]), который въ

---

[1]) Сочиненіе это было впервые напечатано въ 1722 г. отдѣльной книгой, единовременно съ изданнымъ въ томъ же году Уставомъ о наслѣдіи престола. Императрица Екатерина I, при именномъ указѣ отъ 21 апр. 1726 г., обнародовала его вновь, повелѣвъ читать во всѣхъ церквахъ въ воскресные и праздничные дни, по окончаніи литургіи. Оно помѣщено въ VII Т. I П. С. З. № 4870.

[2]) »Долженъ народъ, безъ прекословія и роптанія, вся отъ Самодержца повелѣваемая творити.... аще бо народъ воли общей своей совлекся и отдалъ оную Монарху своему, то како не долженъ хранити его повелѣнія, законы и уставы, безъ всякой отговорки..... И по тому не можетъ народъ судити дѣла Государя своего, инако бо имѣлъ бы еще при себѣ волю общаго правленія, которую весьма отложилъ и отдалъ Государю своему.... (1-е П. С. З. № 4870).

[3]) Значеніе Посошкова въ особенности старался опредѣлить покойный Погодинъ. Есть и отдѣльное о немъ изслѣдованіе г. *Царевскаго* (1883 г.).

своей книгѣ „О скудости и богатствѣ“ выказываетъ не мало проницательности по вопросу о шляхетствѣ (стр. 89), о крѣпостныхъ крестьянахъ („помѣщики крестьянамъ не вѣковые владѣльцы, а прямой ихъ владѣлецъ Императоръ всероссійскій, а они владѣютъ только временно....“) и т. д.

Несомнѣнно, нашъ знаменитый исторіографъ 18 в. *Татищевъ* ясно и отчетливо понималъ основной харатеръ русскаго сударственнаго строя—*самодержавіе.* [1]) Дѣятельный участникъ событій 1730 г., онъ составилъ записку о шляхетскихъ совѣщаніяхъ по вопросамъ о госуд. устройствѣ Россіи, бывшихъ въ Москвѣ въ февралѣ 1730 г. Записка эта называется: „Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ [2]).

Первый опытъ систематическаго изложенія русскаго государственнаго права принадлежитъ иностранцу *Штрубе де-Пирмонту.* Его „Руководство къ россійскимъ правамъ и до сихъ поръ не издано, сохраняясь въ рукописи, принадлежащей академической библіотекѣ [3]) Написано оно въ половинѣ прошлаго вѣка. Публичному праву посвящена 2-я книга. Она трактуетъ: о должностяхъ, касающихся до Императорскаго величества; объ отправленіи государственныхъ дѣлъ въ разныхъ коллегіяхъ, канце-

---

[1]) Въ своей »Исторіи Россіи« онъ говоритъ: »въ великихъ пространственныхъ государствахъ, окруженныхъ многими сосѣдями, особенно гдѣ народъ не довольно ученіемъ просвѣщенъ и за страхъ, а не изъ благонравія или познанія пользы и вреда, законъ хранитъ, тамъ необходимо само—или единодержавіе«.

[2]) Она напечатана въ сборникѣ »Утро« на 1859 г. по списку Погодина, который отличается отъ списка кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, бывшаго въ рукахъ автора »Рождественіе Императрицы Анны Іоанновны«

[3]) См ст. *Коркунова* въ »Сборникѣ Государственныхъ знаній« Безобразова Т. Ш. См. также »Русское Госуд. право« пр. *Андреевскаго.*

ляріяхъ, конторахъ и прочихъ судныхъ мѣстахъ россійской имперіи и о принадлежащихъ туда генеральныхъ должностяхъ, также и о прокурорскомъ чинѣ; о военныхъ дѣлахъ; о правахъ суда. Какъ показываетъ г. Коркуновъ, ознакомившійся съ содержаніемъ рукописи, авторъ ограничивается изложеніемъ существовавшаго въ его время русскаго госуд. строя, не объясняя и не осмысливая его.

Екатеринѣ II литература нашей науки обязана „Наказомъ 1767 г. [1])". Наказъ представляетъ попытку теоретически осмыслить исторически сложившійся русскій госуд. строй. Онъ очевидно написанъ подъ вліяніемъ политическихъ доктринъ того времени, особенно Монтескье. Русское государственное устройство, въ которомъ должно господствовать начало *законности*, императрица рисуетъ, какъ нѣчто среднее между деспотіей и монархіей Она старается доказать необходимость *единодержавія* для Россіи главнымъ образомъ громадностію ея территорія [2]). Существенная черта русскаго государственнаго устройства по наказу состоитъ въ томъ, что Государь есть „исто-

---

[1]) Наказъ данный коммисіи о сочиненіи проэкта Новаго уложенія отъ 30 іюля 1767 г. помѣщенъ въ XVIII т. 1-го П. С. З. подъ № 12,949.

[2]) »Россійскаго государства владѣнія простираются на 32 степени широты и на 165 степеней долготы по земному шару. Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства. Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ. Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе отдаленностію мѣстъ причиняемое. Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно. Другая причина та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ.....« 1-е П. С. З. №12,949.

чникъ всякія государственныя и гражданскія власти". Но Ему принадлежитъ только изданіе общихъ указаній для руководства подчиненнымъ властямъ, а самое правленіе — дѣло этихъ среднихъ властей, составляющихъ „малые протоки, сирѣчь Правительства, чрезъ которые изливается власть Государей". Какая завѣтная цѣль самодержавія? *предлогъ* его не тотъ, „чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность; но чтобы дѣйствія ихъ направить къ полученію самого большаго ото всѣхъ добра. Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, Государства и Государя". Ученіе о самодержавіи и о подчиненныхъ властяхъ, которыя должны дѣйствовать не произвольно и не по отдѣльнымъ случайнымъ повелѣніямъ, но по общимъ и постояннымъ законамъ, хранилищемъ которыхъ является *сенатъ* — важнѣйшая часть наказа, оказавшая наиболѣе вліянія на послѣдующую литературу Русскаго Госуд. права. Чуждая же нашей исторіи теорія *сословности* монархическаго государства, заимствованная у Монтескье, не получила развитія. Притомъ, наказъ представляетъ болѣе желанія своего автора, какимъ долженъ быть русскій государственный строй, чѣмъ дѣйствительно существующіе порядки. Этотъ желательный его характеръ отразился, по замѣчанію г. Коркунова, на дальнѣйшей литературѣ, которая не всегда объективно изображала дѣйствительный порядокъ, а нерѣдко впадала въ его идеализацію.

Время наказа и коммисіи 1767 г. подняло уровень пониманія вопросовъ русскаго государственнаго права: кн. *Щербатовъ* и *Болтинъ*, хотя и не написали систематическихъ о немъ трактатовъ, были болѣе глубокими государствовѣдами, чѣмъ Ѳ. Прокоповичъ или Штрубе-де-Пирмонтъ.

Кн. Щербатовъ, образованнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ своего времени, явился поборникомъ старой

русской жизни, въ которой онъ видѣлъ болѣе корпоративности [1]).

Болтинъ въ своихъ „Примѣчаніяхъ на исторію Леклерка", изданную въ Парижѣ въ 1774 г., высказалъ не мало воззрѣній на многія стороны русскаго государственнаго строя: онъ глубоко вникъ въ значеніе русскаго самодержавія [2]), онъ первый обратилъ вниманіе на общинный строй русскаго крестьянства, зло осмѣивая западно-европейскую личную свободу земледѣльца, безъ хозяйства, безъ земли [3])

Обработкѣ догмы права препятствовало отсутствіе свода. Задача юристовъ состояла въ сведеніи въ систему разбросанныхъ отдѣльныхъ законоположеній: *Правиковы* и *Максимовичъ*.

---

[1]) Сочиненіе его »О повреженіи нравовъ въ Россіи« представляетъ рѣзкую безпощадную критику всей русской жизни прошлаго вѣка.

[2]) »Русскіе опытомъ познали, что властъ единаго несравненно есть лучшая, выгоднѣйшая и полезнѣйшая какъ для общества, такъ и для каждаго особенно, нежели власть многихъ. Они удостовѣрены были, что монархія въ обширномъ государствѣ предпочтительнѣе аристократіи, которая обыкновенно теряетъ время въ спорахъ и не можетъ имѣть видовъ смѣлости« (Примѣчаніе Т. II, стр. 474) 16: »Опытъ доказалъ, что безъ единоначальства всякое политическое тѣло не имѣетъ надлежащія соразмѣрности. Ежели при нерадивомъ, при неспособномъ государѣ ослабѣваетъ правленіе, при другомъ паки поправится, пока придетъ въ прежнюю силу; республика же ослабѣвшая никогда не поправится, никогда не оживотворится. Болѣзни монархическія суть мимоходящія, легкія; а болѣзни республиканскія—тяжкія и неисцѣлимыя« (стр. 478).

[3]) »Земледѣльцы наши прусской вольности (личной, обремененной налогами) не снесутъ, германская не сдѣлаетъ состоянія ихъ лучшимъ, съ французскою помрутъ они съ голода, а англійская повергнетъ ихъ въ бездну погибели....« Бытъ русскихъ государственныхъ крестьянъ, съ общиннымъ землевладѣніемъ, представляется *Болтину* болѣе завиднымъ (Т. II, стр. 383).

За наказомъ слѣдуетъ „Руководство къ познанію россійскаго законоискуства, сочиненное *Захаріемъ Горюшкинымъ* (Москва, 1811 г. 4 переплета)[1]. Это оригинальное произведеніе „россійскаго законоискусника", изъ подъячихъ сдѣлавшагося московскимъ профессоромъ, отличается болѣе *радѣніемъ*, чѣмъ талантливостію. Къ государственному праву относится четвертый *переплетъ*. Общественное *право авторъ* раздѣляетъ на домашнее, сосѣдское, сельское, уѣздное, городское, губернское, государственное и народное. Никакихъ обобщеній, но масса внѣшнимъ образомъ упорядоченнаго матеріала, оригинально распредѣленнаго, по курьезнымъ рубрикамъ. Замѣтны вліяніе наказа и идеализація: законы должны быть издаваемы собраніемъ государственныхъ чиновъ.

Выше произведенія Горюшкина ставятъ „Систематическое собраніе россійскихъ законовъ съ присовокупленіемъ правилъ и примѣровъ изъ лучшихъ законоучителей, расположенное трудами *Сергѣя Хапылева*" (Спб. 1817—1819). Авторъ подробно развиваетъ идеи наказа; высоко ставитъ петровскій сенатъ, который, по его мнѣнію, систему управленія, не имѣвшую никакой *основательной формы*, преобразовалъ въ *умѣренно-монархическую*.

Проф. *Ил. Васильевъ* первоначально въ рѣчи своей „О духѣ законовъ, нынѣ существующихъ въ Россійскомъ государствѣ", 1824 г. систематически изложилъ начала русскаго госуд. права: существо верховной власти и состоянія, а потомъ въ изданномъ имъ въ 1826 г. „Новѣйшемъ руководствѣ къ познанію россійскихъ законовъ" представилъ учебникъ русскаго госуд. права. Идеи наказа отражаются и на этомъ сочиненіи. Авторъ его указы-

---

[1]) Характеристика этой книги сдѣлана г. Коркуновымъ въ 3 т. Сборника госуд. знаній.

ваетъ на существованіе *неизмѣнныхъ коренныхъ законовъ;* на средніе власти, составляющія существо управленія. Не говорится уже, что уложеніе должно быть издаваемо собраніемъ государственныхъ чиновъ—подобно тому какъ утверждали это *Горюшкинъ* и *Хапылевъ*, подъ вліяніемъ традиціи екатерининской коммисіи 1767 г. У *Васильева* господствуетъ *описательный* характеръ русскихъ госуд. учрежденій, что потомъ, въ періодъ свода, установилось въ наукѣ, какъ въ факультетскомъ ея преподаваніи, такъ и въ литературной разработкѣ. Но *Васильеву* принадлежитъ честь введенія въ науку *историческаго элемента*: описанію существующихъ учрежденій предпосылается краткая ихъ исторія.

Такова была дѣятельность русскихъ государствовѣдовъ до изданія свода. Ихъ затрудняла необходимость собранія и сведенія въ одно цѣлое законодательныхъ фрагментовъ.

Въ 1833 г. былъ изданъ сводъ. Но неблагопріятныя условія для разработки наукъ государственныхъ во второй четверти нынѣшняго столѣтія пріостановили научную разработку догмы русскаго государственнаго права. Опредѣленія и классификаціи Свода налегли, какъ тяжелое бремя, какъ на университетскихъ преподователей, такъ и на литературу русскаго государственнаго права. Стали ограничиваться компиляціей и перестановкой статей свода, не возводя ихъ къ общимъ началамъ и научнымъ построеніямъ, не стараясь уловить въ русскомъ государственномъ строѣ его типическія, національныя особенности. Курсы русскаго госуд. права носили чисто описательный характеръ, превратившись въ мертвую справочную книгу учрежденій и вѣдомствъ, не связанныхъ общей животворящей ихъ идеей, которую тщетно старались подмѣтить лучшіе представители славянофильской школы: *Хомяковъ*, *Самаринъ* и *Аксаковы*, выяснявшіе

національную идею самодержавія и крестьянской общины, стихійно созданную русскимъ народомъ — характернѣйшую черту русскаго государственнаго строя, столь рѣзко его отличающую отъ западно-европейскаго сословнаго, а потомъ буржуазно-конституціоннаго.

Такимъ мертвымъ описательнымъ характеромъ проникнуто было университетское преподаваніе нашей науки во вторую четверть текущаго столѣтія—извѣстные намъ курсы Романовскаго, Вигуры и Орнатскаго.

Что касается литературы русскаго государственнаго права, то въ означенный нами періодъ она проявилась въ трехъ руководствахъ по русскому государственному праву: *Дюгамеля*, *Сперанскаго*, *Проскурякова*. Намѣченный характеръ отразился съ полною силой на послѣднемъ.

„Опытъ государственнаго права Россійской имперіи“ былъ написанъ по-совѣту *Эверса* кандидатомъ Дерптскаго университета К. *Дюгамелемъ*, тотчасъ послѣ изданія свода, въ 1833 г., еще до введенія его въ дѣйствіе. Авторъ не считалъ для себя обязательнымъ руководствоваться однимъ сводомъ. Наряду съ нимъ онъ почиталъ дѣйствующими *коренные государственные законы* „кои основываютъ благоденствіе и величіе имперіи и никогда не измѣняются“. Къ этимъ законамъ онъ причисляетъ: 1) Іоанна Васильевича о недѣлимости имперіи 1346 г. (?), 2) грамоту объ избраніи въ цари Михаила Ѳедоровича 1613 г., 3) завѣщаніе Екатерины 1721 г., 4) учрежденіе императорской фамиліи и 5) указъ 1820 г. о неравныхъ бракахъ. Дерптскій государствовѣдъ *главнымъ предметомъ* Государственнаго права почитаетъ „измѣненіе правъ и обязанностей разныхъ сословій, изъ которыхъ составляется общество, и *сверхъ того* опредѣленіе существующихъ отношеній между подданными и верховною властію“ (пред. стр. II) „законнымъ основаніемъ самодержавной власти въ Россіи есть грамота объ избраніи

въ цари Михаила Ѳедоровича Романова, сочиненная во имя народа въ маѣ 1613 г.“ (Стр. 2).

Россійское государственное право (Russisches Positives staatsrecht) *Дюгамель* излагаетъ въ двухъ отдѣленіяхъ: 1) Государственныя коренныя установленія (Staats—Verfassung) и 2) Госуд. Управленіе (Staats—Verwaltung).

Въ первомъ отдѣленіи онъ излагаетъ основные законы, уставы о службѣ и законы о состояніяхъ. Значительное мѣсто занимаетъ ученіе о кавалерскихъ орденахъ (стр. 19—54).

Во второмъ отдѣленіи разсматриваются высшія правительственныя мѣста (стр. 277—352), управленіе о губерніяхъ (стр. 352—413). При этомъ излагается одна только организація, а не компетенція. Пріемъ этотъ, къ сожалѣнію, нерѣдко встрѣчаетъ послѣдователей. А между тѣмъ, компетенція учрежденій гораздо важнѣе, представляя болѣе живую и интересную ихъ сторону.

„Руководство къ познанію законовъ“ гр. *Сперанскаго* (Спб. 1845), представляетъ тѣмъ болѣе интереса, что написано человѣкомъ, игравшимъ первенствующую роль въ составленіи нашего Свода Законовъ и преподававшимъ правовѣдѣніе покойному Государю Александру II. Оно, можетъ быть, было тѣми лекціями, которыя нашъ кодификаторъ читалъ своему вѣнценосному слушателю. Написано оно было въ 1838 г., но не окончено, а издано уже по смерти автора, по Высочайшему повелѣнію. Первыя главы этого сочиненія заключаютъ въ себѣ общія понятія о правѣ и имѣютъ обще-энциклопедическій характеръ. Къ государственному праву относятся 4 послѣднія главы: гл. V—существо государственныхъ законовъ и раздѣленіе ихъ; гл. VI—существо основныхъ законовъ; гл. VII—общее обозрѣніе основныхъ законовъ другихъ государствъ; гл. VIII—учрежденія. Вѣрный основному духу русскаго госуд. строя, Сперанскій считаетъ зако-

помъ всякое повелѣніе верховной власти. Допуская важное различіе между общимъ правиломъ и частнымъ повелѣніемъ „въ образѣ ихъ составленія“, онъ не признаетъ различія „въ образѣ ихъ исполненія“ (§ 132). Въ различіи *верховнаго правленія* и собственно *управленія* онъ воспроизводитъ идеи наказа. „Верховная власть правитъ (gouverne) установленіями Ею учрежденными, а установленія управляютъ (administrent) дѣлами имъ ввѣренными по уставамъ ихъ и учрежденіямъ. Управленіе прилагаетъ законы къ даннымъ случаямъ; когда же случай не опредѣленъ въ законѣ, тогда онъ причисляется къ чрезвычайнымъ и восходитъ на разрѣшеніе верховной власти.... Изъ сего въ нѣкоторыхъ монархіяхъ изъемлются дѣла судебныя“. Верховное правленіе Сперанскій не ограничиваетъ однимъ правленіемъ установленіями, но относитъ къ нему и правленіе силами правительства. Главнѣйшая сила правительства, охраняющая весь государственный строй, оберегающая интересы и честь націи—*войско*. Примѣняя къ дѣлу правильную мысль *Сперанскаго*, слѣдовало бы войско и военную организацію ввести въ кругъ вопросовъ русскаго государственнаго права. Такъ дѣлаетъ, напримѣръ, *Эдуардъ Фишель* относительно госуд. права Англіи въ своемъ сочиненіи „Die Verfassung Englands“ [1]), но что́ не входитъ въ установившіяся рамки курсовъ и учебниковъ русскаго государственнаго права.

Слѣдуя системѣ свода, *Сперанскій* не всегда рабски придерживается ея; такъ онъ предлагаетъ свою собственную группировку министерствъ (§ 200).

Существенная теоретическая ошибка *Сперанскаго* въ томъ, что онъ не отличаетъ деспотіи отъ монархіи, какъ

---

[1]) См. въ русскомъ переводѣ »Государственный строй Англіи« на стр. 163—174 излагается организація военныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ Англіи.

двухъ различныхъ типовъ государства. Въ этомъ отношеніи гораздо правильнѣе классификація *Роберта Ф. Моля*, проводящаго разграничительную черту между обоими типами. Между монархіями *Сперанскій* различаетъ три вида: 1) монархія безъ преимуществъ въ правѣ состояній (Турція), 2) монархія съ преимуществами въ правѣ состояній (Австрія, Данія) и 3) монархія съ совѣщательными установленіями (Пруссія). Эта классификація была недостаточна даже для своего времени: какое мѣсто въ ней принадлежало парламентарной Англіи? Въ настоящее же время она представляетъ полный анахронизмъ. Сперанскій не говоритъ, къ какому виду своихъ монархій онъ относитъ Россію. По поводу неограниченной власти русскаго Самодержца онъ замѣчаетъ: „предѣлы власти, Имъ Самимъ поставленные, суть и должны быть для Него священны и непреложны. Всякое право, а слѣдовательно и право самодержавное, потолику есть право, поколику оно основано на правдѣ“ (§ 101).

Кратко изложенныя *Сперанскимъ* въ его руководствѣ начала русскаго государственнаго права пополняются другими двумя его работами: „О государственныхъ установленіяхъ“ и „О состояніяхъ“. Обѣ помѣщены въ Архивѣ Калачева—въ III и IV кн. за 1859 г.; обѣ содержатъ въ себѣ интересныя историческія свѣдѣнія.

Сочиненіе *Проскурякова*—простой и не всегда умѣлый конспектъ Свода, показывающій до какого упадка могла дойти обработка догмы русскаго госуд. права, при неблагопріятныхъ условіяхъ второй четверти текущаго столѣтія.

Царствованіе Александра II было болѣе благопріятно для разработки догмы русскаго государственнаго права. Университетамъ уставъ 1863 г. далъ большую свободу преподаванія; широко поставилъ государственное право, раздвинувъ его предѣлы теоріей и иностраннымъ госу-

дарственнымъ правомъ. Это подняло его научную обработку и отразилось какъ на характерѣ университетскихъ курсовъ, такъ и на литературѣ. Изъ извѣстныхъ намъ, курсы пр. Чичерина—въ Москвѣ, Градовскаго—въ Петербургѣ, Хлѣбникова—въ Варшавѣ, далеко опережаютъ имъ предшествовавшіе курсы, имѣвшіе характеръ справочныхъ книгъ учрежденій и вѣдомствъ.

Въ литературѣ этого времени мы встрѣчаемся съ книгами профессоровъ петербургскаго университста *И. Андреевскаго* и *А. Градовскаго*.

„Русское государственное право“ пр. *Андреевскаго* вышло въ 1866 г. Авторъ предположилъ изложить его въ 3-хъ частяхъ: 1) ученіе о правительствѣ, 2) ученіе о народѣ и 3) особенности относительно государственнаго права В. кн. Финляндскаго и Ц. Польскаго. Раздѣляя вопросы государственнаго права на двѣ главныя группы—о правительствѣ и народѣ—авторъ считалъ такое раздѣленіе болѣе удобнымъ, чѣмъ извѣстное дѣленіе нѣмецкихъ государствовѣдовъ на Staats-verfassung и Staatverwaltung, примѣненное къ нашей наукѣ *Дюгамелемъ* и проф. *Градовскимъ*.

Къ сожалѣнію, г. Андреевскій издалъ только 1 томъ „О правительствѣ“. Во введеніи къ этому тому характеризуются различные типы государствъ для того, чтобъ оттѣнить типъ Россіи; затѣмъ объясняются теоріи о государствѣ и обстоятельно излагаются источники и пособія. Самое ученіе о правительствѣ слагается изъ вопросовъ: о верховной государственной власти и законодательствѣ; объ управленіи: высшія и центральныя государственныя установленія, управленіе мѣстное и государственная служба. Каждый институтъ выясняется методомъ историческимъ и сравненіемъ съ порядками важнѣйшихъ европейскихъ государствъ.

Изъ этого очерка книги профессора *Андреевскаго* уже видно, что въ нашей наукѣ оно является значительнымъ шагомъ впередъ, оставляя далеко за собою предшествовавшіе труды *Хапылева*, *Васильева*, *Дюгамеля* и др. Въ изученіе русскаго государственнаго права вносятся новые элементы: теоретическій, сравнительный и историческій. Правда, элементы эти распредѣлены неравномѣрно: преобладаетъ историческій. Но тѣмъ не менѣе внесеніе ихъ въ науку русскаго государственнаго права составляетъ несомнѣнную заслугу автора. Ему же принадлежитъ попытка классификаціи нашихъ государственныхъ учрежденій, получившая дальнѣйшее развитіе въ книгѣ пр. *Градовскаго*. Онъ именно дѣлитъ наши государственныя учрежденія на *высшія* и *центральныя*. Первыя онъ считаетъ необходимою принадлежностію неограниченной монархіи, полагая, что представительное государство въ нихъ не нуждается, довольствуясь учрежденіями центральными. Организацію учрежденій онъ подводитъ подъ три типа: единоличную, бюрократическую и коллегіальную, вопреки общепринятымъ послѣднимъ двумъ.

Къ изданію своихъ „Началъ Русскаго государственнаго права“ пр. *Градовскій* приступилъ въ 1875 г., когда вышелъ I т. „О государственномъ устройствѣ“. Вслѣдъ затѣмъ изданъ II т. „Органы управленія“, вышедшій во 2-мъ изданіи въ 1881 г. Предметъ III-го т. „органы мѣстнаго управленія“ разбиты на двѣ части: 1) историческій очеркъ мѣстныхъ учрежденій въ Россіи и 2) учрежденія правительственныя и дворянскія. Эта часть вышла въ 1883 г. Вторая часть 3-го тома будетъ заключать въ себѣ ученіе о самоуправленіи—земскомъ, городскомъ и крестьянскомъ, но она не вышла еще въ свѣтъ. Въ системѣ пр. *Градовскій* держался принятаго нѣмецкой наукой раздѣленія на ученіе о государственномъ устройствѣ и ор-

ганахъ управленія. Образцами для него, какъ онъ самъ говоритъ, служили извѣстные труды *Рённе*, *Шульце*, *Гротефенда* и др. Изъ каждаго отдѣла, на которые пр. *Градовскій* разбиваетъ свою систему русскаго госуд. права, онъ стремится сдѣлать нѣчто цѣлое, проникнутое однимъ основнымъ началомъ. Въ ученіи о государственномъ устройствѣ началомъ такимъ является идея *законности*. Ученіе о законѣ составляетъ содержаніе 1-ой книги 1-го тома. Это нововведеніе авторъ оправдываетъ тѣмъ, „что формальная теорія юридическихъ нормъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, должна предшествовать разсмотрѣнію *содержанія* отдѣльныхъ учрежденій государственнаго права. Ученіемъ о законѣ опредѣляется существо неограниченной монархіи, какъ *юридической* формы государства". Ученіе о законѣ получило слишкомъ широкое развитіе (стр. 11—142), впадая иногда въ обще-энциклопедическій характеръ. Во второй книгѣ перваго тома излагается ученіе о верховной власти, а въ третьей—о подданствѣ и правахъ состоянія.

Въ основу ученія объ органахъ управленія, составляющаго содержаніе II-го т., положено понятіе *должности* „постояннаго установленія, предназначеннаго къ непрерывному осуществленію опредѣленныхъ цѣлей государства". Изложивши въ первой книгѣ этого тома существо государственной должности и историческое развитіе ее въ Западной Европѣ и въ Россіи и ученіе о государственной службѣ, авторъ во второй книгѣ разсматриваетъ государственныя учрежденія. Предлагается новая классификація ихъ на двѣ группы: учрежденія управленія *верховнаго* и *подчиненнаго*. Сообразно тому имѣетъ-ли данное учрежденіе опредѣленную власть или нѣтъ. Учрежденіе, не имѣющее опредѣленной степени власти, а только содѣйствующее совѣщательнымъ образомъ осуществленію власти Государя, относится къ учрежденіямъ

верховнаго управленія: государственный совѣтъ, совѣтъ и комитетъ министровъ; имѣющія опредѣленную степень собственной власти – къ управленію подчиненному: сенатъ, сунодъ и министерства.

Въ первой части 3-го тома, во введеніи, изложено общее ученіе о мѣстномъ управленіи — о централизаціи, децентрализаціи и самоуправленіи. Первая книга посвящена обстоятельному и мастерскому историческому очерку мѣстнаго управленія въ Россіи, а во второй книгѣ трактуется современная организація мѣстныхъ учрежденій — правительственныхъ и дворянскихъ.

Въ сочиненіи профессора Градовскаго еще болѣе широкое примѣненіе получили пріемъ теоретическій, сравнительный и историческій. Встрѣчаемъ иногда критическую оцѣнку отечественныхъ государственныхъ институтовъ. Догматическое изложеніе весьма подробно; при изложеніи организаціи нѣкоторыхъ учрежденій мы встрѣчаемъ такія подробности, которыя авторъ могъ собрать на мѣстѣ отъ должносныхъ лицъ. Догматическій элементъ утрачиваетъ тотъ чисто-описательный характеръ, который установился въ наукѣ послѣ Васильева. Обращается вниманіе не только на организацію учрежденій, какъ у Дюгамеля, но и на ихъ компетенцію.

Сочиненіе профессора Градовскаго — почтенный и назидательный трудъ, въ которомъ наша наука дѣлаетъ рѣшительный шагъ впередъ. Нельзя только не пожалѣть, что на автора слишкомъ сильно вліяли иностранные образцы, и что изображенія его нѣкоторыхъ чертъ русскаго государственнаго строя представляютъ иногда болѣе характеръ желательный, чѣмъ дѣйствительный. Задача же русскаго государствовѣда — объективно изобразить русскій государственный строй, разъяснивши тѣ реальные силы и мотивы, подъ давленіемъ которыхъ онъ исторически сложился.

Профессору Градовскому наша наука обязана и другими трудами: о толкованіи законовъ, о мѣстномъ управленіи и т. д.

Но система и рамки догматики русскаго государственнаго права настолько еще не установились, что у каждаго почти университетскаго преподавателя замѣчаемъ въ нихъ особенности. Покойный профессоръ *Хлѣбниковъ* въ Варшавскомъ университетѣ излагалъ предметъ въ очень своеобразной системѣ; его преемникъ по каѳедрѣ *А. Блокъ* дѣлитъ эту систему на двѣ части: часть первая—*о государственномъ обществѣ въ Россіи*: „основные законы и законы о состояніяхъ“, часть вторая *о государственной власти въ Россіи*: учрежденія центральныя и мѣстныя [1]).

Считаемъ не лишнимъ заключить этотъ обзоръ указаніемъ на почтенный трудъ кн. *Васильчикова* „О самоуправленіи“. Сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учрежденій [2]).

Говоря о пособіяхъ, слѣдуетъ также указать на толки лучшихъ представителей нашей прессы о нашихъ учрежденіяхъ и реформахъ въ нихъ за послѣднее время. Важнѣйшія изъ этихъ реформъ — крестьянская, судебная, земскія учрежденія, городское управленіе, преобразованія по духовной части — вызывали рядъ болѣе или менѣе удачныхъ статей въ нашихъ журналахъ и газетахъ, статей написанныхъ такими писателями, какъ Кавелинъ, Градовскій, Катковъ, Аксаковъ, Головачевъ, Колюпановъ, Карновичъ, Ѳадѣевъ и др. Въ одномъ изъ ливрезоновъ Матеріаловъ коммисіи о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій сведены всѣ статьи нашей

[1]) *А. Блокъ* »Политическая литература въ Россіи и о Россіи. Вступленіе въ курсъ русскаго государственнаго права« (Варшава, 1884 г.).

[2]) I т. соч. кн. Васильчикова, въ которомъ до крайности отвергается правительственная интервенція въ самоуправленіе, изд. въ 1871 г.

прессы, относящіяся къ проэкту административно-полицейской реформы, Собранныя и напечатанныя по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ [1]). Нѣкоторыя изъ этихъ статей собраны: „Десять лѣтъ реформъ“ Головачева; „Очерки нашихъ порядковъ административныхъ, судебныхъ и общественныхъ“ Карновича и др.

Можемъ еще прибавить: „Мѣстное управленіе въ Россіи“ (1884 г.) Подлигайлова и „Наше мѣстное управленіе и мѣстное представительство“ (1884 г.) Головина. Первое, впрочемъ, довольно поверхностно и фельетонно. Второе — статьи, которыя помѣщались въ почтенномъ органѣ И. С. Аксакова „Русь“.

Если для выясненія догмы русскаго государственнаго права такъ мало сдѣлано отечественными государствовѣдами, тѣмъ менѣе мы можемъ ожидать отъ изслѣдователей иностранныхъ, чтобы они правильно понимали и оцѣнивали нашъ своеобразный государственный строй.

Далеко не всѣ изъ нихъ способны были смотрѣть на Россію яснымъ взглядомъ геніальнаго *Мольтке* [2]). Большая же часть иностранныхъ писателей своими сужденіями о нашихъ государственныхъ порядкахъ оправдываютъ слова, сказанныя при случаѣ нашимъ незабвеннымъ поэтомъ Ѳ. Тютчевымъ: „самый умный нѣмецъ,

---

[1]) См. приложеніе къ 10 отдѣленію. Часть I, матеріалы историческіе и законодательные (Спб. 1870 г.).

[2]) Въ своихъ »Письмахъ изъ Россіи« *Мольтке* говоритъ: »Много говорили о томъ, что это огромное государство неминуемо распадется, при увеличеніи его народонаселенія, но забываютъ при этомъ, что ни одна часть его не можетъ существовать, безъ другой: богатый лѣсами сѣверъ не можетъ обойтись безъ обильнаго хлѣбомъ юга, промышленная же коренная Россія не можетъ обойтись безъ обѣихъ окраинъ, внутренняя же ея часть—безъ приморскихъ областей или безъ четыре-тысячно-верстнаго воднаго пути Волги« (См. ст. Брандеса »Гр. Мольтке«: Русская мысль, январь, 1885 г.).

когда начнетъ говорить о Россіи, непремѣнно окажется глупцомъ“ (Р. Старина, Янв. 1885 г.) [1]).

Между прочимъ, существуетъ обширная иностранная литература о русскихъ государственныхъ порядкахъ. Она открывается извѣстнымъ сочиненіемъ *Герберштейна* „Rerum Mascoviticarum Commentarii“, которое современи своего перваго появленія въ 1549 г. имѣло 25 изданій, а на русскій языкъ было переведено 4 раза (послѣдній переводъ *Анонимова* въ 1866 г.). Герберштейнъ подробно изображаетъ Московскую Русь въ первую четверть XVI в. По точности сообщаемыхъ свѣдѣній, онъ возвышается надъ всѣми другими иностранными писателями о Россіи. Онъ, конечно, долженъ быть поставленъ выше *Джильса Флетчера*, сочиненіе котораго On the russe Common Wealth впервые было издано въ 1591 г., и вскорѣ сожженно, по просьбѣ лондонской компаніи, какъ обидное для Россіи [2]). Въ книгѣ *Маржерета* „Estat de l'Empire de Russie“ [3]), изданной въ 1607 г. и посвящен-

---

[1]) См. также характеристику сказаній иностранцевъ, которую дѣлаетъ пр. *Бестужевъ-Рюминъ* въ своей »Русской исторіи« (стр. 165—208): »вспомнимъ еще, что съ XVIII в. Европа начала бояться усиленія Россіи и слѣдовательно смотрѣть неблагосклонно на эту страну, у которой своя вѣра, не похожая ни на католицизмъ, ни на протестантизмъ, свой языкъ, не происходящій ни отъ латинскаго, ни отъ нѣмецкаго, свой образъ правленія и свой взглядъ на власть, не напоминающій ни европейскаго деспотизма, ни европейскихъ конституцій, ни европейскихъ революцій, свой способъ землевладѣнія, который Европѣ кажется какимъ то анахронизмомъ, не смотря на то, что едва ли не въ немъ спасеніе отъ бѣдъ, угрожающихъ Европѣ. Ясно, стало быть, что трудно ожидать отъ Европейца не только безпристрастія, но даже пониманія, и дѣйствительно пониманіе (Гакстгаузенъ, Блазіусъ) встрѣчается очень рѣдко« (стр. 169).

[2]) Существуетъ французскій переводъ La Russie au XVI-e Siècle (P. 1864).

[3]) Русскій переводъ »Состояніе Россійской державы« Спб. 1830 г.

ной франц. королю Генриху IV, заключаются свѣдѣнія о русскихъ учрежденіяхъ того времени. Характеръ русскаго самодержавія: „властвуя неограниченно, царь заставляетъ подданныхъ повиноваться своей волѣ безпрекословно?...“ Эта характеристика тѣмъ болѣе достойна вниманія, что относится къ началу 17-го вѣка, когда начали колебаться вѣковые устои русскаго государственнаго строя.

Существуютъ нѣкоторыя попытки иностранныхъ писателей изложить систему Русскаго Государственнаго права. Намъ извѣстны нѣкоторые изъ нихъ. Укажемъ на Jus publicum imperi Russorum (1737) *Моргенштерна*; Beitrage zur Kenntniss der Staatsverfassung v. Russland (Riga, 1772) *Шмидта Фиселъдека*. Названіе этого небольшаго трактата (216 стр. малаго формата) обманчиво: къ государственному праву здѣсь относится развѣ только указъ объ учрежденіи ордена Св. Георгія, да инструкція губернаторамъ (стр. 11—35), большая же часть книги посвящена торговому уставу г. Риги (стр. 87—191). Большій интересъ представляетъ небольшое сочиненіе *Шлецера* „Historische Untersuchung über Ruslands Reichsgrundgesetze“ (Gotha, 1777). Авторъ изслѣдуетъ вопросъ о томъ: имѣетъ-ли Россія основные законы и каковы они? Есть-ли законъ о престолонаслѣдіи, изданный Петромъ В , русскій основной законъ? Имѣетъ-ли этотъ законъ примѣненіе? Довольно обширное сочиненіе *Вильгельма Гупеля* Versuch die Staatsverfassung des Russischen Reichs darzustellen“ (Riga, 1791 г. 2 т.), наряду со множествомъ статистическихъ и географическихъ свѣдѣній, заключаетъ въ себѣ нѣкототорыя стороны русскаго госуд. строя: довольно обстоятельно изложены *состоянія* (стр. 153 – 230 17), *основные законы*. (Die Beherschung des Reichs, oder der Monarch, стр- 230—346, 1 т.), *органы управленія и устройство городовъ* (Staatsverwaltung durch Behörden, стр.

441—495, 1 т.). Это интересное сочиненіе, изданное въ Ригѣ, достойно вниманія еще въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ горячій панегирикъ русскому народу [1]).

Къ перечисленнымъ нами нѣмецкимъ трудамъ, мы можемъ прибавить еще работу *Кампенгаузена*, посвященную Шлецеру „Elemente des russischen Staats-Rechts“ (Goettingen, 1792), коротко перечисляющую основные государственные законы Россіи, къ которымъ онъ относитъ избирательную грамоту 1613 г. и законъ Ивана В. о недѣлимости имперіи (не отсюда-ли взялъ *Дюгамель* свои коренные законы?), и указывающую на особенныя права *казаковъ*, преимущественно малороссійскихъ.

Въ послѣднее время интересъ къ изученію Россіи и особенностей ея государственнаго строя значительно увеличился въ з. Европѣ, и въ литературахъ нѣмецкой, англійской и французской стали появляться книги, достойныя нашего вниманія.

Первое мѣсто между ними принадлежитъ книгѣ *барона Гакстгаузена* „Die ländliche Verfasung Russlands“ (изд. 1866 г.), изслѣдующей русскій аграрный вопросъ и великорусское общинное землевладѣніе, для выясненія особенностей котораго такъ много сдѣлано нашими славянофилами, и преимущественно *Самаринымъ* [2]).

---

[1]) »Diese Hauptnation« говоритъ *Гупель* о русскихъ »unter der Völkern des Erdbodens zeichnet sich durch gute Eigenschaften und Nationaltugenden vortheilhaft aus«.... указывая на многія хорошія качества, онъ продолжаетъ....« mit einer solchen Nation kann man alles ausrichten, zumal da sie gegen ihren Beherrscher, wenn er nur einigermassen ihr Herz gewonnen hat, eine unerschütterliche Treue, und gegen dessen Beamten den willigsten Gehorsam beweist« (стр 141 т. I).

[2]) См. также »Взглядъ на русскую сельскую общину« *Кавелина*.

Сочиненіе *Мекензи Уоллеса* „Russia“ (1877, 2 тома), несмотря на многія ошибки, есть плодъ добросовѣстнаго и усерднаго изученія Россіи. Оно очень назидательно. Укажемъ на главу о крестьянскомъ мірѣ и сельской общинѣ (стр. 179—210, 1 т.), о руссификаціи инородческихъ племенъ (стр. 227, 1 т.), государство и церковь (стр. 175 2 т.), новые судебные порядки (стр. 381 2 т.) и т. д.

Выше книги *Мекензи Уоллеса* должно быть поставлено сочиненіе *Анатолія Леруа-Больє* „L'empire des Tsars et les Russes“. Книга эта, какъ говоритъ ея авторъ — плодъ десятилѣтняго труда и четырехъ путешествій по Россіи, начиная съ 1872 г. Автора всегда интересовало наше отечество, въ особенности вслѣдствіе „caractère énigmatique de ses habitans, l'espèce de mystère qui plane sur la Russie et sur ses destinées“, а также по трудности узнать и понять его. Первые этюды о Россіи—финансы, армія, внѣшняя политика—печатались въ Revue des Deux Mondes. Эти этюды, вызвавшіе рядъ критическихъ замѣтокъ, подготовляли автора къ большому труду о Россіи Этотъ трудъ разбитъ авторомъ на три тома: въ первомъ томѣ (1881) трактуется о характерѣ страны и ея населенія, разбивающагося на дворянство, городскихъ обывателей и крестьянъ. Томъ этотъ изображаетъ, какъ выражается авторъ „la scène vivante sur laquelle se joue le drame émouvant del'histoire russe contemporain.“ Во второмъ томѣ (1882 г.) излагаются учрежденія, администрація центральная и мѣстная, земское и городское самоуправленіе, полиція, юстиція и т. д. Третій томъ посвященъ религіи, составляющей, по словамъ автора, „первую моральную силу русскаго народа“, организаціи православной церкви „столь мало извѣстной Западу“ и сектамъ, „которыя лучше учрежденій государства обнаруживаютъ характеръ народа, его идеи и стремленія“.

Если сочиненіе *Леруа-Больё* не всегда свободно отъ ошибокъ, а авторъ его о русскихъ порядкахъ судитъ иногда съ точки зрѣнія западно-европейскаго буржуазно-либеральнаго конституціонализма, то во всякомъ случаѣ отрадно встрѣтить въ соотечественникѣ *Леклерка*, наглость, пустота и злословіе котораго такъ возмущали патріотическаго *Болтина*, стремленіе возможно безпристрастнѣе судить о нашихъ государственныхъ порядкахъ. Сочиненіе его, несомнѣнно, далеко выше трехтомной книги *Шпицлера* „L'Empire des Tsars", изобилующей крайне поверхностными сужденіями.

а) Что касается *источниковъ* для историческаго изученія русскаго государственнаго права, то они заключаются во множествѣ сборниковъ и изданій, надъ которыми трудились какъ частныя лица, такъ и ученыя и правительственныя установленія, начиная съ конца XVIII в. Начинателемъ изданій такого рода является Новиковъ съ своей Древней Россійской Вивліоѳикой, которую продолжала академія наукъ. Продолжателемъ дѣла Новикова изъ частныхъ лицъ является вначалѣ текущаго столѣтія знаменитый Румянцевъ, въ своемъ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ (4 т.).

Большая часть Вивліоѳики занята актами. Въ Румянцевскомъ изданіи, печатаніе котораго окончено въ 1827 г., находятся памятники съ XII и до XVII в. Здѣсь мы найдемъ: духовныя и договорныя грамоты князей; чинъ вѣнчанія великихъ князей и царей на царство, царскія грамоты о восшествіи на престолъ, клятвенныя записи о вѣрности службы, актъ избранія на престолъ Михаила Ѳедоровича, постановленія земскихъ соборовъ и т. д. Но важнѣйшіе источники были изданы Археографической Комиссіей съ 1837 г. и II Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи. Изданіе послѣдняго, Полное собраніе законовъ—въ двухъ се-

ріяхъ (до 1825 г. 48 кн. и съ 1825 непрерывно продолжающейся)—заключаетъ въ себѣ интереснѣйшія данныя для историческаго изученія всѣхъ частей нашего права, начиная съ половины 17 столѣтія.

Изъ новѣйшихъ изданій памятниковъ особенно поучительны изданія Русскаго историческаго общества. Въ 3-мъ томѣ Сборника этого общества началось помѣщеніе свѣдѣній о Екатерининской коммисіи 1767 г., которыя продолжались и въ слѣдующихъ томахъ, и въ которыхъ заключаются драгоцѣннѣйшія историческія данныя по русскому государственному праву, особенно относительно сословій. Весьма важно также начавшееся въ 1869 г. изданіе Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія, съ Духовнаго регламента. Для русскаго государствовѣда очень цѣнны такія изданія, какъ „Писцовыя книги московскаго государства“, подъ редакціей Калачова (Т. I, 1871), какъ „Архивъ государственнаго совѣта“ и т. д.

Изъ сборниковъ, изданныхъ частными лицами, А. Скребицкій издалъ въ IV т. Матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ, подъ заглавіемъ „Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II.“ Изданіе это вмѣстѣ съ „Матеріалами для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія....“, изданными въ 3-хъ т. въ Берлинѣ въ 1863 г.—заключаетъ въ себѣ сокровищницу данныхъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго права—самаго капитальнаго событія въ развитіи нашего государственнаго строя.

Въ Русскомъ Архивѣ Бартенева, издавшаго такой важный памятникъ, какъ записку Карамзина „О древней и новой Россіи“, Русской Старинѣ Семевскаго, въ Древней и новой Россіи, въ Историческомъ Вѣстникѣ *Шубинскаго* и во многихъ другихъ нашихъ журналахъ (Русская Мысль, Русскій Вѣстникъ и др.) отъ времени

до времени появляются также важныя историческія свѣдѣнія для нашего предмета.

б) Ученая обработка источниковъ началась съ конца прошлаго ст.: въ XV т. Древней Россійской Вивліоѳики помѣщена была статья о приказахъ, въ Прибавленіяхъ къ дѣяніямъ Петра В. Голикова—о различныхъ учрежденіяхъ; кн. Щербатовъ написалъ О старинныхъ чинахъ въ Россіи, Миллеръ—О дворянахъ россійскихъ. Вначалѣ текущаго столѣтія мы встрѣчаемъ статью Дмитревскаго о дворянствѣ [1]), Грибовскаго въ Харьковѣ—о господскихъ крестьянахъ [2]). Затѣмъ мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ Максимовича, Мальгина и Успенскаго опытъ историческаго изученія нѣкоторыхъ нашихъ учрежденій.

Болѣе сдѣлано изслѣдователями позднѣйшими. Эверсъ, Рейцъ и Нейманъ—въ Дерптѣ, Морошкинъ—въ Москвѣ (О соборномъ Уложеніи, о помѣстьяхъ), Неволинъ—въ Кіевѣ, а потомъ въ Петербургѣ, содѣйствуютъ историческому уясненію русскаго государственнаго права. Каѳедра исторіи русскаго права получаетъ болѣе и болѣе значенія въ русскомъ юридическомъ факультетѣ. Она находитъ такихъ представителей, какъ въ прежнее время *Кавелинъ*, *Калачевъ* и *Бѣлявъ*—въ Москвѣ. А въ настоящее время *В. Сергѣевичъ*—въ Петербургѣ, *М. Дудановъ*—въ Кіевѣ, *ѳ. Леонтовичъ*—въ Одессѣ, *И. Дитятинъ*—въ Харьковѣ, *Н. Загоскинъ*—въ Казани. Къ чести русскихъ юридическихъ факультетовъ, эта основная каѳедра замѣтно выдвигается на первый планъ. Успѣхи исторіи русскаго права, въ связи съ русской исторіографіей вообще (Карамзинъ, Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Ило-

---

[1]) Краткій опытъ историческаго изслѣдованія о россійскомъ дворянствѣ. Москва, 1804 г.

[2]) Dissertatio de servorum herilium in Rossia statu vetere. Харьковъ, 1816 г.

вайскій и др.) не могутъ не содѣйствовать историческому выясненію существенныхъ основъ русскаго государственнаго строя. Появляется много монографій по исторіи русскаго государственнаго права, изъ которыхъ нѣкоторыя обнимаютъ довольно большіе періоды времени или основные вопросы. Таковы, напримѣръ, изслѣдованія: Валуева — о мѣстничествѣ, Кавелина — преимущественно о нашемъ судоустройствѣ и объ общемъ ходѣ въ историческомъ развитіи нашего государства, Бѣляева, Побѣдоносцева и Семевскаго — о крѣпостныхъ крестьянахъ, — Чичерина — объ областныхъ учрежденіяхъ, Градовскаго — о центральныхъ учрежденіяхъ 18 в. и мѣстномъ управленіи царскаго періода, Романовича-Славатинскаго — о дворянствѣ въ періодъ императорскій и губернскихъ учрежденіяхъ до 1775 г., Сергѣевича — о государственномъ устройствѣ и управленіи въ начальный періодъ нашей исторіи, о земскихъ соборахъ и Екатерининской коммисіи 1767 г., Неволина — по организаціи управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В., Дитятина — по исторіи управленія городовъ, Ключевскаго — по исторіи Боярской думы въ древней Руси, Петровскаго — по исторіи петровскаго сената, Латкина — по земскимъ соборамъ древней Руси и т. д. Появляется много и другихъ монографій, на которыя будетъ указано нами отдѣльно, при изложеніи разныхъ частей русскаго государственнаго права. Но, несмотря на обиліе трудовъ, на нѣкоторыя изслѣдованія, проникнутыя несомнѣннымъ талантомъ, пока мало сдѣлано для выясненія историческихъ основъ нашего государственнаго строя.

Полной же исторіи русскаго государственнаго права, вродѣ той, какую представляетъ классическое сочиненіе Неволина для исторіи гражданскихъ законовъ, наша историко-юридическая литература не представляетъ. Единственная попытка сочиненіе Рейца „Versuch über die

geschichtliche Ausbildung der Russischen Staats und Rechts-Verfassung (1829), доведенное“ до Уложенія Алексѣя Михайловича, переведенное въ 1839 г. Морошкинымъ, съ его примѣчаніями, но въ настоящее время довольно устарѣлое [1]).

---

[1]) Слѣдуетъ также указать на такія сочиненія, какъ »Домашній бытъ древнихъ царей и царицъ« Забѣлина, »Жизнь гр. Сперанскаго« б. Корфа, Біографія Блудова-Ковалевскаго, »Гр. Киселевъ и его время« Заблоцкаго-Десятовскаго и т. д.

РАЗДѢЛЪ I.

ОРГАНИЗАЦІЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ.

Историческое развитіе.

Самодержавное монархическое начало—краеугольный камень русскаго государственнаго строя—столь рѣзко отличающее его отъ буржуазно-конституціоннаго—монархическаго или республиканскаго—строя Западной Европы, который возникъ на феодальной почвѣ сословной борьбы и договорныхъ отношеній, зарождалось росло и крѣпло одновременно съ зарожденіемъ, ростомъ и крѣпостію русскаго народа. Оно собирало въ единое цѣлое раздробленную русскую землю, соединяло разбросанныя ея племена въ цѣльную и единую русскую націю, съ особенными свойственными ей индивидуальными чертами, съ особеннымъ юридическимъ и политическимъ міросозерцаніемъ, существенно отличающимся отъ міросозерцанія греко-римскаго и романо-германскаго.

Русское самодержавно-монархическое начало, въ своемъ постепенномъ историческомъ развитіи, сконцентрировало и собрало въ одинъ фокусъ ту власть, которая въ человѣческихъ обществахъ размѣщается повсюду, гдѣ только есть разница между сильнымъ и слабымъ, большимъ и меньшимъ, богатымъ и убогимъ. Въ

отобраніи власти у сильнаго надъ слабымъ, большаго надъ меньшимъ, богатаго надъ убогимъ, въ истребленіи многовластія—аристократическо-анархическихъ началъ, къ которымъ такъ свойственна человѣческая природа, въ сосредоточеніи власти состоялъ главный смыслъ русской исторіи, которая органически привела къ установленію самодержавнаго принципа, составляющаго плодъ многовѣковой страды и крови русскаго народа, силу его національной жизни, залогъ его свѣтлаго, блестящаго будущаго. Выработанный всѣмъ предшествовавшимъ историческимъ развитіемъ русской націи самодержавный принципъ, покрывающій собою весь русскій народъ, заключающій въ себѣ власть надъ властями, верховную власть надъ всякою подчиненною властію, представляетъ собою глубоко-христіанскую, по истинѣ демократическую идею. Предъ лицомъ его сильный равенъ слабому, большій меньшему, богатый убогому. Онъ болѣе всѣхъ западно-европейскихъ революціонныхъ теорій и буржуазно-конституціонныхъ практикъ проникнутъ евангельскимъ началомъ *равенства* всѣхъ людей предъ лицомъ закона и государства.

Этотъ самодержавно-монархическій принципъ—органическое, самопроизвольное созданіе русскаго національнаго духа; органическій продуктъ реальныхъ мотивовъ и силъ—географическихъ, этнографическихъ, конфессіональныхъ и др.—которыми была обставлена наша исторія. Нельзя, поэтому, не сказать, что теорія *Герцена*, будтобы русское государство „утвердилось страшными средствами: рабствомъ, кнутомъ, казнями гнали русскій народъ къ образованію огромной имперіи; сквозь строй шелъ онъ на совершеніе судебъ своихъ“, столько же возмутительна, сколько невѣрна исторически. Она представляетъ плодъ отрѣшенія отъ родной жизни, невѣдѣнія гордымъ эмигрантомъ основныхъ чертъ народной исторіи. Точно также и сочиненная исторія татарско-нѣмец-

каго происхожденія русскаго абсолютизма, будто бы водворившаго у насъ милитаризмъ и бюрократизмъ, задержавшіе развитіе русской культуры, не можетъ не быть отвергнута русскимъ человѣкомъ, какъ оскорбительная для его національной чести и невѣрная его исторіи. Усиливать значеніе татарщины для развитія Московскаго единодержавія, какъ это дѣлаетъ покойный Костомаровъ [1]) такое же историческое заблужденіе, какъ и придавать чрезмѣрное значеніе вліянію византійскому, по примѣру Пыпина [2]). Оба элемента, конечно, имѣли свою долю вліянія, но тѣмъ не менѣе русское государство — единственное мощное государство, созданное славянскимъ геніемъ—съ русскимъ самодержцемъ воглавѣ, воплощающимъ въ себѣ мощь и завѣтныя стремленія славянства—органическое, самопроизвольное созданіе русскаго народа, естественный продуктъ тѣхъ реальныхъ мотивовъ и силъ, которыми была обставлена его исторія.

Правда, нѣкоторые писатели признавали, что славянскія племена неспособны къ самодѣятельному образованію государства. Поэтому, они полагали, что и наше русское государство—честь и гордость русскаго народа—создано руками иноземцевъ, по чужеземнымъ образцамъ. Легенда о призваніи трехъ князей—варяговъ, для установленія правды и наряда въ великой и обильной землѣ славянской, давала этой теоріи оправданіе. Исторія петровскихъ реформъ, преобразовавшихъ нашъ государственный строй по шаблонамъ шведскимъ, голландскимъ и нѣмецкимъ, еще болѣе ея подтверждала.

Но зарожденіе каждаго государства всегда обставлено таинственностію и легендой; но иноземная рецепція сопро-

---

[1]) »Начало единодержавія въ древней Россіи« В. Евр. 1870 № 11.

[2]) »Московская старина« В. Евр. 1885 № 1.

вождаетъ развитіе каждой великой націи. Тѣмъ не менѣе процессъ основанія государства каждой великой націи—самозарожденіе. Таковымъ онъ былъ и на русской землѣ.

Легенда о призваніи варяго-русскихъ князей знаменуетъ собою нарожденіе идеи національнаго единенія—идеи нейтральной верховной власти, которая содѣйствовала бы этому единенію.

Но прежде, чѣмъ идея эта достигла полнаго развитія, вполнѣ выразившись въ соотвѣтственномъ ей учрежденіи, ей пришлось вести долгую и упорную борьбу съ ограничивавшими ея общественными силами и элементами. Воплощеніе идеи верховной власти, необходимой для единенія русскаго народа и претворенія его въ единую сплоченную націю, развивалось постепенно, переживались многоразличные фазисы, которые обусловливались и опредѣлялись тѣми реальными силами, которыя заправляли обще-историческимъ развитіемъ нашего государства.

Первые представители этой идеи—первыя поколѣнія князей-рюриковичей—носятъ *военный* характеръ—*начальниковъ* дружины, примучивавшей русско-славянскія племена, собирая ихъ воедино. Дружина и земщина фактически ограничиваютъ проявленія ихъ власти, о высокихъ задачахъ которой проповѣдуетъ церковь. Наша православная церковь никогда не претендовала, подобно западной, на земную власть. Она не вступала, поэтому, въ соперничество съ государствомъ, не интриговала противъ него, но старалась внѣдрить въ народныя массы идею могущества государства и его верховной власти. Съ первымъ появленіемъ христіанства проникаютъ новыя понятія о власти, неизвѣстныя древнему русско-славянскому языческому быту. Эта власть—божественнаго происхожденія. Послышались слова апостола Павла:

„всяка душа властемъ предержащемъ да повинуется, нѣсть бо власти аще не отъ Бога, сущія бо власти отъ Бога учинены суть“. Духовенство намѣчаетъ миссію власти: „ты поставленъ еси отъ Бога“ говоритъ оно кн. Владиміру „на казнь злымъ, а добрымъ на милованье“. Называетъ уже Владиміра „царемъ“ и „самодержцемъ“, „поставленнымъ отъ Бога“.

Въ народныхъ массахъ, чутко прислушивавшихся къ проповѣди церкви, начинаетъ складываться понятіе, что княжеская власть — божественнаго происхожденія, что задача ея миловать и защищать сирыхъ и убогихъ. Народныя массы, стихійно стремившіяся къ сліянію въ единое цѣлое и образованію единой цѣльной націи, начинаютъ уповать, что цѣль эта можетъ быть достигнута, когда во-главѣ этихъ массъ станетъ единая мощная власть и поведетъ ихъ на созданіе и устроеніе мощнаго русскаго государства. Но пока эти народныя стремленія и упованія воплотились въ образъ самодержавнаго московскаго царя и всероссійскаго императора, пришлось работать много вѣковъ, пережить множество перипетій.

Съ Ярослава I исключительно дружинно-военный характеръ князя видоизмѣняется. Онъ задумалъ основать государственный строй Руси и утвердить ея политическое единство на томъ началѣ, что вся Русская земля должна принадлежать *всему* княжескому роду. Каждый князь — членъ рода - получалъ свою часть. Старшій же въ родѣ, ближайшій по рожденію къ родоначальнику, долженствовалъ быть первымъ между князьями — княземъ великимъ. Ему, какъ старшему въ родѣ и главному представителю единства и интересовъ русской земли, подчинялись всѣ прочіе князья. Мѣстопребываніемъ его былъ Кіевъ.

Открылся такимъ образомъ, *удѣльно-вѣчевой*, кіевскій періодъ нашей исторіи. Русь раздробилась на волости,

удѣлы, которые переходили отъ одного князя къ другому. Князья кочуютъ по всей русской землѣ, переходя изъ волости въ волость, по мѣрѣ того, какъ переходилъ и столъ кіевскій отъ одного великаго князя къ другому. Кочуетъ по русской землѣ и княжеская дружина и земцы —крестьяне: „а бояромъ и слугомъ и крестьяномъ межи насъ вольнымъ воля". Оживаетъ *общинное начало*, на которое сначала налегла варяго-русская дружина; оживаютъ *вѣча*, и звонъ вѣчевыхъ колоколовъ раздастся по всей русской землѣ. Но неспособные жить безъ князя, общины выбираютъ себѣ князей, призываютъ и изгоняютъ ихъ, заключая съ ними *ряды* и *докончанья*.

Но несмотря на распаденіе Русской земли на удѣлы, какъ въ народѣ, такъ и въ князьяхъ живетъ сознаніе о *единой Русской землѣ* — одной вѣры, одного племени. Какъ только приходилось бороться съ погаными, раздробленная Русь дѣйствуетъ, какъ одно цѣлое. Исчезаютъ князья переяславскіе, черниговскіе и тмутораканскіе —на исторической сценѣ мы видимъ однихъ князей *русскихъ*. Дѣйствуетъ одна земля—*Святая Русь*, со своими свято-русскими богатырями. Главный центръ святой Руси —первопрестольный Кіевъ, главный князь—князь Кіевскій.

Государственный строй зиждется на трехъ элементахъ: *князь*, *дружина* и *вѣче* [1]). Элементы эти находятся

---

[1]) Профессоръ Сергѣевичъ, выяснившій значеніе вѣчевыхъ порядковъ въ древней Руси, не обратилъ, впрочемъ, вниманія на то, что порядки эти не вездѣ одинаково примѣнялись, что сила вѣчевыхъ началъ не во всѣхъ волостяхъ была одинакова. На это справедливо указалъ ему проф. Градовскій. Въ Кіевѣ вѣче имѣло меньшее значеніе, чѣмъ въ Новгородѣ и Псковѣ; въ Суздалѣ и Ростовѣ меньшее, чѣмъ въ Кіевѣ и Переяславлѣ. Въ Новгородѣ и Псковѣ вѣча имѣли обширную законодательную дѣятельность, о чемъ свидѣтельствуютъ

въ постоянномъ колебаніи, то борясь между собою, то уравновѣшивая другъ друга.

Съ конца 12 в. мы замѣчаемъ крутой поворотъ въ ходѣ русской исторіи. Блекнетъ идея единой святой Руси. Русь стремится къ распаденію на отдѣльныя области. Отдѣльныя области стремятся къ политической самостоятельности. Вмѣсто одного центра — Кіева — появляется нѣсколько новыхъ государственныхъ центровъ: Ростовъ, Галичъ, Новгородъ, вмѣсто одного великаго князя Кіевскаго — нѣсколько другихъ великихъ князей.

Между тѣмъ какъ въ предыдущемъ моментѣ три составные элемента древне-русскаго государственнаго строя — князь, дружина и вѣче — находясь между собою въ борьбѣ, уравновѣшивали другъ друга — въ каждомъ изъ новообразовавшихся центровъ одинъ изъ этихъ элементовъ беретъ перевѣсъ надъ двумя другими, стремясь сдѣлаться главною основою государственнаго строя. Въ Новгородѣ и его пригородахъ перевѣсъ получаетъ вѣчевое начало, подчиняющее себѣ князя и бояръ. Въ Галичѣ и Волыни элементъ дружины беретъ перевѣсъ надъ вѣчемъ и княземъ. Слѣды вѣчевыхъ порядковъ исчезаютъ уже при Ростиславичахъ, а при Романовичахъ, не

Новгородская и Псковская судныя грамоты. Самый *рядъ* съ княземъ не вездѣ имѣлъ одинаковое значеніе; лѣтописи не записываютъ рядныхъ и договорныхъ грамотъ черниговцевъ или переяславцевъ, обращая особенное вниманіе на таковыя новгородцевъ и псковичей. Въ Новгородѣ вѣче было дѣйствительною, правильно организованною политическою силою, и князь безъ посадника не могъ ни волостей раздавать, ни суда судить; въ Вяткѣ мы видимъ одно вѣче безъ князя. Въ другихъ волостяхъ, напротивъ, значеніе князя преобладало надъ вѣчемъ — особенно въ сѣверо-восточныхъ волостяхъ — въ землѣ суздальской и ростовской, гдѣ зародилась *царская власть*, объединившая русскую землю; гдѣ выработалось народное воззрѣніе на эту власть, отразившееся въ ея организаціи.

смотря на дарованія и энергію Романа и Даніила, власть князя все болѣе и болѣе ограничивается дружиной, изъ среды которой формируется олигархическій сенатъ, руководившій политической жизнію страны.

Въ Ростовско-Суздальской землѣ, напротивъ, княжеская власть подчиняетъ себѣ дружину и вѣче.

Въ 12 вѣкѣ, такимъ образомъ, на историческую сцену выдвигается капитальный для судебъ Россіи вопросъ: какое изъ трехъ вышеозначенныхъ началъ одолѣетъ по всей русской землѣ, и организуетъ ее въ единое и нераздѣльное государство, претворивъ ея различныя племена въ единую націю? Одолѣетъ-ли новгородско-псковское вѣчевое начало и организуетъ Русскую землю по типу демократическому? Получитъ-ли перевѣсъ галицко-волынское дружинное начало, образовавъ изъ Руси государство шляхетское, олигархическое? Или поборетъ ростовско-суздальскій княжескій принципъ, и превратитъ Россію въ монархію? Отъ такого или иного разрѣшенія этихъ вопросовъ, несомнѣнно зависѣла судьба Россіи и характеръ ея государственнаго строя—образъ правленія монархическій, олигархическій или демократическій.

Вопросъ этотъ разрѣшило великорусское племя, явившееся главнымъ факторомъ въ созданіи Русскаго государства и Русской націи, и разрѣшило его въ смыслѣ *самодержавной монархіи*.

Въ землѣ Суздальско-Ростовской, въ незапамятныя времена колонизированной славянскими переселенцами, сливавшимися съ туземными финскими племенами—Мерей, Муромой и Весью—на пространствѣ нынѣшнихъ губерній Владимірской, Ярославской, Костромской, Московской и Тверской - сложилась новая вѣтвь славяно-русской народности, положившая начало великорусскому племени, закончившему то, что было начато племенемъ малорусскимъ—созданіе Русскаго народа и государства.

При первомъ историческомъ появленіи этого великорусскаго племени уже можно подмѣтить его отличительныя черты: энергію и предпріимчивость, даръ устроенія и организаціи, способность, сплотившись въ одну артель, всецѣло подчиниться ея большаку. Эти качества—удалая энергія, духъ устроенія, артели и подчиненія—помогли великорусскому племени совершить его великую историческую миссію создать изъ раздробленной русской земли одно государство, претворивъ ея разсѣянныя племена въ одну націю посредствомъ самодержавной царской власти, которая была единственнымъ средствомъ для совершенія такого дѣла.

Уже въ первомъ суздальскомъ князѣ Юріѣ Долгорукомъ проглядываетъ стремленіе велико-русскаго племени господствовать надъ Русью, подчинивъ своей власти колыбель Россіи—Кіевъ (Борьба съ Изяславомъ Мстиславичемъ). Еще болѣе стремленіе это обозначается при Андреѣ Боголюбскомъ, завѣтная мысль котораго состояла въ томъ, чтобы сдѣлаться *самовластцемъ* не только одной Суздальской, но и всей Русской земли. Андрея Боголюбскаго покойный Костомаровъ называетъ великорусскимъ княземъ. Своею дѣятельностію онъ подалъ примѣръ для своихъ потомковъ. Онъ впервые намѣтилъ ту политическую программу, слѣдуя которой московскіе собиратели Русской земли пришли къ ея объединенію, сначала подъ самодержавною властію царей московскихъ, а потомъ императоровъ всероссійскихъ. Братъ Андрея, Всеволодъ Большое Гнѣздо, былъ истиннымъ предшественникомъ Іоанна Калиты.

Надъ всѣми княжествами—вотчинами земли Суздальско-Ростовской постепенно стала возвышаться Москва. Едва зародилась она, какъ зародилась съ нею идея самодержавія. Не даромъ народная пѣсня поетъ:

Зачиналась бѣлокаменна Москва,

Зачинался въ ней и грозный царь.
Въ Москвѣ же скоро сложилась и старинная русская пословица: „не Москва государю указъ, а государь Москвѣ“, которая такъ вѣрно опредѣлила будущее направленіе и характеръ русской царской власти.

Москва выступаетъ на историческую сцену въ началѣ 14 в., когда въ ходѣ русской исторіи замѣчается поворотъ къ объединенію, когда въ двухъ половинахъ русской земли начинаютъ складываться два государства: Московское на востокѣ, Литовское на западѣ. Раздробленная Русь начинаетъ собираться и группироваться около этихъ двухъ пунктовъ. На западѣ собирателями Русской земли являются литовскіе князья, въ лицѣ Гедымина, титулующаго себя Rex Litwinorum Rutenerumque и его преемниковъ; на востокѣ начинаютъ собирать распавшуюся Русь внукъ одного изъ доблестнѣйшихъ князей, Александра Невскаго, Іоаннъ Даниловичъ Калита и его преемники. Возникаетъ новый капитальный для судебъ родной земли вопросъ: кто соберетъ воедино и организуетъ въ цѣльное государство Русь, Вильно или Москва, Гедыминовичи или Іоанновичи? Вопросъ этотъ разрѣшается исторіей въ пользу Москвы. Разрѣшеніе это было неизбѣжнымъ и единственно возможнымъ. Литву потянуло къ Польшѣ, и она подпала подъ вліяніе шляхетско-католическаго принципа, столь враждебнаго русскому національному духу. Москва стояла на началѣ демократическо-православномъ, столь соотвѣтствовавшемъ завѣтнымъ стремленіямъ и упованіямъ народныхъ массъ. Проводниками этого принципа явились великіе князья и цари Московскіе и всея Руси, личнымъ свойствамъ и дѣятельности которыхъ въ такой высокой степени родная земля обязана своимъ національнымъ и политическимъ единеніемъ. Они поняли стихійныя стремленія и упованія народныхъ массъ — слиться въ единое политическое и національное цѣлое

и своей мощной энергіей и осторожной осмотрительностію реализировали эти стихійныя стремленія и упованія, создавъ великую націю и крѣпкое русское государство. За то и народныя массы прониклись къ своей вѣковой династіи чувствами піэтета и такой глубокой лояльности что всегда станутъ за нее грудью и не дадутъ повториться на русской землѣ той исторіи, которая разыгралась во Франціи [1]).

Личныя качества и дѣятельность русскихъ государей составляли, несомнѣнно, великій факторъ въ созиданіи русскаго народа и государства. Не говоримъ о такихъ великихъ государяхъ, какими являются Іоаннъ Грозный, Петръ В., Екатерина II и др., но всѣ они посильно служили этому великому дѣлу, всѣ они созидали русское государство, собирая русскую землю и сплочивая русскую націю, устанавливали въ ней нарядъ и правду.

Припомнимъ слова нашего незабвеннаго историографа Соловьева. „Всѣ они“ говоритъ онъ о московскихъ собирателяхъ Русской земли„ похожи другъ на друга; въ ихъ безстрастныхъ ликахъ трудно уловить историку характеристическія черты каждаго; всѣ они заняты одной думою, всѣ идутъ по одному пути, идутъ медленно, осто-

---

[1]) Припомнимъ слова Тэна: »A l'autre bout de Paris, dans la Tour du Temple, séparé de sa soeur, arraché à sa mère, le petit Dauphin vit encore; nul en France n'est si digne de pitié et de respect; *car, s'il y a une France, c'est grâce aux trente-cinq chefs militaires ou rois couronnés* dont il est le dernier rejeton direct. *Sans leur dix siècles de politique persévérante et de commendement hèréditaire, les conventionnels*, qui viennent de profaner leurs tombes à Saint Denis et de jeter leurs os dans la fosse commune, ne seraient pas des Français. En ce moment, si les suffrages etaient libres, l'immense majorité du peuple, dix-neuf Français sur vingt, reconnaitraient pour leur roi l'enfant innocent et précieux, l'heritier de la race à *la quelle ils doivent d'être une nation et d'avoir une patrie*...« (La Révolution, V. III, p. 457).

рожно, но постоянно: каждый ступаетъ шагъ впередъ передъ своимъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ."

Уже первый московскій собиратель, Іоаннъ Калита, къ 8 городамъ, которые ему прежде принадлежали, примыслилъ такъ много новыхъ городовъ и такъ пріумножилъ свою вотчину, что дѣтямъ своимъ оставилъ большое наслѣдство. Въ этихъ примыслахъ ему много помогла ордынская дань, сборъ которой лежалъ на немъ, какъ на великомъ князѣ. Московскіе великіе князья, несомнѣнно, умѣли утилизировать татарское вліяніе для возвеличенія Москвы и собранія ею русской земли. Но преувеличивать вліяніе татарскаго завоеванія на развитіе московскаго единодержавія, какъ дѣлаетъ, напримѣръ, покойный *Костомаровъ*—несправедливо: мы не можемъ, поэтому, принять то возрѣніе, которое онъ развиваетъ въ одной изъ своихъ монографій„ Начало единодержавія въ древней Руси" будто-бы единодержавная и самодержавная власть царей московскихъ была ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ исчезнувшей власти хановъ ордынскихъ, будто-бы государи московскіе, свергнувъ ихъ владычество, перенесли на себя, по отношенію къ Русской землѣ, всю сумму самодержавныхъ правъ, которою до тѣхъ поръ пользовались ханы. Власть царей московскихъ никакъ нельзя считать, вмѣстѣ съ *Костомаровымъ*, только продолженіемъ власти хановъ ордынскихъ, только порожденіемъ ига татарскаго. Покойный *Соловьевъ* болѣе чутко понималъ это дѣло, когда слишкомъ умалялъ вліяніе татаръ на историческій ходъ русской государственной жизни. Татарское вліяніе, подобно тому какъ и вліяніе византійскаго цезаризма, можно допустить только до нѣкоторой степени: идея самодержавія—скажемъ еще разъ—органическое, самопроизвольное созданіе русской жизни,

единственный выходъ изъ исторической алтернативы— князя, вѣча и дружины, боровшихся за преобладаніе надъ Русской землей.

Мы видѣли, какъ Іоаннъ Калита пріумножилъ свою *вотчину*. Онъ мнилъ уже распространить эту вотчину на всю Русь, и сдѣлавшись ея великимъ княземъ стать представителемъ единства Русской земли. Сынъ его Симеонъ, не даромъ прозванный гордымъ, уже титулуется Великимъ Княземъ Московскимъ и Всея Руси. Съ Дмитрія Донскаго начинаетъ вырабатываться ясное представленіе о государственномъ единствѣ и единствѣ государственной власти, вслѣдствіе чего, какъ предвѣстіе права первородства, часть, доставшаяся великому князю, дѣлается все больше и больше, а части прочихъ князей дѣлаются все меньшими. Съ Іоанна III всѣ владѣнія переходятъ въ руки одного государя, и съ 1478 г. отмѣняется вѣчевой бытъ Новгорода. Василій III продолжаетъ дѣло отца: въ 1510 г. падаетъ Псковъ, а всякія государственныя дѣла Государь „запершися самъ третей у постели“ дѣлалъ, а „встрѣчъ“ крайне не любилъ и на „встрѣчу“ одного изъ своихъ бояръ горячо отвѣтилъ: „пойди смердъ прочь, не надобенъ ми еси„. Объединяется Руская Земля въ лицѣ *царской власти*, окончательно установившейся ко временаамъ Іоанна Грознаго.

Эта царская власть, выработанная великорусскимъ племенемъ, въ которой воплотились величіе и единство русской земли — учрежденіе глубоко національное. Народъ и царская власть, по замѣчанію Кавелина, сжились у насъ, какъ Англія съ своимъ парламентомъ. Подобно тому, какъ англійскій парламентъ—палладіумъ ея гражданской свободы, царская власть въ Россіи — палладіумъ единства русской земли и равноправія русскаго народа. Понятно, почему русскій народъ берегъ всегда свою царскую власть, какъ зѣницу ока; понятно, почему онъ ополчался противъ тѣхъ, которые ея касались. Политическое бытіе

Россіи, единство и преуспѣяніе русской земли, совпадаютъ съ судьбами царской власти: вмѣстѣ они появились, окрѣпли, бѣдствовали, и спасались отъ бѣдъ. Въ самыя трудныя времена, когда приходилось чуть-ли не съизнова начинать политическое существованіе, великорусскій народъ прежде всего принимался за возстановленіе царской власти, обезпечивалъ ее себѣ и дѣлилъ съ царемъ радости и горе. По представленіямъ великорусскаго народа *царь—воплощеніе государства*. По народнымъ понятіямъ, русскій царь—не начальникъ войска, не избранникъ народа, не глава государства, или представитель административной власти, даже не сентиментальный Landesvater или bon père du peuple, *царь есть само государство*—идеальное—благотворное, но вмѣстѣ и грозное его выраженіе. Царь—*воплощеніе Святой Руси*. Онъ и превыше всѣхъ, какъ превыше всего для русскаго человѣка родная Русь; поставленъ внѣ всякихъ сомнѣній и споровъ, и потому неприкосновененъ; потому же онъ и безпристрастенъ ко всѣмъ; всѣ предъ нимъ равны. Царь долженъ быть безгрѣшенъ; если народу плохо, виноватъ не онъ, а его слуги; если царское величіе тяжело для народа—значитъ, царя ввели въ заблужденіе; самъ собою онъ не можетъ захотѣть ничего дурнаго для народа (Кавелинъ).

Такое идеальное народное воззрѣніе на царя, выработанное великорусскимъ племенемъ, зараждается вмѣстѣ съ нимъ, но практически, въ нашемъ государственномъ строѣ, оно осуществляется при Іоаннѣ III. Онъ принимаетъ титулъ царя, организуетъ царскую власть по типу власти императоровъ византійскихъ; усвоиваетъ регаліи ихъ, вѣнчаніе и помазаніе на царство; княжескій дворъ, придворный церемоніалъ, устраиваютъ также по византійскому образцу. Церковь, въ лицѣ митрополитовъ московскихъ, освящаетъ власть царя. Устройство государства проникается началомъ *самодержавія: служилый классъ дѣлается холопами* московскаго царя.

Герберштейнъ, посѣтившій Россію въ это время, удивляется той высотѣ, на которой стояла тогда царская власть: „скажетъ царь и сдѣлано; жизнь, достояніе людей свѣтскихъ и духовныхъ, вельможъ и гражданъ, совершенно зависятъ отъ его воли. Русскіе увѣрены, что великій князь исполнитель небесной воли. Такъ угодно Богу и государю; вѣдаетъ Богъ и государь, говорятъ они“...

Между тѣмъ, какъ царская власть достигла въ это время въ сознаніи народа и въ государственномъ строѣ такого развитія, въ составъ Московскаго государства, со времени Іоанна III, вошли элементы чуждые этому строю, недавшіе въ западной Россіи сложиться государству.

Эти элементы вошли главнымъ образомъ въ составъ царскихъ служебныхъ чиновъ, усилившихся литовскими и польскими выходцами: Глинскіе, стоявшіе во главѣ правленія, Бѣльскіе, потомки Гедымина, соискатели литовскаго престола. Къ нимъ присоединились старинные великорусскіе удѣльные князья, лишенные владѣній и обратившіеся въ слугъ государей московскихъ; къ тому же и вся московская знать крѣпко сочувствовала литовско-польскимъ порядкамъ. Эти элементы пытались измѣнить по своему литовско-польскому идеалу государственный строй и царскую власть развившуюся въ Москвѣ [1]). Въ лицѣ Грознаго, въ его борьбѣ съ вельможествомъ, *великорусская* царская власть вступила въ безпощадную и кровавую борьбу съ *западно-русскими* и польскими элементами, вошедшими въ составъ московскаго государства.

[1]) Боярская эмиграція при Грозномъ была очень велика: боярство, по слѣдамъ Курбскаго, убѣгало въ сосѣднюю Польшу—страну» вольностей и свободъ панскихъ«. Въ ряду бѣглецовъ встрѣчаемъ множество боярскихъ и дворянскихъ именъ. Кн. Оболенскій, напримѣръ, отъѣзжалъ къ польскому королю Сигизмунду Августу въ 1568 г. »слышачи о вольностяхъ и свободахъ въ королевиныхъ панствахъ«. »Эта эмиграція« замѣчаетъ г. Ключевскій, едва-ли меньше унесла именъ изъ московскихъ разрядныхъ списковъ, чѣмъ казни временъ опричины« (Б. Дума, стр. 370).

„Злокозненые обычаи“ бояръ, управлявшихъ государствомъ во время малолѣтства Іоанна Грознаго, ещэ болѣэ укрѣпили въ народныхъ массахъ ненависть къ олигархіи и приверженность къ самодержавному принципу [1]).

Самымъ энергическимъ представителемъ этого принципа до Петра является Іоаннъ Грозный, который велъ кровавую, неустанную борьбу съ боярствомъ.

Въ этой борьбѣ Грозный формулуетъ царскую власть, какъ принципъ, возводитъ ее къ единственно доступному ему, по тому времени, идеалу византійскаго императора; производитъ родъ свой отъ Августа Цезаря, какъ будто для того, чтобы придать больше авторитета и значенія своей власти [2]).

Эта теорія царской власти, какъ она составилась

---

[1]) Въ боярское правленіе 1538—1546 г. одну изъ важнѣйшихъ ролей играли князья Шуйскіе. Народныя преданія сохранили о нихъ недобрую память: »намѣстники ихъ свирѣпы аки львы, а люди ихъ какъ звѣри дикіе до христіанъ... и разбѣгаются добрые люди по городамъ, а игумены честные изъ монастырей.« Дѣла кн. Шуйскаго были злы и на городахъ, и на пригородахъ; крестьянъ разорялъ, а землевладѣльцевъ заставлялъ за малую цѣну продавать свои вотчины.

[2]) »Кромѣ насъ да турецкаго султана« говорилъ однажды Грозный польскимъ посламъ »ни въ одномъ государствѣ нѣтъ государя, котораго бы родъ непрерывно царствовалъ чрезъ двѣсти лѣтъ... А мы отъ государства господари, начавъ отъ Августа Кесаря изъ начала вѣковъ« (Древн. Русь, стр. 123) »Мы... царь... по Божію изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію« (16).

Въ одной изъ олонецкихъ былинъ Грозный царь говоритъ:

»Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
Я вынесъ царенье изъ Царяграда;
Царскую порфиру на себя надѣлъ,

(Въ другихъ варіантахъ:

»Повынесъ я порфиру царскую изъ Царяграда«
»Досталъ я порфильюшку изъ Царяграда«)

Царскій костыль себѣ въ руки взялъ,
И повыведу измѣну съ каменной Москвы«. (Рыбникова).

въ головѣ фанатика самодержавной идеи Грознаго, въ отпоръ *польскимъ притязаніямъ* московскаго вельможества, высказалась въ его страстной полемикѣ съ кн. Курбскимъ, замѣчательнѣйшимъ представителемъ этихъ притязаній. Русскій вотчинникъ и домовладыка, преемникъ ордынскихъ хановъ и византійскихъ императоровъ, помазанный церковію представитель единства русской земли, Грозный царь говоритъ крамольному боярину: „Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, яко же родихомся во царствіи, тако и возрастахомъ и воцарихомся Божіимъ велѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ *свое взяхомъ, а не чюжее восхитихомъ... россійское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи... како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?...* Земля правится Божіимъ милосердіемъ... и *послѣди нами, государи своими, а не судьи и воеводы...*“ [1]) Въ другомъ своемъ посланіи „словесной премудрости риторъ“, какъ современники именовали Грознаго, называетъ своихъ подданныхъ своими *работными людьми*, Богомъ отданными въ его работу. Сознаніе международнаго значенія самодержавія достигаетъ въ грозномъ и гордомъ царѣ высокой степени. Свидѣтельствомъ могутъ служить его отношенія къ шведскому королю Іоанну и польскому Стефану Баторію [2]).

---

[1]) См. первое посланіе къ Курбскому, въ которомъ царь разсказываетъ исторію *скипетродержавія Русскаго Царствія, православнаго христіанскаго самодержавства*, объясняетъ права и обязанности государя, духовенства и вельможъ. (Сказанія кн. Курбскаго, стр. 155—214).

[2]) Шведскаго короля Іоанна онъ попрекаетъ тѣмъ, что тотъ »мужичьиго роду«. »Еслибъ у васъ«, говоритъ онъ, »совершенное королевство было, то отцу твоему архіепископъ и совѣтники и вся земля въ товарищахъ не была бы; *землю великимъ государямъ не приписываютъ*; послы не отъ одного отца твоего, но отъ всего королевства шведскаго, а отецъ точно староста въ волости... Намѣстники новгородскіе люди великіе, но холопъ—государю не братъ...« (сносись

Грозный въ своей теоріи былъ вѣренъ народнымъ воззрѣніямъ. Іезуитъ Антоніо Поссевино, современникъ его, говоритъ слѣдующее: „Москвичи наслѣдовали отъ предковъ высокое понятіе о государѣ и утверждаются въ немъ воспитаніемъ. Когда ихъ спрашиваешь о чемъ-нибудь, они обыкновенно отвѣчаютъ: одинъ Богъ и великій государь знаютъ то; царь все знаетъ, онъ можетъ разрѣшить какое-бы то ни было затрудненіе или сомнѣніе; нѣтъ на землѣ вѣры, которой-бы догматовъ и обрядовъ онъ не зналъ; все, что мы имѣемъ и чѣмъ живемъ, все это отъ милости государя".

Теорія царской власти, формулованная Грознымъ, не исчезла вмѣстѣ съ нимъ: Флетчеръ и Горсей, посѣтившіе Москву при его преемникѣ, свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Но въ началѣ 17 вѣка поколебалось государственное единство и самодержавіе царской власти. Во главѣ государства становятся то самозванцы и цари боярскихъ партій, то патріархъ и боярская дума. Бояре позорятъ себя крамолами и распрями; разбираютъ себѣ въ помѣстья дворцовыя села и черныя волости и пригородки и посады (С. г. гр. и дог. т. III); готовы измѣнить отечеству, лишь бы осуществить, воскресшія въ сумятицу смутнаго времени, олигархическія польско-литовскія притязанія, съ которыми такъ упорно боролся Грозный. Юрій Мнишекъ, при Самозванцѣ, манитъ моск. бояръ вольностями польскихъ магнатовъ. Бояре изъ своей среды возводятъ на престолъ Шуйскаго, взявши съ него запись, чтобъ онъ

де съ ними). А къ польскому королю Стефану Баторію онъ обращается съ такою рѣчью: »Намѣстники новгородскіе люди великіе,—а про вашего государя въ разсудъ вамъ скажемъ, а не въ указъ, какого онъ рода, и какъ животиною торговалъ и въ шведскую землю пришелъ... Государю вашему Стефану въ равномъ братствѣ съ нами быть не пригоже, а захочетъ съ нами братства и любви, такъ онъ бы намъ почетъ оказалъ«.

никого не казнилъ безъ суда бояръ, не конфисковалъ-бы ихъ имущества. Запись Шуйскаго и цѣлованіе креста въ ея соблюденіи возмутили народъ, возражавшій ему, чтобъ онъ записи не давалъ и креста не цѣловалъ, что того искони вѣковъ въ московскомъ государствѣ не важивалось. Но Шуйскій не уважилъ возраженій народа, и чрезъ то сдѣлался ему не любымъ. Затѣмъ призванъ былъ Владиславъ, заключившій съ боярами договоръ, по которому онъ обязывался не измѣнять законовъ безъ бояръ и думныхъ людей, никого не казнить безъ ихъ суда и не налагать податей безъ согласія Боярской думы [1]).

---

[1]) Въ сочиненіи г. Ключевскаго прекрасно изображено, какъ назрѣвала и развивалась конституціонная идея московскаго боярства въ 17 ст., зародышъ которой подмѣчается при выборѣ Бориса Годунова. Мнишекъ посылаетъ въ Москву къ боярамъ свое обѣщаніе хлопотать объ увеличеніи ихъ правъ, за что князья Мстиславскій и Воротынскій благодарятъ добраго пана. Лжедимитрій также обѣщаетъ боярамъ честь и повышеніе учинить. Власть его не была ограничена формально, однако впослѣдствіи боярское правительство Шуйскаго обвиняло его въ томъ, что онъ иногда пересылался съ Польшей безъ вѣдома »сенаторей«, признавая это незаконнымъ. Въ языкѣ московскихъ канцелярій въ смутное время встрѣчается невѣдомое прежде слово »земскіе депутяты« Сосгавляются два плана конституціоннаго устройства: одинъ явился произведеніемъ высшей титулованной знати, а другой—второстепенной знати, къ которой присоединились выслужившіеся неродовитые дѣльцы. Первый былъ грамотой, ограничившей власть царя Василія Шуйскаго и приведшей къ тому, что бояре имѣли болѣе власти, чѣмъ самъ царь, которымъ они играли, какъ дѣтищемъ. Вгорая программа была выработана Салтыковымъ, при помощи »торговаго дѣтины« Ѳ. Андронова и предложена польскому королевичу 4 ф. 1610 г., какъ первый московскій опытъ построенія государственнаго порядка на формальномъ ограниченіи верховной власти *Земскимъ Соборомъ*, которому придано значеніе учредительное и *Боярской Думой*— съ широкой законодательной и судебной властію. Избраніе Владислава не состоялось, но царь Михаилъ, какъ свидѣтельствуютъ многіе современники, былъ выбранъ съ ограниченною властію. Одинъ изъ этихъ

Тогда какъ бояре позорили себя смутами и крамолами, хотя, конечно, и между ними были благородные патріоты — земство-крестьянство, посадство и среднее дворянство — обороняли государство отъ внѣшнихъ враговъ и спасали его отъ внутренняго разложенія. Защитой Троицкой лавры, подвигами Минина и Пожарскаго не исчерпывается эта дѣятельность. Самопроизвольно составляются ополченія, города и области сносятся между собою, придумывая средства, какъ бы спасти родную землю отъ налстѣвшихъ на нее злыхъ коршуновъ. Солигаличъ, уже вынужденный поддаться полякамъ, шлетъ безпомощному своему царю Василію Шуйскому жалобную грамоту: „хотимъ-де, сироты твои, за святыя Божіи церкви и за тебя государя-царя и за всю православную крестьянскую вѣру и за домы свои биться съ измѣнниками твоими до-смерти, всѣ за единъ помереть рады... только дай намъ, милостивый царь-государь, своего государева воеводу, съ которымъ бы надежно намъ службу совершать“ [1]).

Народными ополченіями — силами посадскихъ и крестьянъ, подъ предводительствомъ средняго дворянства — возстановленъ былъ исконный государственный строй и

современниковъ разсказываетъ съ негодованіемъ о томъ, что бояре при царѣ Михаилѣ »обладали Русскою землею«, царя ни во что не ставили и не боялись (см. Б. Дума, стр. 368—391).

[1]) Этотъ замѣчательный документъ, показывающій такъ сказать *Государственность* русскаго народнаго духа, крайне назидателенъ. Онъ помѣщенъ во II т. »Актовъ историческихъ«, подъ № 177. О немъ напомнилъ Голохвастовъ въ журналѣ Русь 1883. Г. *Блокъ* цитируетъ его въ своемъ интересномъ вступленіи въ курсъ Русскаго государственнаго права, замѣчая, что этотъ актъ можетъ опровергнуть мнѣніе, что только »рабствомъ, кнутомъ и казнями гнали Русскій народъ къ образованію огромной имперіи«. Народъ самъ образовываетъ эту огромную имперію: вольные казаки подносятъ Іоанну Грозному Сибирь, а Михаилу Ѳедоровичу Азовъ.

самодержавная царская власть. Народъ „отъ мала до велика и до ссущихъ младенецъ всея Русіи Самодержцемъ обралъ сродича блаженныя памяти царя и великаго кн. Ѳедора Ивановича, благоцвѣтущую отрасль, Михаила Ѳедоровича Романова-Юрьева.“ „Со всенароднымъ слезнымъ рыданіемъ“ просили избранника *сирыхъ* пожаловать: „а безъ государя Московсвому государству стоять не мочно, и печися объ немъ и людьми Божьими промышлять некому, и безъ государя и досталь Московское государство учинилось въ разореньи“, то чтобъ новый царь пожаловалъ въ Москву „всякіе люди твоимъ царскимъ приходомъ обрадуются и отъ печали въ радость придутъ“ (С. г. гр. и дог. т. III).

Есть нѣкоторыя извѣстія, что и Михаилъ Ѳедоровичъ далъ боярамъ запись, подобную записи Шуйскаго. Говорятъ, Филаретъ писалъизъ польскаго плѣна Шереметьеву, что необходимо выбрать царя съ записью, ограничивавшею его власть. Штраленбергъ, шведскій офицеръ, взятый въ плѣнъ подъ Полтавой и прожившій 11 лѣтъ въ Россіи до Ништадскаго мира, говоритъ, что одинъ изъ его знакомыхъ даже видѣлъ оригиналъ письма у фельдмаршала Шереметьева. Между 1620—1625 г. подлинная избирательная грамота была замѣнена другой, помѣщенной впослѣдствіи въ 7 т. Древней Россійской Вивліоѳики. Манштейнъ и Татищевъ подтверждаютъ эти извѣстія. Послѣдній говоритъ, что царь Алексѣй записи не давалъ. То же встрѣчаемъ и у Котошихина, который говоритъ, что тишайшаго царя Алексѣя „обрали на царство, а письма онъ не давалъ на себя никакого, что *прежніе цари давывали*“. Весьма можетъ быть, что вельможество воспользовалось случаемъ избранія, чтобы еще разъ попытаться *въ своемъ интересѣ* ограничить царскую власть. Но не такова была воля земства—всей русской земли, которая обрала Михаила Ѳедоровича Самодержцемъ *на всей его воли*. Когда

власть избранника укрѣпилась, запись данная имъ боярамъ была игнорирована. Алексѣй Михайловичъ уже никакой записи не давалъ. При немъ окончательно водворяется самодержавіе по той теоріи, какую имѣлъ Грозный; при немъ окончательно строй московскаго государства проникается началами этого самодержавія. Русскій царь – *домовладыка*, *вотчинникъ*, правящій государствомъ, какъ своимъ домомъ, вотчиной, посредствомъ своихъ *приказчиковъ*. Всѣ общественныя разряды *прикрѣплены* къ царской службѣ, всѣ они—*холопы* царя.

Въ законѣ, впрочемъ, царская власть не была формулована. Уложеніе, точно такъ же какъ и судебники, не опредѣляетъ существа этой власти, но охраняетъ ея святость и неприкосновенность. Во II-й и III-й главахъ оно постановляетъ статьи о государской чести, и какъ его государское здоровье оберегати; о государевомъ дворѣ, чтобы ни отъ кого никакого безчинства и брани не было.

Самодержавіе устанавливается полное: въ важнѣйшихъ учрежденіяхъ того времени—въ Земскомъ соборѣ [1])

---

[1]) Капитальный вопросъ о *Земскихъ Соборахъ* уже имѣетъ обширную литературу. Покойному К. Аксакову принадлежитъ честь его возбужденія: въ 1859 г. онъ написалъ »Краткій историческій очеркъ Земскихъ соборовъ«. Въ Отеч. З. за тотъ же годъ напечатана статья пр. П. Павлова »О нѣкоторыхъ соборахъ XVI и XVII ст.« (Т. 122—123). Этого же вопроса коснулся и Щаповъ »Земскій соборъ 1649 и собраніе депутатовъ 1767« (От. З. 1862 г. № 11). Бѣляевъ на актѣ московскаго университета въ 1867 г. произнесъ рѣчь »Земскіе соборы на Руси«. Нѣсколько раньше, въ 1866 г., высказано воззрѣніе на Земскіе соборы Чичеринымъ въ его сочиненіи »О народномъ представительствѣ« (стр. 355—382). Въ замѣчательномъ трудѣ пр. Сергѣевича »Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ« (Сб. госуд. зн. II. 1875)—попытка выяснить аналогію ихъ съ западноевропейскими сеймами. Трудъ пр. Сергѣевича вызвалъ критическія

и Боярской Думѣ [1]) оно не встрѣчаетъ никакихъ преградъ.

Первый земскій соборъ былъ созванъ въ 1548 г. 18-лѣтнимъ Грознымъ; онъ далъ необходимую опору царской власти. Вся русская земля, въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей, на этомъ соборѣ утвердила самодержавную власть царя волею всей русской земли. За тѣмъ, во время литовской войны въ 1566 г., мы встрѣчаемъ 2-й земскій соборъ, который снова утвердилъ царя въ мысли, что вся русская земля вполнѣ полагается на него, на которомъ 376 представителей русской земли заявили, что они, *„холопы царя, готовы положить головы за государево дѣло“*. Особенно часто соборы случались въ царствованіе Михаила Ѳедоровича: до насъ дошли офиціальныя свѣдѣнія о 7 такихъ соборахъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ соборы были гораздо рѣже: въ 1648 г., при изданіи соборнаго уложенія, въ 1650 г., по случаю продолжительнаго бунта въ Новгородѣ и въ 1653 г., по случаю присоединенія Малороссіи. Послѣ этого, втеченіе остальныхъ 22 лѣтъ своего царствованія, Алексѣй Михайловичъ не созывалъ болѣе соборовъ. При Ѳедорѣ

замѣчанія пр. М. Владимірскаго-Буданова (Кіевскія Унив. Изв. 1875 № 10). Почти цѣлая половина (стр. 207—344) перваго тома »Исторіи права Московскаго государства« (1877) пр. Загоскина посвящена земскимъ соборамъ. Ими интересовался не разъ и пр. Дитятинъ: »Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Моск. государства« (Р. Мысль, Т. V. 1880). послѣдняя работа принадлежитъ г. Латкину »Земскіе соборы древней Руси« (1885), въ которой продолжена попытка пр. Сергѣевича сравнить ихъ съ западно-европейскими представительными учрежденіями, предпославши обозрѣніе вѣчевыхъ порядковъ. Тотъ же авторъ издалъ »Матеріалы для исторіи Земскихъ соборовъ XVII в.

[1]) Новѣйшее изслѣдованіе объ этомъ учрежденіи принадлежитъ даровитому профессору Моск. ун. В. Ключевскому »Боярская дума древней Руси« (1882).

Алексѣевичѣ были 4 земскіе собора, но ни одинъ изъ нихъ не былъ полнымъ соборомъ всей русской земли, но всѣ были только собраніемъ выборныхъ отъ тѣхъ или другихъ сословій [1]).

Эти земскіе соборы не были правильно организованными политическими учрежденіями, подобными сословнымъ сеймамъ западной Европы, которые могли бы ограничивать власть русскаго самодержца. Они сзывались по его *непосредственной волѣ*, чтобы только слышать мнѣніе русской земли, по тѣмъ вопросамъ управленія, обсужденіе которыхъ *царю благоугодно* было предоставить собору. Покойный К. Аксаковъ значеніе соборовъ старается опредѣлить формулой „правительству принадлежала *сила власти*, землѣ — *сила мнѣнія*“. Соборы сзывались особенно часто, когда Михаилу Ѳедоровичу приходилось „вновѣ царство строити“, и когда ему необходимо было опираться на силу земскаго мнѣнія. Они стали рѣже, когда царство устроилось, и къ концу 17 в. прекращаются. Но они офиціально не упразднены, продолжая по принципу быть присущими русскому государственному строю, такъ какъ Самодержавная Власть, когда понадобится Ей опереться на силу мнѣнія всей Русской Земли, можетъ во всякое время собрать свое всероссійское земство на всероссійскій земскій соборъ, какъ это показала государыня Екатерина II своей комисіей 1767 г., которая такъ поразила современныхъ ей иностранцевъ, но для русскихъ людей была стариной.

Еще менѣе самодержавная власть ограничивалась Боярской думой, члены которой дѣлали *приговоры* по

---

[1]) О числѣ соборовъ см. соч. г. *Латкина*, который насчитываетъ 20 соборовъ относительно полныхъ, 7 неполныхъ и 5 фиктивныхъ. Исчисленіе это расходится съ исчисленіемъ другихъ писателей, вообще принимающихъ меньшее число соборовъ (см. стр. 281—282).

указамъ царя. Боярская дума ограничивала царскую власть только въ весьма краткій періодъ своего существованія, начавшійся Василіемъ Шуйскимъ и окончившійся Михаиломъ Ѳедоровичемъ. Но Алексѣй Михайловичъ рѣдко собиралъ полный составъ. Важнѣйшія дѣла онъ обсуждалъ съ нѣкоторыми только членами, по своему выбору, „самъ третей у постели", подобно Василію Ш, а учрежденіемъ *Приказа тайныхъ дѣлъ* онъ изъялъ вовсе нѣкоторыя дѣла изъ вѣдомства думы.

Въ 17 стол. произошла нѣкоторая коллизія между властію самодержавной, въ лицѣ царя, и церковной, въ лицѣ патріарха.

Церковная власть въ Россіи искони находилась въ подчиненіи власти государственной. Но въ смутное время, въ концѣ 16 и началѣ 17 в., церковная власть, въ лицѣ патріарха, сильно возвысилась. Благодаря содѣйствію патріарха Іова, Годуновъ былъ избранъ царемъ на соборѣ 1598 г.; во время междуцарствія Гермогенъ былъ начальнымъ человѣкомъ русской земли; патріархъ Филаретъ былъ соправителемъ своего сына Михаила Ѳедоровича. При Никонѣ, проникнувшемся папскимъ воззрѣніемъ на власть церковной іерархіи и проповѣдывавшемъ теорію двухъ свѣтилъ—солнца, освѣщающаго вселенную днемъ, которое онъ уподоблялъ власти іерархической и луны, ночнаго свѣтила, подобнаго власти царской—произошла борьба. „Не отъ царей начальство священства пріемлется", твердилъ энергическій патріархъ", но отъ священства на царство помазуются; явлено много разъ, что священство выше царства". Борьба церковной власти съ государственною—патріарха Никона и царя Алексѣя—подвергнута была на обсужденіе вселенскихъ патріарховъ, которые разрѣшили ее въ интересѣ власти царя: патріархъ долженъ повиноваться царю, какъ *сущему въ вящшемъ достоинствѣ.*

Такимъ образомъ, самодержавная власть сложилась вполнѣ до Петра В., который поэтому вовсе не былъ ея основателемъ. Онъ совлекъ только частноправный характеръ этой власти—*домовладыку* и *вотчинника-царя* онъ превратилъ въ *императора*, *холоповъ* въ *подданныхъ*, *царскую службу* въ *службу государственную*. Не создавая самодержавія, Петръ В. своею личностію и дѣятельностію далъ ему новый характеръ—служеніе культурѣ русскаго государства сдѣлалось знаменемъ этой власти.

Преобразовывая государство, служа вѣрой и правдой русскому народу, Петръ В. замѣняетъ *родовую аристократію бюрократіей*, *боярскую думу—сенатомъ*, въ которомъ генералъ-прокуроръ явился „окомъ государевымъ“. На мѣсто патріарха, учреждается синодъ, дабы окончательно разграничить власть церковную отъ государственной „ибо простой народъ не вѣдаетъ“ сказано въ духовномъ регламентѣ „како разнствуетъ духовная власть отъ самодержавной“ [1]).

---

[1]) Петръ В. глубоко ненавидѣлъ папизмъ, и въ патріаршествѣ видѣлъ его напоминаніе. Еще отрокомъ, до своего единодержавія, онъ разошелся съ п. Іоакимомъ. Къ этому времени относится насмѣшка юнаго необузданнаго царя надъ патріаршествомъ, выразившаяся въ учрежденіи »всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора«, во главѣ котораго былъ поставленъ пьяный Никита Зотовъ, съ титуломъ Іоакима, патріарха пресбургскаго, яузскаго и всего Кокуя; членамъ компаніи розданы въ этомъ соборѣ разныя должности—эклезіарховъ, дьяконовъ, а самъ царь принялъ на себя должность протодіакона. Путешествуя по Европѣ, Петръ сочувственно выслушивалъ совѣты Вильгельма Оранскаго организовать русскую церковь на подобіе англиканской, объявивъ ея главою самого себя. Вопросъ объ уничтоженіи патріаршества былъ уже рѣшенъ. Въ 1715 г. повторена молодая шутка надъ патріархомъ: устроена была свадьба Яузскаго патріарха Зотова—шумный антипатріаршій праздникъ съ маскарадными процессіями и колокольнымъ звономъ всѣхъ московскихъ колоколовъ. Такъ, въ лицѣ

При Петрѣ В. мы замѣчаемъ первую формуловку существа верховной власти словами закона. Въ Военныхъ артикулахъ сказано: „Его величество есть *самовластный монархъ*, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей воли и благомнѣнію управлять“. Въ Духовномъ регламентѣ: „Монарховъ власть есть *самодержавная*, которой повиноваться самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ“. А въ Правдѣ воли монаршей, написанной по волѣ и указаніямъ Петра, Ѳеофанъ Прокоповичъ, пользуясь сочиненіями *изряднѣйшихъ законоучителей* Гугона Гроція, Ѳомы Гоббеса и Самуила Пуфендорфа, учитъ: „уставы бо и всякіе законы, отъ самодержца въ народъ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ, аки бы свободнаго, но истязуютъ аки должнаго: истязуютъ же не токмо страхомъ гнѣва властительскаго, но и страхомъ гнѣва Божія“.

Въ 18 вѣкѣ мы замѣчаемъ попытки олигархіи ограничить самодержавную власть, вполнѣ развившуюся и опредѣлившуюся при Петрѣ В. По смерти его, на престолъ возведена была Екатерина, поддержанная Меншиковымъ и всѣми участниками въ судѣ надъ царевичемъ. Преобладающее значеніе въ государствѣ получилъ верховный тайный совѣтъ, въ которомъ главная роль принадлежала Меншикову, а власть императрицы фактически была вполнѣ ограничена.

Петра В., самодержавная власть мстила церковной іерархіи, за папизмъ Никона. Въ 1718 г. изданъ указъ объ учрежденіи духовной колегіи. Ѳеофану Прокоповичу поручено было написать Духовный Регламентъ. »Скоро-ли нашъ патріархъ поспѣетъ?« шутливо спрашивалъ Петръ, по поводу этого порученія.—»Я дошиваю ему рясу« отвѣчалъ авторъ Регламента. »А у меня« замѣтилъ царь »и шапка для него готова«. (См. Руководство къ Русской Церк. Исторіи Знаменскаго).

Екатерина I назначила своимъ преемникомъ Петра II; олигархами сдѣлались Долгорукіе, которымъ помогали Голицыны. Петръ II умеръ въ 1730 г. Верховный тайный совѣтъ преемницей ему выбралъ племянницу Петра I, вдовствующую герцогиню Курляндскую, Анну Іоанновну, предложивъ ей кондиціи, ограничивавшія ея самодержавіе.

Кампредонъ, тогдашній французскій посланникъ при русскомъ дворѣ, предсказывалъ, что учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта—первый шагъ къ перемѣнѣ формы правленія; что русское вельможество постарается пріобрѣсти себѣ прерогативы, подобныя англійскимъ. Верховный тайный совѣтъ, по смерти Петра II, дѣйствительно, овладѣлъ было государственнымъ управленіемъ и задумалъ какъ бы себѣ *„полегчить“*.

Самый энергическій изъ его членовъ, кн. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, обратился къ остальнымъ товарищамъ съ слѣдующими словами:

„Понеже кончиною Петра II мужское колѣно Петра В. пресѣклось; Россія же весьма много претерпѣла отъ самодержавной власти... то надлежитъ сію безмѣрную власть ограничить добрыми законами, и не иначе подносить самодержавіе новой императрицѣ, какъ подъ извѣстными условіями“.

Анна Іоанновна подписала эти условія, которыми обязывалась: безъ согласія верховнаго тайнаго совѣта не объявлять войны, не заключать мира, не налагать податей, не жаловать чиновъ, не вступать въ бракъ, не избирать наслѣдника, не казнить, не конфисковать имѣній, не распоряжаться казенными землями. Всѣ ограниченія, такимъ образомъ, были сдѣланы въ интересѣ одного Верховнаго Тайнаго Совѣта, состоявшаго всего изъ 8 лицъ: двухъ Голицыныхъ, четырехъ Долгорукихъ, канцлера Головкина и хитраго Остермана.

Но это *самозванное*, какъ называетъ его пр. Корсаковъ, *учредительное собраніе*, посягнувшее на вѣковыя права русскаго самодержавія, не было не только представителемъ всѣхъ сословій, но и всего дворянства. Верховники были небольшой группой олигарховъ, не имѣвшихъ никакихъ связей съ остальными классами общества. Понятно, что намѣреніе ихъ не нашло никакой поддержки ни въ народѣ, ни въ дворянствѣ. Волынскій писалъ Салтыкову изъ Казани: „Слышно здѣсь, что дѣлается у васъ въ Москвѣ, чтобы у насъ быть республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже сохрани, чтобы не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя 10 самовластныхъ и сильныхъ фамилій: и тогда мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ, и будемъ принуждены горше прежняго идолопоклонничать и милости просить“.

Попытка верховниковъ нашла, такимъ образомъ, сильное противодѣйствіе въ среднемъ дворянствѣ, всегда ближе стоявшемъ къ простому народу, и лучше понимавшемъ инстинкты народныхъ массъ. На совѣщаніяхъ этого дворянства, Татищевъ отстоялъ неограниченную власть [1]). Дворянство просило императрицу принять самодержавіе. 28 февр. 1730 г. изданъ манифестъ о *воспріятіи самодержавія* „понеже вѣрные наши подданные, всѣ единогласно насъ просили, дабы мы самодержавство въ нашей россійской имперіи, какъ издревле прародители наши имѣли, воспріять соизволили“... Ѳеофанъ Прокоповичъ замѣчаетъ по этому поводу: „русскій народъ та-

---

[1]) Объ этихъ событіяхъ см. интересный историческій этюдъ пр. Корсакова »Воцареніе Императрицы Анны Іоанновны« (Казань, 1880), на который столь основательныя замѣчанія были сдѣланы пр. Загоскинымъ, въ его статьѣ »Верховники и шляхетство 1730 года« (1881). См. также ст. г. Карновича »Замыслы верховниковъ и челобитчиковъ въ 1730 г.« (От 3, 1872).

ковъ есть отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ".

Съ Петра III начинается *открытіе* сословій, которыя получаютъ организацію при Екатеринѣ II. Но, допустивъ большую самодѣятельность высшихъ сословій, либеральная императрица проникнута была въ то же время сознаніемъ о необходимости самодержавія въ Россіи. Въ своемъ знаменитомъ наказѣ 1767 г. она говоритъ, что въ Россіи „государь есть *самодержавный;* ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ столь великаго государства.... Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но въ конецъ разорительно.... Притомъ... лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ".

Честно и грозно охраняла великая государыня свое самодержавіе, и упражненія гр. Н. И. Панина въ составленіи конституціи оставались въ области фантазіи.

Точно такъ же относился къ этому дѣлу и Императоръ Павелъ. Если вѣрить запискамъ Ф. Визина, въ первые моменты его царствованія гр. Паленъ и гр. Н. П. Панинъ предложили ему принять конституціонный актъ, но Императоръ, предупрежденный генераломъ Талызинымъ, устоялъ и отвергъ ихъ настойчивыя требованія [1]).

Иначе къ этому дѣлу отнесся Императоръ Александръ I. Ученикъ Лагарпа и другъ польскаго патріота кн. Чарторыйскаго, онъ въ молодые годы мечталъ о республикѣ, а вступивъ на престолъ, задумывалъ надѣлить Россію конституціей, не нарушая крѣпостной зависимости крестьянъ. Проэкты такой конституціи вырабатывались то Новосильцевымъ, то Сперанскимъ. Конститу-

---

[1]) См. интересное сочиненіе г. Пыпина »Общественное движеніе при Александрѣ I« (1871).

ціонная хартія, составленная послѣднимъ, подъ названіемъ: „Планъ всеобщаго госуд. преобразованія“, въ 1809 г. была окончена и находилась уже въ кабинетѣ императора [1]). Главная мысль этого плана состоитъ въ томъ, что къ участію въ законодательствѣ, судѣ и управленіи слѣдуетъ допустить народныхъ представителей, по началу землевладѣнія. Народное представительство имѣетъ четыре степени: дума волостная, уѣздная, губернская и государственная.

Конституціонные опыты Сперанскаго встрѣтили самый рѣшительный отпоръ въ человѣкѣ, который, будучи историкомъ Россіи, лучше зналъ ея пользы и интересы. Разумѣемъ Карамзина. Глубоко проникнутый консервативнымъ міровоззрѣніемъ, что „всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ...“, что „учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума; и что одно время и благая воля законныхъ правительствъ должны исправить несовершенства гражданскихъ обществъ“; вынесши изъ глубокаго изученія прошлыхъ судебъ Россіи крѣпкое убѣжденіе, что „самодержавіе есть ея палладіумъ“, что „цѣлость его необходима для ея счастья“, нашъ историографъ въ своей запискѣ „О древней и новой Россіи“ старался доказать Императору, вѣковыя династическія убѣжденія въ которомъ были поколеблены, что все величіе Россіи, вся судьба ея всегда заключались въ неприкосно-

---

[1]) Планъ, написанный рукою Сперанскаго, хранится въ Императорской публичной библіотекѣ. Извлеченія изъ него можно найти въ книгѣ Н. И. Тургенева »La Russie et les russes«, а также у Пыпина, въ его сочиненіи »Общественное движеніе при Александрѣ I«. См. также »Лекціи и изслѣдованія« пр. Сергѣевича (стр. 760).

венности и силѣ самодержавія, что Россія процвѣтала, когда оно было сильно, падала, когда оно слабѣло [1]).

---

[1]) См. записку »О Древней и Новой Россіи«, изданную редакціей Русскаго Архива: »... можно-ли и какими способами ограничить самовластіе въ Россіи, не ослабивъ спасительной царской власти? Умы легкіе не затрудняются отвѣтомъ, и говорятъ: »можно; надобно только поставить законъ еще выше государя«. Но кому дадимъ право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату-ли? Совѣту-ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбираемые государемъ, или государствомъ? Въ первомъ случаѣ, они угодники царя; во второмъ захотятъ спорить съ нимъ о власти. Вижу аристократію, а не монархію. Далѣе, что сдѣлаютъ сенаторы, когда монархъ нарушитъ уставъ? Представятъ о томъ его величеству? А если онъ десять разъ посмѣется надъ ними, объявятъ ли его преступникомъ? Возмутятъ ли народъ? Всякое доброе Русское сердце содрагается отъ сей ужасной мысли. *Двѣ власти государственныя въ одной державѣ суть два грозные льва въ одной клѣткѣ, которые терзаютъ другъ друга;* а право безъ власти есть ничто. *Самодержавіе основало и воскресило Россію;* съ перемѣною государственнаго устава ея, она гибла и должна погибнуть, составленная изъ частей столь многихъ и разныхъ, изъ коихъ всякая имѣетъ свои особенныя гражданскія пользы. *Что, кромѣ единовластія неограниченнаго, можетъ въ сей махинѣ производить единство дѣйствія?* Еслибы Александръ, вдохновенный великодушною ненавистію къ злоупотребленіямъ самодержавія, взялъ перо для предписанія себѣ иныхъ законовъ, кромѣ Божіихъ и совѣсти, то истинный добродѣтельный гражданинъ Россійскій дерзнулъ бы остановить его руку и сказать: »Государь, ты преступаешь границы своей власти; наученная долговременными бѣдствіями, Россія предъ святымъ алтаремъ вручила самодержавіе твоему предку и требовала, да управляетъ ею верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе твоей власти, иной не имѣешь: можешь все, но не можешь законно ограничить ее«... (стр. 2271). Интересно сблизить эти слова съ тѣми словами, которыя мы недавно слышали отъ одного изъ доблестнѣйшихъ нашихъ публицистовъ, явившагося въ вопросѣ о Русскомъ самодержавіи истиннымъ преемникомъ Крижанича, Татищева, Болтина и Карамзина. »Въ пылу реформъ«, читали мы въ Московскихъ вѣдомостяхъ въ недавнее печальное время »возникло смутное понятіе, возникло мнѣніе, подъ вліяніемъ иноземныхъ доктринъ, что дѣло идетъ

Какъ ни сильны были аргументы Карамзина, но Императору Александру I слишкомъ трудно было отрѣшиться отъ иллюзій молодости, навѣянныхъ на него иноземцами Лагарпомъ и кн. Чарторыйскимъ—заклятымъ врагомъ Россіи. Возвевъ завоеванную русской кровью Шведскую провинцію, съ присоединеніемъ къ ней добытой Петромъ В. Выборгской губерніи, въ рангъ государства—великаго княжества Финляндскаго—онъ ограничилъ въ немъ свою самодержавную власть конституціей 1809 г. По Вѣнскому трактату къ Россіи была присоединена часть герцогства Варшавскаго. Одинъ изъ пунктовъ этого трактата, внесенный по настоянію русскаго государя, постановлялъ, что всѣ поляки—какъ русскіе подданные, такъ равно австрійскіе и прусскіе—получатъ конституцію и народное представительство. Австрія и Пруссія этого проэкта никогда не приводили въ исполненіе. Оставался ему вѣрнымъ только Александръ. Онъ даровалъ своей польской провинціи конституцію, и открывая Варшавскій сеймъ 17 марта 1818 г. провозгласилъ свое намѣреніе распространить ее на всю свою Имперію [1]).

объ ограниченіи самодержавной власти Русскаго монарха—о дарованіи конституціи. Самъ монархъ не могъ бы умалить полноту своихъ правъ. Онъ властенъ не пользоваться ими, подвергая тѣмъ себя и государство опасностямъ, но онъ не могъ бы отмѣнить ихъ, еслибъ и хотѣлъ; да народъ и не понялъ бы его«.

[1]) »Устройство, уже существовавшее въ вашемъ краѣ« говорилъ императоръ »дозволило мнѣ ввести немедленно то, которое я даровалъ вамъ, руководясь правилами свободныхъ учрежденій, *переставшихъ быть предметомъ моихъ заботъ*, и которыхъ благодѣтельное вліяніе надѣюсь я, съ помощію Божіей, *распространить на всѣ страны, провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя*. Такимъ образомъ вы Мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что *уже издавна я ему готовлю и чѣмъ оно воспользуется*, какъ только начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости« (см. Исторію у Александра, Богдановича т. V, стр. 372).

Зерно *декабризма*, такимъ образомъ, было брошено на русскую почву рукой самого Императора.

Составилось цѣлое общество, задача котораго состояла въ томъ, чтобы произвести государственный переворотъ, установивъ въ Россіи западно-европейскій конституціонный строй. Посыпались проэкты всякихъ конституцій: Пестель въ своей »Русской Правдѣ« задумывалъ преобразовать самодержавный монархическій строй въ демократическую республику; Никита Муравьевъ раздроблялъ цѣльную, исторически слившуюся Россію на независимыя области—нѣчто въ родѣ Сѣверо-Американскихъ штатовъ и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ проэктовъ, какъ до извѣстной степени все декабрьское движеніе, проникнуты были олигархическимъ мотивомъ „какъ бы себѣ полегчить“, и составляютъ историческое продолженіе записи Шуйскаго, Салтыковской программы, предложенной польскому королевичу Владиславу 1610 г. и ограничительныхъ пунктовъ верховниковъ 1730 г. Но, ко благу Россіи, 14 Декабря 1825 г. Императоръ Николай отстоялъ вѣковое Русское самодержавіе, выработанное потомъ и кровью народныхъ массъ. Ко благу Россіи, онъ былъ ея государемъ *на всей своей волѣ*, и держа въ своихъ рукахъ честно и грозно государственную власть, даровалъ Россіи внутренній порядокъ и такое значеніе въ дѣлахъ международныхъ, какое она едва-ли когда-нибудь имѣла.

Такая же власть перешла и къ Императору Александру II-му, самодержавному освободителю народа отъ крѣпостнаго права и великому обновителю своей державной волей святой Русской земли.

Такимъ образомъ, чаянія народа, берегшаго царскую власть, какъ зѣницу своего ока, ополчавшагося противъ всѣхъ тѣхъ, которые ея касались — осуществились: самодержавная власть, созданная и взлелѣянная народомъ, сослу-

жила своему народу великую службу. Обновленная и укрѣпленная великимъ дѣломъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, она господствуетъ теперь надъ *свободнымъ* русскимъ народомъ, замышляя и совершая во благо ему новыя великія реформы. Господствуя надъ всѣми страстями и интересами отдѣльныхъ партій, она гордо держитъ знамя Петра В. — служеніе русскому народу, преуспѣяніе собраннаго ею русскаго государства и защита его гордости, чести и достоинства въ отношеніяхъ международныхъ.

Въ жизни народовъ бываютъ моменты, когда съ особенной яркостію обозначается все великое историческое предназначеніе сильной, концентрированной государственной власти. Моменты эти наступаютъ тогда, когда обновляется общественный строй, когда въ немъ совершаются такія реформы, для водворенія которыхъ необходимо *нейтральное начало*, стоящее превыше всѣхъ отдѣльныхъ, личныхъ и сословныхъ, страстей и предразсудковъ, охраняющее интересы цѣлой страны. Такой моментъ мы переживали въ прошлое царствованіе. Когда у насъ державною волею *мирно* совершалась отмѣна крѣпостной зависимости милліоновъ народа, въ Сѣверо-американской федерально-демократической республикѣ возбужденіе вопроса объ эманципаціи черныхъ вызвало кровавую гражданскую войну. Это сопоставленіе республиканскаго государства, распадающагося на части и упорно борющагося изъ-за рѣшенія того самого вопроса, который мирно разрѣшается державною волею русскаго Самодержца — глубоко поучительно. Русскій самодержавный царь надѣляетъ свое крестьянство землею и совершаетъ то, чего бы не попустила ни одна западно-европейская аристократія или буржуазія, ни одинъ парламентъ [1]).

[1]) Припомнимъ прекрасныя слова нашего варшавскаго государствовѣда А. Блока: »Чтобы оцѣнить все значеніе такой »аграрной« политики, достаточно вспомнить напримѣръ, какъ французское »третье

Но совершивъ свои реформы, совершила-ли самодержавная власть свою историческую миссію, исчерпала-ли она уже всѣ тѣ реформы, въ которыхъ нуждается родная земля? Нѣтъ и нѣтъ! Пока стоитъ Россія, она будетъ ея палладіумомъ, „днищемъ доброму стоянію всего народа“ какъ выражался нѣкогда Крижаничъ, главнымъ цементомъ, связывающимъ громадныя разбросанныя пространства въ единую и цѣльную русскую государственную территорію и претворяющимъ разноязычныя и разновѣрныя ея племена въ мощную русскую націю, прирожденную защитницу и руководительницу всего славянства. Пока будетъ стоять русское самодержавіе, оно будетъ охраною равноправія русскаго народа, защитою слабыхъ, убогихъ и малыхъ отъ сильныхъ, богатыхъ и большихъ, которые господствуютъ въ западно-европейскомъ, аристократическомъ, буржуазномъ или псевдодемократическомъ, конституціонномъ строѣ, и монархическаго и республиканскаго типа.

Не смотря на такое значеніе самодержавія для блага и интересовъ родной земли, „въ пылу реформъ“ послѣдняго времени возникли „смутныя“ представленія о томъ, что вѣнцомъ этихъ реформъ должна быть конституція, ограничивающая власть русскаго самодержца. Повторился декабризмъ, въ болѣе печальномъ и недостойномъ русскаго человѣка образѣ.

сословіе« съ шумомъ и трескомъ провозглашало извѣстные »великіе принципы«, допускало по этому случаю всевозможныя насилія надъ дворянствомъ и церковью, а само скупало по удешевленной цѣнѣ конфискованныя »національныя имущества«—какъ оно заключало временные наступательные союзы съ дикою городскою чернью, потомъ подвергало эту »святую сволочь (la sainte canaille)« внезапнымъ предательскимъ разстрѣляніямъ и наконецъ обращало всѣ пріобрѣтенія той или другой »достославной революціи« въ свою исключительную пользу« (см. »Политическая литература въ Россіи и о Россіи, стр. 69).

Эти смутныя представленія должны были разсѣяться отъ мощнаго державнаго слова, раздавшагося въ манифестѣ 29 апрѣля 1881 г.

Пріемля „священный долгъ самодержавнаго правленія“, Императоръ Александръ III говоритъ вѣрноподданному русскому народу:

„Гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, съ вѣрою въ истину Самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній“.

Порадовало царское слово всѣхъ истинныхъ патріотовъ, для которыхъ дорога честь и слава родной земли — порадовало оно и нашу православную церковь, которая, начиная отъ первыхъ московскихъ первосвятителей Петра и Алексѣя и до Филарета [1]) и Макарія, освящала и благословляла русское самодержавіе. Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ Амвросій, теперешній архіепископъ Харьковскій, послѣ Манифеста 29 апрѣля 1881 г., говорилъ:

„Мы съ горестію смотрѣли на эти поползновенія (ограничить самодержавную власть). Мы видѣли, какъ легкомысленные послѣдователи новыхъ ученій, развивая предъ нами чуждыя нашей исторіи системы управленія, какъ буйные дѣти въ чужомъ саду, въ потьмахъ, подсаживая другъ друга, лѣзли на многовѣтвистое древо нашей общественной и государственной жизни, и протягивали дерзкія руки къ плодамъ вѣками укорененной и Богомъ покровительствуемой власти“.

---

[1]) См. Государственное ученіе Филарета Митрополита Московскаго (Москва, 1883).

Опредѣленія дѣйствующаго законодательства.

§ 9. Мы прослѣдили постепенное историческое развитіе верховной самодержавной власти въ Россіи. Мы видѣли, что эта власть была органическимъ продуктомъ реальныхъ мотивовъ и силъ, элементовъ географическихъ, этнографическихъ, экономическихъ и конфессіональныхъ, которыми была обставлена наша исторія. Узурпація и рецепція, если имѣли, то самое маловажное значеніе. Верховная самодержавная власть являлась для Россіи единственной исторической альтернативой — единственнымъ выходомъ сплотиться въ одну націю, сложиться въ цѣльное единое государство. Элементы дружинный — олигархическій и вѣчевой — демократическій оказались несостоятельными привести къ этой цѣли. Великорусское племя, служившее главнымъ этнографическимъ факторомъ въ созданіи Русскаго государства, хорошо поняло это своимъ инстинктомъ, и повело за собою другія племена по правильному историческому пути.

Стихійно выработанная народными массами, русская верховная власть пережила много фазисовъ, проявлялась въ разнообразныхъ типахъ [1]), пока не установился ея теперешній типъ, ея современная организація.

[1]) Типъ князя-дружинника (Владиміръ св.), типъ князя-члена всего княжескаго рода, коллективно представлявшаго единство Русской Земли, ограниченнаго въ своей власти то дружиной, то вѣчемъ (Ярославъ), типъ князя-вотчинника (Андрей Боголюбскій), расширившійся въ типъ московскаго князя-вотчинника-собирателя Русской Земли (Іоаннъ Калита), типъ Земскаго царя-домовладыки, усвоившаго византійскія черты, преподанныя церковью (Іоаннъ Грозный), типъ императора-опекуна и руководителя культуры своего народа, усвоившаго западноевропейскія черты (Петръ В.), типъ императора сословнаго (Екатерина II), усвоившаго сословно-монархическую доктрину Монтескьё, сказавшуюся въ его формулѣ »point de monarque, point de noblesse — point de noblesse, point de monarque«, типъ императора Земскаго (Александръ II).

Долго жила она въ сознаніи народа, долго фактически проникала она нашъ государственный строй, пока императоръ Николай, словами своего кодификатора гр. Сперанскаго, не сформуловалъ существа ея въ первой статьѣ I-го т. Свода Законовъ.

Іоаннъ Грозный отчетливо понималъ значеніе своей царской власти, но не выразилъ ее въ своемъ Судебникѣ. „Тишайшій“ царь Алексѣй Михайловичъ высоко чтилъ ее, но не опредѣлилъ въ своемъ Уложеніи. Первыя попытки опредѣлить существо верховной власти формулой закона мы встрѣчаемъ въ законодательныхъ актахъ Петра В.— въ Военныхъ артикулахъ, въ Духовномъ регламентѣ и особенно въ Правдѣ воли монаршей. Екатерина II въ своемъ Наказѣ повторяетъ попытку Петра.

Но окончательно существо верховной самодержавной власти Всероссійскаго Императора формуловано Сводомъ. Статью, опредѣляющую это существо, Сперанскій заимствовалъ изъ законодательныхъ антецедентовъ—Военныхъ артикуловъ, Духовнаго регламента, Правды воли монаршей и Екатерининскаго наказа. Редактированная подъ строгимъ и непосредственнымъ наблюденіемъ Императора Николая, столь ревниво относившагося къ своей самодержавной власти, статья эта гласитъ слѣдующее:

„Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться Его верховной власти не токмо за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ“ (ст. I).

Въ этой статьѣ, принимая во вниманіе коментаріи ея редактора, слѣдуетъ отмѣтить три понятія: а) самодержавіе, б) неограниченность и в) религіозное освященіе повиновенія самодержавной неограниченной власти, составляющаго нравственный долгъ—долгъ совѣсти русскаго гражданина.

Слѣдуя гр. Сперанскому, вникнемъ въ суть этихъ трехъ составныхъ понятій, входящихъ въ опредѣленіе существа верховной самодержавной власти формулой закона.

а) *Самодержавіе*, какъ показываетъ самое слово, означаетъ, что Государь Императоръ *Самъ держитъ* всѣ стихіи Своего державнаго права—во всей ихъ цѣльности и полнотѣ, и безъ всякаго участія другой какой бы то ни было власти въ государствѣ. Подобно тому, какъ камень *самоцвѣтный* имѣетъ свой собственный, ему присущій, а не извнѣ полученный, цвѣтъ и блескъ—подобно тому и самодержавная власть имѣетъ свои собственныя, Ей присущія, а не извнѣ данныя, права, такъ какъ въ ней воплощаются *самость* и *державныя* права великой русской націи, которыя она получила не извнѣ, но выработала потомъ и кровью своего многовѣковаго историческаго развитія.

б) *Неограниченность* самодержавной власти означаетъ, что никакая другая власть на землѣ—власть правильная и законная—ни внѣ, ни внутри имперіи не можетъ положить предѣлы власти Русскаго Самодержца—подобно тому какъ никая земная власть не можетъ поставить предѣлы и границы историческому развитію и преуспѣянію великаго русскаго народа и разрѣшенію имъ намѣченныхъ провидѣніемъ національныхъ и міровыхъ задачъ.

Но изъ такой неограниченности самодержавной власти русскаго Государя не слѣдуетъ, что его власть—власть деспотическая: самодержавная монархія и деспотія—два различные типа государства. Въ самодержавной монархіи на первомъ планѣ цѣли и потребности народа, достигаемыя и удовлетворяемыя при помощи самодержавія; въ деспотіи: цѣли и потребности правителя, достигаемыя и удовлетворяемыя при посредствѣ народа. Въ

послѣдней нѣтъ положительнаго закона выше воли деспота; въ монархіи самодержавной существуютъ законы, непреложные и священные для самодержца. Законы эти — основы народной жизни, интересы русской земли, ея народная честь, гордость и достоинство. „Всякое право“ прекрасно говоритъ Сперанскій „а слѣдовательно и право самодержавное, потолику есть право, поколику оно основано на правдѣ. Тамъ гдѣ кончится правда и гдѣ начинается неправда, кончится право и начинается самовластіе“. Эта правда — благо русскаго народа и русской земли, служеніе ея внутреннимъ преуспѣяніямъ, ея внѣшней чести и неприкосновенности — что всегда составляло знамя нашихъ лучшихъ самодержцевъ, и что сливается съ личными интересами ихъ и династіи.

Въ чемъ же заключается гарантія отъ произвола лица, облеченнаго верховною самодержавною властію? „Произволъ монарха“ отвѣчаетъ одинъ изъ достойнѣйшихъ современныхъ нашихъ публицистовъ „ограничивается только его совѣстію, тѣмъ что называется страхомъ Божіимъ, силою вещей, логикой событій. Гарантія заключается въ положеніи самодержца, возвышенномъ надъ всѣми сословіями и партіями, въ совершенной общности его интересовъ съ государственной пользой и благомъ народнымъ“ [1]).

в) Наконецъ, верховная власть носитъ на себѣ религіозное освященіе, помазаніе церкви, которое всегда

---

[1]) Припомнимъ слова Карамзина: ....»нашъ государь имѣетъ только одинъ вѣрный способъ обуздать своихъ наслѣдниковъ въ злоупотребленіи власти: да царствуетъ благодѣтельно, да пріучитъ подданныхъ ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные, правила, мысли народныя, которыя лучше всѣхъ бренныхъ формъ удержатъ будущихъ государей въ предѣлахъ законной власти; чѣмъ? страхомъ возбудить всеобщую ненависть, въ случаѣ противной системы царствованія«... (Записка: 2273).

почило надъ вѣнценосцами, и въ особенности было проповѣдуемо нашей православной церковью съ первыхъ вѣковъ существованія государства и понынѣ. Церковь научаетъ русскій народъ повиноваться верховной самодержавной власти не изъ за страха предъ нею, но изъ за совѣсти. Повиновеніе это—нравственный долгъ русскаго гражданина, закрѣпляемый его вѣрноподданническою присягой „служити государю своему и прямити и добра хотѣти во всемъ безо всякія хитрости“, какъ говорили русскіе люди, присягавшіе основателю нынѣшней династіи. „Не щадить для государя своего живота, до послѣдней капли крови“, какъ гласитъ формула современной вѣрноподданнической присяги.

Лояльность и піэтетъ къ государю очень сильны въ инстинктахъ народныхъ массъ. Въ развитомъ, интеллигентномъ человѣкѣ, эти стихійные инстинкты должны быть сознательны, и поэтому еще—сильнѣе. Любить своего государя—любить свою родную землю; не жалѣть ничего для своего государя—ничего не жалѣть для своей родины. Это цивизмъ русскаго гражданина. Онъ долженъ быть пропорціоналенъ его умственному и нравственному развитію. Чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ интенсивнѣе долженъ быть его цивизмъ, и тѣмъ болѣе крѣпко должно быть то чувство, которое Гизо такъ хорошо назвалъ „dignité de l'obeissance“.

Народы вырабатываютъ свои политическія формы и свои образы правленія стихійно и органически. Выборъ ихъ едва ли зависитъ отъ ихъ произвола, и вопросъ, который ставитъ Миль въ своихъ Размышленіяхъ о представительномъ образѣ правленія: „могутъ-ли быть образы правленія предметомъ свободнаго выбора“? долженъ быть разрѣшенъ отрицательно. Англійскій парламентаризмъ такъ же естественъ и необходимъ для Англіи, какъ федерализмъ для Швейцаріи, какъ демокра-

тизмъ для Сѣверо-Американскихъ штатовъ, а нашъ родной земско-самодержавый строй для нашего отечества. Безусловнолучшихъ и общепримѣнимыхъ образовъ правленія нѣтъ и быть не можетъ. Припомнимъ слова англійскаго поэта Попэ:

„Let fools discept on forms of governement:
The best administered is the best [1]).

Система нашего престолонаслѣдія допускаетъ возможность перехода верховной власти въ руки женскаго пола, такъ какъ нашъ основной законъ о престолонаслѣдіи принимаетъ *условное* допущеніе къ престолу женщинъ и женскихъ поколѣній — порядокъ австрійско-голландскій. Если это случится, то по закону императрица — такая же самодержавная и неограниченная государыня, какъ и императоръ. Наши императрицы 18 в. — Анна Іоанновна, Елизавета Петровна и Екатерина II — такъ же правили имперіей, какъ и наши императоры. Власть Екатерины I фактически была ограничена узурпаціей верховнаго тайнаго совѣта. Но супругъ царствующей императрицы не почитается государемъ. Онъ пользуется всѣми почестями и преимуществами супруги императора, за исключеніемъ титула (ст. 2).

Порядокъ образованія верховной власти.

§ 10. Наши основные законы опредѣляютъ *порядокъ образованія* верховной власти, подъ которымъ они разумѣютъ: порядокъ наслѣдія престола, совершеннолѣтіе императора, правительство и опеку, вступленіе на преэтолъ и присягу подданства, священное коронованіе и муропомазаніе.

---

[1]) »Пускай глупцы разсуждаютъ объ образахъ правленія: наилучше управляемое есть наилучшее«.

А) ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІЕ.

§ 11. Государство есть учрежденіе живущее и дѣйствующее *непрерывно*. Поэтому, и главный факторъ государственной жизни – верховная государственная власть, по природѣ своей—*непрерывна*, т. е. дѣйствіе ея не прекращается ни на одно мгновеніе, и едва только умираетъ ея субъектъ – она моментально переходитъ къ его законному *преемнику* [1]).

Болѣе общій терминъ для обозначенія этого перехода—*преемство*. Наше законодательство не употребляетъ этого термина потому, что признаетъ одинъ только порядокъ перехода —*наслѣдованіе*.

1) СИСТЕМЫ НАСЛѢДОВАНІЯ.

§ 12. Всѣ системы наслѣдованія Сперанскій подводитъ подъ два порядка: *постепенный* и *полинейный*.

Первый порядокъ состоитъ въ томъ, что наслѣдство поступаетъ во всѣ линіи, отъ одного владѣльца исходящія. Умираетъ владѣлецъ А, оставляя послѣ себя сыновей Б, В, внука Г и т. д.—наслѣдство его дѣлится поровну между Б, В, Г и т. д.

При второмъ порядкѣ наслѣдство поступаетъ къ одной старшей линіи, и въ ней обращается, пока линія эта не пресѣчется, и затѣмъ уже переходитъ въ слѣдующія линіи—во 2, 3 и т. д. Умираетъ владѣлецъ А, оставляя сыновей Б, В, Г и т. д.—наслѣдство его нераздѣльно переходитъ къ Б, и обращается во всемъ его нисходящемъ потомствѣ, до его пресѣченія. Потомъ уже, въ такой же нераздѣльности, оно переходитъ въ линію сына В, обращаясь также въ ней до ея пресѣченія и т. д.

---

[1]) Въ этомъ, между прочимъ, одно изъ великихъ преимуществъ *наслѣдственной* монархіи предъ *избирательной*, допускающей междуцарствіе.

Первый порядокъ наслѣдованія—наслѣдованіе *по степенямъ*—можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда наслѣдство дѣлимо, когда назначеніе его удовлетворять потребностямъ частнаго лица: въ оборотѣ имуществъ гражданскихъ. Въ наслѣдствѣ же недѣлимомъ, назначеніе кототаго удовлетворять потребностямъ общественнымъ—въ наслѣдствѣ престола, никому не принадлежащаго, какъ частное достояніе—возможенъ только порядокъ наслѣдованія *по линіямъ*.

Наслѣдованіе, далѣе, можетъ быть *по закону* и *по завѣщанію*. Наслѣдованіе по закону, когда самъ законъ опредѣляетъ, кому должно достаться наслѣдство, независимо отъ воли и благоусмотрѣнія владѣльца. По завѣщанію, когда воля и благоусмотрѣніе владѣльца предопредѣляютъ переходъ его имущества.

Завѣщательный порядокъ, вполнѣ согласный съ идеей частной собственности, можетъ имѣть примѣненіе къ обороту имуществъ частныхъ.

Престолъ же—институтъ публичный, а не частное достояніе монарха: идея частной собственности, мотивирующая свободную передачу частнаго имущества, не можетъ имѣть къ нему примѣненія. Преемство престола должно опредѣляться *закономъ*, а не *завѣщаніемъ*.

На извѣстныхъ ступеняхъ развитія государствъ, когда институты государственные, опредѣлялись частноправными интересами, преемство престола стояло на почвѣ гражданскаго права и существовали порядки наслѣдованія по степенямъ и по завѣщаніямъ.

Но въ настоящее время во всѣхъ монархическихъ государствахъ, какъ ни велики особенности въ порядкѣ престолонаслѣдія, господствуетъ система *линейная*, по началу *первородства*, точно опредѣляемому *закономъ*.

Въ конституціонномъ государствѣ порядокъ престолонаслѣдія опредѣляется обыкновенно конституціей.

Разнообразіе же въ существующихъ системахъ престолонаслѣдія обусловливается отчасти взглядомъ на относительныя права на престолъ лицъ *женскаго* пола.

Во всѣхъ европейскихъ государствахъ право на престолъ предпочтительно принадлежитъ полу мужескому. Относительно правъ женскаго пола существуютъ три различныя системы.

а) Система *безусловнаго* исключенія женщинъ и женскихъ поколѣній отъ престолонаслѣдія. Это система строго *агнатическая*, называемая *салической*, такъ какъ она развита салическими франками, первоначально въ примѣненіи къ наслѣдованію поземельной собственности, а потомъ и къ престолу. Она существовала во Франціи, а въ настоящее время дѣйствуетъ въ Бельгіи, Швеціи и Норвегіи, Италіи, Даніи и Пруссіи.

б) Система *условнаго* допущенія женщинъ и женскихъ поколѣній, за совершеннымъ отсутствіемъ лицъ мужескаго пола во всѣхъ линіяхъ агнатовъ. Право на престолъ принадлежитъ въ такомъ случаѣ прежде всего женщинамъ, происходящимъ отъ мужескаго поколѣнія, и затѣмъ уже переходитъ въ женскія поколѣнія, съ предпочтеніемъ мужескаго пола. Эту систему можно назвать *австрійско-голландской*, такъ какъ она примѣняется въ Австріи и Голландіи. Ея практикуютъ также въ Греціи, Баваріи и Виртембергѣ, а на основаніи нынѣдѣйствующаго закона о престолонаслѣдіи и въ Россіи.

в) Система *когнатическая* или англо-испанская: мужескій полъ предпочитается женскому только въ одной и той же линіи, но не въ цѣломъ родѣ, такъ что женщина отъ старшаго агната предпочитается мужчинѣ отъ младшаго. На этомъ основаніи англійская королева Викторія вступила на престолъ, послѣ смерти своего бездѣтнаго дяди короля Вильгельма IV, исключивъ другаго своего дядю, герцога Кумберландскаго, такъ какъ ея умершій

отецъ, герцогъ Кентскій, былъ старшимъ агнатомъ. Система эта примѣняется въ Англіи, Испаніи, Португаліи и Бразиліи [1]).

2) ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ ПОРЯДКА ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІЯ.

§ 13. Въ Россіи порядокъ престолонаслѣдія развивался исподоволь. Различныя системы преемственно смѣнялись одна другою, пока въ концѣ прошлаго столѣтія законъ Императора Павла не установилъ окончательно того порядка, который существуетъ въ настоящее время.

По мнѣнію профессора Сергѣевича, древне-княжеская Русь не знала *законнаго порядка* преемства столовъ. Основное начало, которое онъ развиваетъ въ своемъ изслѣдованіи „Вѣче и князь“, что столы въ этотъ періодъ не *наслѣдовались*, а добывались личной энергіей и отвагой князя.

Эта теорія противорѣчитъ теоріи *лѣствичнаго восхожденія* при преемствѣ столовъ, которая развита покойнымъ историографомъ Соловьевымъ. По этой теоріи всѣ волости представляли *іерархическую лѣствицу* въ отношеніи старшинства и достоинства ихъ главныхъ городовъ. Былъ старшій столъ кіевскій, за нимъ слѣдовали черниговскій, переяславскій и т. д. Кіевскій столъ долженъ былъ замѣщаться старшимъ братомъ, второй слѣдующимъ за нимъ и т. д. На старшій столъ, такимъ образомъ князья, переходили постепенно. Послѣ смерти кіевскаго князя, мѣсто его занималъ слѣдующій за нимъ братъ и князь старѣйшей затѣмъ волости, въ эту же волость передвигался князь 3-й по достоинству волости и т. д. Такимъ образомъ, каждый братъ постепенно переходилъ въ старшіе князья, и достигалъ кіевскаго стола *лѣствичнымъ*

[1])»Allgemeines Staatsrecht« Блунчли (2 т. стр. 33) »Начала Русскаго Госуд. права« Градовскаго (Т. I, стр. 170).

восхожденіемъ, какъ говоритъ пр. Соловьевъ, согласно Никоновской лѣтописи.

Обѣ теоріи охватываютъодну только сторону вопроса, и потому каждая изъ нихъ справедлива до извѣстной степени.

Теорія Соловьева вѣрно опредѣляетъ тотъ порядокъ преемства столовъ, который существовалъ въ понятіи самихъ князей. Что по этому понятію русскія волости были наслѣдственнымъ достояніемъ княжескаго рода, распредѣлявшимся по степени родоваго старшинства, доказывается и распредѣленіемъ столовъ послѣ смерти Ярослава и тѣмъ, что впослѣдствіи каждый князь, считавшій себя старшимъ братомъ, предъявлялъ свои права на кіевскій столъ. Начало *наслѣдованія* было, такимъ образомъ, *княжескимъ* началомъ.

Теорія Сергѣевича вѣрно опредѣляетъ *фактически* существовавшій порядокъ преемства столовъ. *Добываніе* волостей было дѣйствительно всеобщимъ фактомъ, противорѣчившимъ началу наслѣдства.

Начало наслѣдства по лѣствичному восхожденію не могло развиться по многимъ причинамъ. Однѣ изъ нихъ заключались въ самой организаціи рода княжескаго, другія—вытекали изъ вѣчевыхъ порядковъ.

Причины перваго рода состояли въ томъ, что при размноженіи Рюриковичей трудно было установить мѣрило старшинства; отыскать въ данную минуту старшаго князя иногда было невозможно. Отсюда *добываніе* старшинства и старшаго стола силою.

Наибольше ограниченій наслѣдственное начало встрѣчало въ вѣчевыхъ порядкахъ—въ правѣ *призванія* князя вѣчемъ. Народъ не всегда признавалъ право наслѣдованія престоловъ, и княжескому началу наслѣдованія противопоставлялъ иногда народное начало избранія. Напримѣръ, въ 1146 г. кіевляне призвали Изяслава Мстисла-

вича вопреки тому, что цѣловали крестъ Всеволоду Ольговичу, и обѣщали ему, по смерти его, посадить брата его Игоря. Нарушеніе своей клятвы они мотивировали: „не хощемъ быти, аки въ задничи“.

Въ сѣверо-восточной Россіи—въ землѣ Суздальско-Ростовской и Московской—княжеское начало наслѣдованія начинаетъ болѣе и болѣе брать верхъ. Этому содѣйствовали нѣкоторыя случайныя благопріятныя обстоятельства: въ теченіе 126 лѣтъ—отъ смерти Александра Невскаго (1263) до смерти Дмитрія Донскаго (1389)—княжескій московскій престолъ безспорно и спокойно переходитъ отъ отца къ сыну или брату умершаго князя. Вслѣдствіе этого укрѣпляется идея наслѣдственности, но безъ опредѣленнаго порядка преемства, безъ признанія, какое изъ лицъ династіи должно наслѣдовать. Наслѣдство должно перейти къ *нисходящимъ*, но что кому дать, и поровну-ли, или одному больше, а другому меньше—зависѣло отъ усмотрѣнія князя, и обыкновенно опредѣлялось его духовною грамотой. Не признавалось, такимъ образомъ, что наслѣдникъ имѣетъ присущее ему и прирожденное право на престолъ, но что право его зависитъ отъ усмотрѣнія государя. Послѣдній не считалъ себя, поэтому, связаннымъ правами наслѣдниковъ, полагая что имѣетъ право дѣлать между ними выборъ. По воззрѣнію московскихъ князей, если престолъ и переходитъ отъ отца къ сыну, то не въ силу самостоятельнаго права сына на престолъ, а въ силу воли отца. Иванъ III ясно выразилъ такой взглядъ въ своемъ отвѣтѣ новгородскому посольству по поводу назначенія сына своего Василія великимъ княземъ новгородско псковскимъ: „развѣ я не воленъ въ сынѣ или внукѣ: кому хочу, тому и даю царство“.

И такъ, въ московскомъ княжествѣ складывается воззрѣніе, что оно составляетъ отчину нисходящаго потомства великаго князя Александра Невскаго, но поря-

докъ преемства всякій разъ опредѣляется усмотрѣніемъ царствующаго государя. Въ грамотахъ, оповѣщающихъ народъ о восшествіи новаго государя, обыкновенно ссылались на то, что государь назначенъ своимъ предшественникомъ. Такъ оповѣщали еще Алексѣй Михайловичъ [1]), сынъ его Ѳедоръ Алексѣевичъ.

Мало-по-малу постепенно стало усиливаться начало перехода отъ отца къ сыновьямъ. Окончательное торжество этого начала при Василѣ Темномъ, который 20 лѣтъ боролся со своимъ дядей Юрьемъ и его сыновьями за великокняжеское достоинство, которое онъ таки и удержалъ за собою.

Изъ понятія перехода къ сыновьямъ выдѣляется идея перехода *линейнаго*, по началу *первородства*. Сначала наслѣдство дѣлилось между сыновьями поровну. До второй половины XIV в. въ завѣщаніяхъ князей мы не усматриваемъ желанія одному изъ сыновей дать преобладающее положеніе. Напротивъ, замѣчается иногда стремленіе искусственно уравнять удѣлы, въ силу чего лучшая волость поручалась совокупному владѣнію всѣхъ сыновей.

Первое отступленіе отъ такого порядка, и первое сознательное стремленіе дать перевѣсъ одному изъ сыновей мы замѣчаемъ въ завѣщаніи Дмитрія Донскаго. По его примѣру, начинаютъ мало-по-малу прибавлять старшему сыну лишнюю долю на *старѣйшій путь*. Эта доля стала постепенно увеличиваться, пока не установилось *единодержавіе—нераздѣльность престола*, переходящаго по началу *первородства*.

---

[1]) »Учинились мы на Владимірскомъ и на Московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ великаго царствія по приказу отца нашего...« (См. Сергѣевича »Лекціи и изслѣдованія« стр. 882).

Такимъ образомъ, Дмитрій Донской, оставилъ своему старшему сыну Василію великокняжеское достоинство, передавъ ему большую часть своихъ владѣній. Меньшіе же сыновья должны были ограничиться значительно меньшими удѣлами.

То же направленіе мы замѣчаемъ въ завѣщаніяхъ Василья II и сына его, Іоанна III, но у послѣдняго съ еще большею рѣшительностію. Іоаннъ III передаетъ своему старшему сыну, Василью, почти всю Москву, назначивъ ему удѣлъ, превосходящій всѣ удѣлы остальныхъ сыновей, вмѣстѣ взятые. Дальнѣйшій шагъ былъ сдѣланъ Іоанномъ Грознымъ, который еще при жизни своего старшаго сына Ивана, написалъ завѣщаніе, по которому онъ оставлялъ ему „все государство“, назначая Ѳедору небольшой удѣлъ, съ прибавленіемъ: „а удѣлъ сына моего Ѳедора ему же (Ивану) къ великому государству. [1]). Такимъ образомъ, удѣлъ младшаго сына, по мысли Грознаго, уже не самостоятельное княженіе, а часть единаго московскаго государства. Этимъ завершалось, заключаетъ пр. Сергѣевичъ, образованіе идеи *единства государства*. Небольшой удѣлъ, полученный братомъ Ѳедора, царевичемъ Дмитріемъ, былъ болѣе прожиточнымъ помѣстьемъ.

Со смертію Ѳедора, пресѣклась линія Калиты. Преемство престола начинаетъ опредѣляться новымъ началомъ—избраніемъ то боярами, то всѣмъ народомъ. Но выборщики смотрятъ на избраніе не какъ на право свое, но какъ на просьбу къ законному наслѣднику принять престолъ; до того идея династическаго наслѣдственнаго права пустила глубокіе корни въ сознаніе народа. Для Бориса Годунова, помимо всѣхъ другихъ обстоятельствъ,

---

[1]) См. Лекціи и изслѣдованія пр. Сергѣевича.

большимъ шансомъ быть выбраннымъ на соборѣ 1598 г. служило то обстоятельство, что онъ былъ свояком царя Ѳедора, братомъ супруги его Ирины. Но какъ только появился самозванецъ, назвавшійся законнымъ наслѣдникомъ, болѣе близкимъ по крови къ изсякшей династіи, положеніе Бориса пошатнулось, а сынъ его палъ жертвой народнаго негодованія.

По обнаруженіи обмана нареченнаго царевича Дмитрія, бояре выбрали царемъ Шуйскаго. Но народъ былъ недоволенъ этимъ избраніемъ: Шуйскій былъ свергнутъ и водворилось междуцарствіе. Боярская дума задумала избрать на царство Владислава. Избраніе это не состоялось, а царемъ былъ выбранъ Михаилъ Ѳедоровичъ, какъ сродичъ прежнему царскому дому „отъ племени благовѣрнаго и праведнаго государя царя и Великаго князя, Ѳедора Ивановича всея Россіи племянникъ“. Съ избраніемъ Михаила Ѳедоровича водворился прежній порядокъ престолонаслѣдія, сочетавшись съ установившимся въ 17 в. избраніемъ: Алексѣй Михайловичъ вступаетъ на престолъ и „по приказу“ отца своего и по избранію. Закона же о преемствѣ престола все таки не было, и преемство опредѣлялось обычаемъ. Но насколько шатки были правила этого обычая видно изъ того, что по смерти Ѳедора Алексѣевича партіи боролись за то, кого возвести на престолъ. Сначала осилила партія малолѣтняго Петра, который и объявленъ наслѣдникомъ, помимо старшаго брата, слабоумнаго Іоанна. Потомъ партія Петра уступила: возвели на престолъ и Іоанна, а сестра царевичей Софья, объявлена правительницей. Въ 1689 г. Петръ заточилъ сестру въ монастырь и объявилъ себя царемъ, оставивъ брату царскій титулъ до самой его смерти.

Извѣстно, что Петръ судилъ своего сына и отрѣшилъ его отъ наслѣдованія престола. Это побудило его измѣнить обычный порядокъ престолонаслѣдія, замѣнивъ про-

ступавшее начало первородства избраніемъ преемника царствующимъ государемъ. Этого Петръ В. достигнулъ закономъ 5 февр. 1722 г., составляющимъ нашъ первый законъ о преемствѣ престола.

Уже въ манифестѣ 3 февр. 1718 г., отрѣшавшемъ царевича отъ престола, Петръ сослался на право каждаго изъ подданныхъ своихъ (указъ 1714 г. о единонаслѣдіи) лишить наслѣдства непотребныхъ сыновей и отдать его тому сыну, которому захочешь. Въ уставѣ же о наслѣдіи престола, 5 февр. 1722 г., Петръ отвергнулъ *старый обычай, что большому сыну наслѣдство давали*, назвавъ его *обычаемъ недобрымъ* и установилъ „дабы сіе было всегда въ волѣ правительствующаго государя, кому оной хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнить“. Петръ ссылается при этомъ на св. писаніе—на жену Исакову, меньшему сыну наслѣдство исходатайствовавшую и на Іоанна III, который, усматривая достойнаго наслѣдника, наслѣдство „перво отдалъ внуку, мимо сыновей, а потомъ отставилъ внука уже вѣнчаннаго, и отдалъ сыну“. Уставъ этотъ былъ утвержденъ присягой всѣхъ подданныхъ. Но, столь противный исконному порядку, онъ встрѣченъ былъ всеобщимъ народнымъ неудовольствіемъ [1]). Это побудило Петра В. поручить своему публицисту Ѳеофану Прокоповичу составить къ этому закону оправдательный документъ. Такимъ оправдательнымъ документомъ явилась „Правда воли монаршей“, которою преобразователь старается объяснить народу преимущества имъ установляемаго порядка, какъ бы оправдываясь передъ нимъ въ томъ, что онъ нарушилъ исконный, традиціонный порядокъ.

---

[1]) Штраленбергъ (стр. 258) сообщаетъ, что во многихъ городахъ Сибири не хотѣли присягать новому закону о преемствѣ престола.

Доказавъ и римскимъ правомъ и библіей право государя назначать себѣ преемника, Правда разрѣшаетъ вопросъ: кто долженъ быть государемъ, если умершій государь не назначилъ себѣ преемника? Долженъ быть выбранъ тотъ изъ сыновей умершаго государя, который былъ къ нему наиболѣе близокъ и былъ имъ наиболѣе любимъ. Если же нельзя опредѣлить, кого больше любилъ государь, то выбирается наиболѣе подобный отцу. А если умершій оставилъ одного сына, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ избрать его, точно также, если умершій оставилъ только дочерей.

Новый порядокъ престолонаслѣдія породилъ въ 18 в. много смутъ и импровизованныхъ государей: онъ отмѣнилъ исконный обычай и почти что не соблюдался, а Петръ II, если вѣрить Шлёцеру, совсѣмъ его упразднилъ [1]).

Петру I не удалось назначить себѣ преемника. Это подало поводъ къ борьбѣ придворныхъ партій, имѣвшихъ въ виду не пользы государства, но личныя цѣли. На смертномъ одрѣ Петръ проговорилъ: „отдайте все...“ и велѣлъ подозвать къ себѣ свою любимую дочь, Анну Петровну, невѣсту герцога Голштинскаго. Но на престолъ возведена была Меншиковымъ Екатерина I. Она оставила *тестаментъ* [2]), который, собственно говоря, нарушалъ петровскій законъ 5 февр. 1722 г., такъ какъ нетолько назначалъ супцессора Екатеринѣ I, но опредѣлялъ цѣлый рядъ сукцессій, стѣсняя и ограничивая такимъ обрпзомъ волю послѣдующихъ монарховъ. Именно 1 ст. тестамента сукцессоромъ назначала в. кн. Петра Алексѣевича, но въ случаѣ смерти бездѣтнаго императора, призывала на пре-

---

[1]) Historische Untersuchung über Ruslands Reichsgrundgesetze.

[2]) П. С. З. Т. VII, № 5070.

столъ герцогиню Голштинскую, Анну Петровну, потомъ Елизавету Петровну, затѣмъ Наталью Алексѣевну, съ ихъ потомствомъ—такъ, однакожъ, чтобъ мужеское колѣно преимуществовало предъ женскимъ. А если бы не осталось потомковъ династіи, то престолъ долженъ наслѣдовать ближайшій и старѣйшій родственникъ царствовавшей династіи мужескаго пола.

Тестаментъ старается, кромѣ того, установить нѣкоторыя общія условія преемства престола: по ст. 8 „никто никогда Россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, которой не греческаго закона или кто уже другую корону имѣетъ“. Начало это нѣсколько измѣнено законоиъ 1797 г. вошедшимъ въ 13 ст. св.

Вообще, тестаментъ 1727 г.—важный законодательный антецедентъ—вторая попытка оформить закономъ практиковавшійся порядокъпрестолонаслѣдія.

Принося вѣрноподданническую присягу Петру II, присягали „и по немъ Его Величества высокимъ наслѣдникамъ, которые по соизволенію и самодержавной Ему отъ Бога данной Императорской власти опредѣлены и впредь опредѣляемы и къ воспріятію престола удостоены будутъ“. Но, по словамъ Шлёцера, Петръ II вовсе отмѣнилъ законъ 5 февр. 1722 г., какъ направленный противъ своего отца.

Со смертію Петра II угасли мужескіе представители династіи Романовыхъ. Весьма трудно было уладить вопросъ о наслѣдіи престола, потому что Петръ II не оставилъ никакого завѣщанія. У Долгорукихъ явилась дерзкая мысль провозгласить императрицей невѣсту покойнаго, княжну Екатерину Алексѣевну Долгорукую. Братъ ея, кн. Иванъ Алексѣевичъ, составилъ даже подложную духовную, которою будто-бы покойный императоръ передавалъ русскій престолъ своей невѣстѣ.

Но верх тайн. совѣтъ возвелъ на престолъ боковую линію царствовавшей династіи. При этомъ онъ обошелъ старшую дочь Ивана Алексѣевича, Екатерину Мекленбургскую, въ пользу младшей, Анны Іоанновны, вдовствующей герцогини Курляндской.

Подъ вліяніемъ Бирона, Анна Іоанновна составила завѣщаніе, которымъ наслѣдникомъ своимъ назначила Іоанна, сына Антона Ульриха, герцога Брауншвейгскаго; а въ случаѣ еслибы онъ не оставилъ наслѣдства, то преемниками его должны были быть его братья, рожденные отъ принцессы Анны Леопольдовны, въ малолѣтство которыхъ правителемъ государства долженъ быть Бирон. Но еслибы случилось, что не только Іоанъ Антоновичъ, но и братья его скончаются, не оставивъ по себѣ наслѣдниковъ, то регентъ, по согласію съ первѣйшими сановниками государства, долженъ избрать наслѣдника престола. Вторично, такимъ образомъ, вопреки смыслу петровскаго закона, назначался цѣлый рядъ сукцессій.

Но сукцессоровъ Анны Іоанновны постигла та же судьба, что и сукцессоровъ *по тестаменту* 1727: Іоаннъ Антоновичъ былъ свергнутъ съ престола, на который возведена Елизавета Петровна.

На основаніи распоряженія, сдѣланнаго ею еще при жизни, Императоромъ провозглашенъ внукъ Петра В., Петръ III, „яко по *крови* ближайшій къ Императрицѣ“.

По видимому, начало наслѣдованія старшинаго, кровнаго собиралось возстановиться. Императоръ Петръ III, вступая на престолъ, провозгласилъ въ манифестѣ, что Императрица Елизавета оставила ему „въ самодержавство прародительскій престолъ, яко сущему наслѣднику по правамъ, преимуществамъ и узаконеніямъ принадлежащій“.

Но въ формѣ присяги Петру III повторена та же формула, которая была употреблена при Петрѣ II: цесаревичъ Павелъ не былъ объявленъ наслѣдникомъ престола, который подлежалъ свободному избранію Императора.

По вступленіи на престолъ Екатерины II, присягали и ея законному наслѣднику Павлу Петровичу.

Но и въ ея царствованіе возникала мысль назначить наслѣдникомъ старшаго внука, Александра Павловича, и Безбородкѣ поручалось составить манифестъ въ такомъ смыслѣ.

Такая шаткость и неопредѣленность системы преемства, представляющей такую капитальную важность для государства, очень озабочивала цесаревича Павла Петровича, который задумалъ положить этому конецъ.

Отправляясь на войну со Шведами, ввиду могущихъ произойти въ его отсутствіе случайностей, онъ составилъ, обще со своей супругой Маріей Ѳедоровной, въ январѣ 1788 г., актъ о престолонаслѣдіи, въ которомъ говоритъ, что „надлежитъ издать законъ, кому именно быть государемъ“.

Этотъ законъ и былъ изданъ 5 апрѣля 1797 г., въ день коронаціи Императора Павла, и послѣ торжественнаго провозглашенія его въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, онъ положенъ для храненія въ ковчегѣ на престолѣ.

Мотивъ этого основнаго закона, опредѣляющаго и теперь порядокъ престолонаслѣдія, какъ сказано въ немъ самомъ: „дабы государство не было безъ наслѣдника; дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ; дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія кому наслѣдовать; дабы хранить право родовъ въ наслѣдствіи, не нарушая права естественнаго, и избѣжать затрудненій при переходѣ изъ рода въ родъ“.

Актъ 5 апр. 1797 г. былъ дополненъ впослѣдствіи слѣдующими постановленіями:

1) О нераздѣльномъ соединеніи престоловъ Ц. Польскаго и В. Кн. Финляндскаго съ престоломъ Имперіи и однообразномъ въ этихъ частяхъ имперіи порядкѣ престолонаслѣдія.

2) Постановленіе 1820 г., по поводу женитьбы В. Кн. Константина Павловича на гр. Ловичъ, объ устраненіи отъ наслѣдія престола дѣтей, произшедшихъ отъ брачнаго союза лица имп. фамиліи съ лицомъ, непринадлежащимъ ни къ какому владѣтельному дому.

3) Того же 1820 г., о порядкѣ расторженія браковъ членовъ императорскаго дома.

4) Постановленіе 12 дек. 1825 г. о свободѣ отреченія отъ наслѣдія лица, имѣющаго къ тому право, если только за симъ не предстоитъ затрудненія въ дальнѣйшемъ наслѣдованіи престола, и о *невозвратности* таковаго отреченія, когда оно будетъ обнародовано и обращено въ законъ.

3) нынѣ дѣйствующее законодательство.

§ 14. Нынѣ дѣйствующій законъ, опредѣляющій порядокъ наслѣдія престола, основывается на актѣ 5 апр. 1797 г., который цѣликомъ введенъ въ Сводъ. Законъ этотъ заключается въ слѣдующемъ:

Императорскій Всероссійскій престолъ, съ которымъ нераздѣльны престолы Царства Польскаго и В. Кн. Финляндскаго, есть наслѣдственный въ нынѣ благополучно царствующемъ Императорскомъ Домѣ. На наслѣдованіе престола имѣютъ право *оба пола*, но преимущественно это право принадлежитъ мужескому полу, по порядку *первородства*, и только за его пресѣченіемъ онъ поступаетъ въ женское поколѣніе по праву *заступленія*.

Такимъ образомъ, наслѣдіе престола прежде всѣхъ принадлежитъ старшему сыну царствующаго Императора, а по немъ всему его мужескому поколѣнію до пресѣченія. За тѣмъ, переходитъ въ родъ втораго сына въ мужеское же поколѣніе, потомъ въ родъ третьяго сына и т. д.

Когда пресѣчется послѣднее мужеское поколѣніе сыновей Императора, то престолъ переходитъ въ женское поколѣніе послѣднецарствовавшаго, предпочитая и въ немъ мужескій полъ женскому. По пресѣченіи сего рода —въ женское поколѣніе старшаго сына Императора— родоначальника, въ которомъ наслѣдуетъ ближняя родственница послѣднецарствовавшаго рода сего сына. По пресѣченіи ея рода—въ женскій родъ прочихъ сыновей Императора—родоначальника; потомъ въ родъ старшей дочери Императора—родоначальника, въ мужеское поколѣніе, по пресѣченіи котораго въ женское. По пресѣченіи поколѣній старшей дочери—въ родъ второй дочери и т. д.

Когда наслѣдіе престола дойдетъ до такого лица, которое уже царствуетъ на другомъ престолѣ, тогда наслѣдующему предоставляется избрать вѣру и престолъ, и отречься вмѣстѣ съ наслѣдникомъ отъ другой вѣры и престола, если только онъ связанъ съ иновѣріемъ. Когда же такого отреченія не послѣдуетъ, то наслѣдуетъ лицо, ближе стоящее по порядку къ престолу.

Дѣти, происшедшія отъ брачнаго союза лица Императорской Фамиліи съ лицомъ, ни къ какому наслѣдственному дому непринадлежащимъ, не имѣютъ права на наслѣдованіе престола.

Имѣющій право на престолъ можетъ отречься отъ него. Но отреченіе это имѣетъ мѣсто въ томъ только случаѣ, когда не предстоитъ никакого затрудненія, и не можетъ произойти замѣшательства въ дальнѣйшемъ наслѣдованіи престола. Слѣдовательно, отреченіе отъ пре-

стола не можетъ имѣть мѣста, если вслѣдствіе его для государства могутъ произойти какія нибудь замѣшательства и затрудненія. Въ такомъ случаѣ монархъ обязанъ царствовать, какъ бы это ни противорѣчило его личнымъ наклонностямъ и вкусамъ. Когда же отреченіе состоится, обратится въ законъ, правильно обнародованный — оно считается невозвратнымъ. Отрекшійся отъ престола въ 1825 г. цесаревичъ Константинъ Павловичъ уже не могъ, послѣ этого акта, возвратить себѣ обратно право на престолъ, которое перешло къ законному послѣ него наслѣднику Императору Николаю I.

Порядокъ престолонаслѣдія, этими законами опредѣленный, считается обязательнымъ, какъ для императора, такъ и для всѣхъ членовъ династіи. Императоръ или Императрица, наслѣдующіе престолъ, при вступленіи на оный и при миропомазаніи, обязуются свято соблюдать законы о наслѣдіи престола. Наслѣдникъ престола и всѣ члены Императорскаго Дома, при торжественномъ объявленіи ихъ совершеннолѣтія, принося присягу Государю Императору, обязываются и клянутся „соблюдать всѣ постановленія о наслѣдіи престола и порядкѣ фамильнаго учрежденія, въ Основныхъ Законахъ Имперіи изображенныя, во всей ихъ силѣ и неприкосновенности“.

Въ разсмотрѣнномъ нами законѣ о наслѣдіи престола обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторые пункты, на которыхъ, поэтому, мы считаемъ нужнымъ остановиться.

1) Право на наслѣдіе Императорскаго Всероссійскаго престола принадлежитъ цѣлой династіи — нынѣ благополучно царствующему Императорскому Дому, который по женской линіи – потомству дочери Петра В. Анны Петровны, принцессы Голштинской — находится въ кровной связи съ основателемъ династіи Романовыхъ, царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, родъ котораго принадлежитъ

къ одному изъ древнѣйшихъ русскихъ родовъ—появляется уже въ XIII в., и который своимъ свойствомъ съ царемъ Іоанномъ Грознымъ связанъ съ угасшею при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ династіей Рюриковской, собиравшей воедино русскую землю.

2) Съ Императорскимъ Всероссійскимъ престоломъ *неразрывно* связаны престолы Царства Польскаго и В. Кн. Финляндскаго. Такимъ образомъ, эти два владѣнія не *инкорпорированы*, но находятся въ *уніи* съ Имперіей —въ уніи *реальной*, но не *личной*, такъ какъ онѣ *связаны неразрывно*, личная же унія бываетъ *временная*, пока не раздѣлятся короны случайно соединившіяся, какъ было, напримѣръ, при соединеніи Испаніи съ Германской имперіей въ XVI в., Ганновера съ Англіей въ XVII в.

Статья о *неразрывномъ* соединеніи престоловъ Царства Польскаго и В. Кн. Финляндскаго была составлена въ 1808 г., когда была пріобрѣтена Финляндія и въ 1815, когда по вѣнскому трактату была присоединена часть бывшаго герцогства Варшавскаго.

Финляндія была присоединена, какъ провинція, входившая въ составъ шведскаго государства, въ которомъ она никогда не имѣла значенія самостоятельнаго политическаго цѣлаго. Особенный престолъ В. Кн. Финляндскаго былъ созданъ Императоромъ Александромъ I, который возвелъ завоеванную шведскую провинцію въ рангъ отдѣльнаго государства, увеличивъ ея территорій Выборгской губерніей, и конституціей 1809 г. установилъ въ ней другой образъ правленія—конституціонный, такъ что формула „Императоръ Всероссійскій есть Монархъ Самодержавный и Неограниченный“ не имѣетъ примѣненія на пространствѣ В. Кн. Финляндскаго, ибо здѣсь Его Самодержавная власть ограничивается участіемъ въ законодательствѣ представительнаго собранія—финляндскаго сейма. Съ тѣхъ поръ и понынѣ Финляндія обра-

зуетъ отдѣльный престолъ, полусамостоятельное государство, имѣющее свою монету, свое законодательство и управленіе, таможенною чертою отдѣленное отъ имперіи, хотя временно—при Императорѣ Николаѣ—конституція 1809 г. была отмѣнена, и послѣ долгаго перерыва сеймъ былъ созванъ только Императоромъ Александромъ II., въ 1863 г.

Отдѣльнаго же престола Царства Польскаго въ настоящее время не существуетъ, и такое выраженіе теперь составляетъ анахронизмъ: Царство Польское превращено въ Привислянскій край, реальная унія въ инкорпорацію.

Императоръ Александръ I части бывшаго герцогства Варшавскаго, присоединеннаго къ Россіи по Вѣнскому трактату 1815 г., даровалъ значеніе полусамостоятельнаго государства, имѣющаго свою конституцію. Отдѣльность этого края на столько была сильна, что Императоръ Николай, какъ царь Польскій, короновался въ Варшавѣ особо.

Послѣ польскаго возстанія 1831 г., конституція была отмѣнена, но полнаго сліянія Польши съ Россіей не произошло. Польша продолжала сохранять многія особенности управленія по органическому статуту 1832 года. Особенности эти еще болѣе были увеличены вначалѣ царствованія Александра II. Но повстаніе 1863 года дало дѣлу совсѣмъ другой оборотъ: началось стремленіе къ инкорпораціи. Указъ 1867 года прямо говоритъ, что имѣется ввиду полное сліяніе Польши съ Имперіей: царство превращено въ Привислянскій край, и выраженіе „престолъ Польскій“, и понынѣ фигурирующее въ законодательствѣ, получаетъ такой же архивный историческій смыслъ, какъ престолъ царства Казанскаго или Астраханскаго [1]).

---

[1]) Лекціи пр. Сергѣевича стр. 628.

3) Оба пола имѣютъ право на наслѣдіе престола, но преимущество принадлежитъ *агнатамъ* – по порядку *первородства* въ прямой нисходящей линіи, и только по прекращеніи ихъ—переходитъ къ *когнатамъ* послѣднецарствовавшаго—по праву *заступленія*. Такое условное допущеніе лицъ женскаго пола было подготовлено историческими антецедентами: великія княгини Ольга и Елена правили государствомъ во время малолѣтства ихъ сыновей; царицѣ Иринѣ Ѳедоръ Іоанновичъ завѣщалъ свой престолъ, отъ котораго она отказалась; въ концѣ 17 в. государствомъ правила Софья Алексѣевна; въ 18 в. мы видимъ цѣлый рядъ императрицъ.

4) Совмѣщеніе Всероссійскаго престола съ какимъ нибудь другимъ иностраннымъ, по ст. 13, возбраняется условно, если таковой престолъ „связанъ съ закономъ“, т. е. съ иновѣрнымъ вѣроисповѣданіемъ, „для того что Государи Россійскіе суть главою церкви“. Послѣдній мотивъ редакція свода не приводитъ, но онъ заключается въ актѣ 5 апрѣля 1797 г. (1-е П. С. № 17910). Значитъ, по духу нашихъ основныхъ законовъ, русскій монархъ можетъ занимать совмѣстно со Всероссійскимъ всякій другой иностранный престолъ, если только онъ будетъ исповѣдывать православіе.

5) Исповѣданіе православія — необходимое условіе для занятія Всероссійскаго престола. Императоръ, престоломъ Всероссійскимъ обладающій, не можетъ исповѣдывать никакой иной вѣры, кромѣ православной, постановляетъ ст. 41. Священнодѣйствіе царскаго вѣнчанія православная церковь начинаетъ тѣмъ, что предлагаетъ коронуемому Императору произнести во всеуслышаніе православное исповѣданіе, слѣдуя антецеденту патріарха Іоакима, который, коронуя царя Ѳедора Алексѣевича, до возложенія на него царскихъ регалій, обратился съ

вопросомъ: „како вѣруеши и исповѣдуеши Отца и Сына и Св. Духа?“.

Въ западно-европейскихъ системахъ престолонаслѣдія мы встрѣчаемъ подобное же требованіе опредѣленнаго вѣроисповѣданія, какъ необходимое условіе для занятія престола. Это требованіе имѣетъ глубокое основаніе. Для государства можетъ быть весьма неблагопріятно, если народъ исповѣдуетъ одну религію, а монархъ другую: этимъ нарушается органическая, солидарная связь, которая всегда должна соединять монарха съ его народомъ; этимъ могутъ быть ослаблены тотъ піэтетъ и довѣріе къ монарху, которыми народъ долженъ быть проникнутъ. Опасность иновѣрнаго монарха, кромѣ того, заключается еще въ томъ, что, при извѣстной долѣ фанатизма и преданности своему вѣроисповѣданію, онъ можетъ угнетать и стѣснять вѣроисповѣданіе своего народа.

Государственное право Англіи прямо требуетъ отъ монарха исповѣданія протестантизма, по англиканскому толку [1]); подобное же требованіе ставитъ и основной законъ Швеціи, требующій отъ короля вѣроисповѣданія лютеранскаго; конституція греческая — православнаго; испанская — католическаго и т. д.

Напротивъ, во многихъ государствахъ Германіи требуется только, чтобы монархъ былъ *христіанскаго* вѣроисповѣданія (эксплицитно въ Виртембергской конст.): результатъ одного изъ основныхъ началъ Вестфальскаго мира, что различіе въ христіанскомъ вѣроисповѣданіи не можетъ быть основаніемъ устраненія отъ престола.

6) На наслѣдованіе престола не имѣютъ права дѣти, происшедшія отъ неравнаго брака, т. е. отъ брака съ

---

[1]) Декларація правъ 1689 г. и актъ 1701 г. постановляютъ, что монархомъ въ Англіи не можетъ быть лицо не только исповѣдующее папизмъ, но и вступившее въ бракъ съ его послѣдователемъ.

лицомъ, не принадлежащимъ ни къ какому владѣтельному дому. Подобное требованіе мы встрѣчаемъ во многихъ основныхъ законахъ западной Европы, которые устраняютъ отъ престола дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, или же въ бракѣ морганатическомъ и неравномъ. Кромѣ того, иногда эксплицитно требуется для брака, дающаго дѣтямъ право на престолъ, соизволеніе главы государства или народнаго представительства: въ Англіи, Швеціи, Баваріи, Португаліи и др. [1]). Требованіе это въ нашихъ основныхъ законахъ не выражено эксплицитно: ст. 14 требуетъ только брака равнаго. Но оно разумѣется само собою, вытекая прямо изъ ст. 140.

Возвращаясь къ нынѣйствующему закону о престолонаслѣдіи, формулованному въ 3—17 ст. основныхъ законовъ, нельзя не сказать, что этотъ законъ опредѣляетъ порядокъ престолонаслѣдія самымъ точнымъ образомъ: онъ предусматриваетъ, разрѣшаетъ всевозможные случаи, которые могутъ представиться въ будущемъ. Этимъ онъ окончательно устраняетъ смуты въ государствѣ и борьбу партій, по случаю смерти царствующаго монарха, что наполняло всю исторію 18 вѣка. Законъ о престолонаслѣдіи не предусматриваетъ только того случая, если лицо, имѣющее право на престолъ, по какимъ-нибудь физическимъ или умственнымъ недостаткамъ, не можетъ воспользоваться этимъ правомъ. Подобные случаи предусматриваются другими конституціями—напр. Виртембергскимъ основнымъ закономъ 1808 г., устранявшимъ отъ престола неизлѣчимо слѣпыхъ—предусматриваются и нашими законами о регентствѣ, по аналогіи, съ которыми они и могутъ разрѣшаться.

Законъ о престолонаслѣдіи не предусматриваетъ также и того возможнаго случая, еслибы покойный Импера-

---

[1]) См Allgemeines Staatsrecht v. Bluntschli, 2 B.

торъ не оставилъ послѣ себя сыновей, но оставилъ бы вдовствующую Императрицу беременною, и она бы разрѣшилась отъ бремени лицомъ мужескаго пола уже по кончинѣ своего супруга: имѣетъ-ли послѣ смерти своего отца — Императора рожденный, но при немъ зачатый сынъ, право на наслѣдіе престола? Объ этомъ ничего не упоминаетъ актъ 4 янв. 1788 г., обнародованный, какъ основной законъ, 5 апр. 1797 г., содержаніе котораго буквально повторяется въ статьяхъ св. з. Но сюда относится слѣдующій антецедентъ: установляя на случай своей кончины, до совершеннолѣтія законнаго наслѣдника, правительство и опеку, Императоръ Николай постановляетъ:

„Еслибы по кончинѣ Нашей и по кончинѣ наслѣдника въ несовершеннолѣтіи, не осталось другаго Сына Нашего, а любезнѣйшая супруга Наша, осталась бы въ беременности: то до разрѣшенія Ея отъ бремени, Великій Кн. Михаилъ Павловичъ да будетъ Правителемъ Государства. Послѣ же разрѣшенія, если Богъ благословитъ Ея Величество сыномъ, то Новорожденный вступаетъ по закону въ право наслѣднаго государя, и до совершеннолѣтія Его, Правителемъ государства остается В. Кн. Михаилъ Павловичъ; если же разрѣшеніе послѣдуетъ Великою Княжною, тогда въ права наслѣднаго государя вступаетъ Великій Кн. Михаилъ Павловичъ“ [1]).

в) совершеннолѣтіе императора.

§ 15. *Малолѣтство* наслѣдника престола не можетъ быть препятствіемъ для вступленія его на престолъ, но только лицо *совершеннолѣтнее* можетъ *самостоятельно* уп-

---

[1]) 2-е П. С. З. № 531. Этотъ антецедентъ приводится также и въ книгѣ пр. Андреевскаго, на стр. 145.

равлять государствомъ. *Малолѣтство*, не устраняя отъ престола, дѣлаетъ необходимымъ установленіе *регентства*, которое представляло бы собою лицо малолѣтняго монарха

Неудобства, связанныя съ регентствомъ, издавна приводили къ тому, что срокъ совершеннолѣтія для монарха назначался значительно раньше, чѣмъ терминъ совершеннолѣтія въ средѣ правоотношеній гражданскихъ, хотя управленіе государствомъ принадлежитъ къ труднѣйшимъ задачамъ человѣческой дѣятельности. Но, во всякомъ случаѣ, опасность для государства, когда правитъ имъ юный неопытный монархъ, представляется меньшею, чѣмъ опасность продолжительнаго регентства, несоотвѣтствующаго монархическому принципу, и всегда, какъ показываетъ исторія, наклоннаго править государствомъ въ духѣ и интересѣ извѣстной партіи.

Золотая булла терминъ совершеннолѣтія для нѣмецкихъ курфюрстовъ установила въ *18 лѣтъ*, тогда какъ терминъ совершеннолѣтія гражданскаго по нѣмецкому праву 21 годъ, а по римскому 25 лѣтъ. Этотъ терминъ золотой буллы —18 л.— принятъ въ большей части европейскихъ государствъ: въ Англіи [1]), Голландіи, Бельгіи и т. д. Но есть и исключенія: по шведской конституціи 1809 г. король, по достиженіи 18 лѣтъ, можетъ присутствовать въ засѣданіяхъ государственныхъ учрежденій, не принимая участія въ рѣшеніи ими дѣлъ: совершеннолѣтіе его, какъ монарха, совпадаетъ съ достиженіемъ общегражданскаго совершеннолѣтія—21 года. Напротивъ, испанская конституція 1837 г., слѣдуя тому порядку,

---

[1]) По фикціи Common law, впрочемъ, король не можетъ быть несовершеннолѣтнимъ. Если только парламентъ не установитъ регентства, то по обычному праву малолѣтній король можетъ самостоятельно править государствомъ 18 лѣтъ опредѣлены Генрихомъ VIII срокомъ совершеннолѣтія Эдуарда VI (см. у Фишеля)

который былъ установленъ во Франціи королемъ Карломъ V—срокъ совершеннолѣтія монарха ограничивался 14 годами.

У насъ долгое время не было закона, опредѣлявшаго срокъ совершеннолѣтія государя и наслѣдника. Іоаннъ Грозный, въ завѣщаніи на случай своей смерти, совершеннолѣтіе сына своего и наслѣдника Іоанна назначилъ въ двадцать лѣтъ. Но изъ исторіи мы видимъ, что многіе изъ нашихъ государей стали самостоятельно управлять государствомъ по достиженіи 16 лѣтъ: Іоаннъ Грозный въ 1547 г., Михаилъ, Алексѣй и Петръ. Екатерина I въ 3 п. своего тестамента, установила срокъ совершеннолѣтія для своего сукцессора, но въ рукописи этого акта онъ могъ стереться [1]). По словамъ Шлёцера срокъ совершеннолѣтія Петра II былъ назначенъ въ 16 лѣтъ [2]) Законъ Императора Павла, постановившій, что „совершеннолѣтіе государямъ обоего пола и наслѣдникамъ шесть на десять лѣтъ, дабы сократить время Правительства“ и повторяемый 18 ст. св., только освятилъ этотъ историческій антецедентъ.

в) ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОПЕКА.

§ 16. При вступленіи на престолъ государя несовершеннолѣтняго учреждаются *правительство* и *опека*. Эти оба учрежденія строго различаются въ современномъ государственномъ правѣ. Опека—установленіе гражданскаго права: задача ея заботиться о лицѣ малолѣтняго монарха, о его частныхъ интересахъ и имуществѣ. Правительство или регентство—установленіе государственнаго права: за-

---

[1]) См. 1-е П. С. З. № 5070 »3 До..... лѣтъ не имѣетъ (Петръ II) за юностію въ правительство вступить«.

[2]) Historische Untersuchung über Russlands Reichsgrundgestzee 44.

дача его заботиться объ интересахъ государства, управлять имъ. Возможно и даже цѣлесообразно, поэтому, отдѣленіе опеки отъ правительства, такъ что одному лицу принадлежитъ опека надъ лицомъ малолѣтняго монарха, а другому—управленіе государствомъ во все время малолѣтства монарха, до достиженія имъ установленнаго закономъ термина совершеннолѣтія.

Западно-европейскія государства точнымъ образомъ опредѣляютъ порядокъ назначенія регентства. Въ однихъ этотъ порядокъ предустановленъ разъ-навсегда: по баварской, напримѣръ, конституціи монархъ можетъ назначить регентомъ, на случай малолѣтства своего наслѣдника, одного изъ совершеннолѣтнихъ принцевъ своего дома, а если онъ такого распоряженія не сдѣлаетъ, то, по закону, регентство принадлежитъ ближайшему къ наслѣдію престола совершеннолѣтнему агнату; по испанской конституціи 1837 г.—регентомъ является отецъ, мать или ближайшій къ наслѣдію; по прусской конституціи—также ближайшій къ наслѣдію агнатъ. Аналогическія постановленія встрѣчаются и въ другихъ конституціяхъ.

Въ другихъ государствахъ лицо регента не предустанавливается разъ-навсегда, но каждый разъ назначается—то палатами, собравшимися въ одно общее засѣданіе (напр. въ Бельгіи и Швеціи), то закономъ ad hoc (напр. въ Голландіи и по нѣкоторымъ французскимъ конституціямъ). Исключеніе—Англія, въ которой вовсе нѣтъ *регентства*, какъ предустановленнаго института, въ силу фикціи, что король не можетъ быть несовершеннолѣтнимъ, если только парламентъ актомъ ad hoc не признаетъ его таковымъ.

Отечественная исторія представляетъ многіе примѣры несовершеннолѣтія государей. Начиная съ Игоря, который остался послѣ смерти Рюрика „дѣтескъ вельми“, мы видимъ цѣлый рядъ малолѣтнихъ государей: Святославъ,

Даніилъ Романовичъ Галицкій, Дмитрій Донской, Василій Темный, Іоаннъ IV, Петръ и Іоаннъ Алексѣевичи, Петръ II, Іоаннъ Антоновичъ. Закона же о правительствѣ долгое время не существовало: оно устанавливалось то на основаніи обычая, то по желанію извѣстной партіи. По обычному порядку, правительство и опека принадлежали матери: въ малолѣтство Святослава управляла Ольга, Іоанна IV—Елена, съ помощію бояръ, Іоанна Антоновича—Анна Леопольдовна. Но обычный порядокъ не всегда соблюдался: въ малолѣтство Іоанна и Петра Алексѣевичей—правительницей была сестра ихъ Софья.

Государь могъ также назначить правительство и опеку по своему благоусмотрѣнію. Нерѣдко „пѣступомъ“ или кормильцемъ назначалось одно лицо, а правительство поручалось другому. До насъ дошло обстоятельное распоряженіе умирающаго Василія III „о своемъ сыну, о князѣ Иванѣ, и о своемъ великомъ княженіи, и какъ строитися царству послѣ него“. Своей супругѣ, великой княгинѣ Еленѣ, приказалъ умирающій держать государство до возмужалости кн. Ивана, а боярамъ – помогать ей совѣтомъ „беречь государство русскія земли и всего христіанства отъ всѣхъ его недруговъ“, наказавъ особенно боярамъ Глинскимъ да Шигонѣ поддерживать правительницу своими совѣтами. Особенно обстоятельны были распоряженія о правительствѣ и опекѣ, по тестаменту Екатерины I [1]) и, какъ мы знаемъ, по завѣщанію Анны Іоанновны.

---

[1]) 4. Во время малолѣтства (Петра II) имѣютъ администрацію вести наши обѣ цесаревны, герцогъ Голштинскій (супругъ Анны Петровны) и прочіе члены Верховнаго совѣта, который обще изъ 9 персонъ состоять имѣетъ.

5. И симъ имѣть полную власть правительствующаго самодержавнаго государя, токмо опредѣленія о сукцессіи ни въ чемъ не отмѣнять (1-е П. С. З. № 5070).

Точнымъ образомъ порядокъ учрежденія правительства и опеки опредѣленъ закономъ 1797 г. „такъ какъ“ мотивируетъ онъ „въ случаѣ малолѣтства наслѣдующей особы, порядокъ и безопасность государства и государя того требуютъ“.

Постановленія этого закона вошли въ 18—30 статьи свода, который строго различаетъ *правительство* — для управленія государствомъ и *опеку* — для заботъ и охраненія личности и имущества малолѣтняго монарха. На основаніи статей свода, правительство и опека могутъ учреждаться двояко: или въ одномъ лицѣ совокупно, или же раздѣльно: одному лицу поручается правительство, другому опека.

Учреждатся могутъ двоякимъ способомъ:

а) Волею царствующаго императора. Такъ императоръ Павелъ правительство и опеку предоставлялъ своей супругѣ Маріѣ Ѳедоровнѣ; Императоръ Николай I манифестомъ 1826 г, постановилъ, чтобъ правительство поручено было в. кн. Михаилу Павловичу, а опека супругѣ императора Александрѣ Ѳедоровнѣ; подобное же распоряженіе сдѣлано было и Императоромъ Александромъ II въ 1855 г.: правительство в. кн. Константину Николаевичу, а опека—Императрицѣ Маріи Александровнѣ. Это же было повторено и Императоромъ Александромъ III., вскорѣ по вступленіи на престолъ издавшемъ манифестъ, по которому правительство должно было принадлежать в. кн. Владиміру Александровичу, а опека Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ.

Такимъ образомъ, установился антецедентъ, что по волѣ царствующаго императора, правительство должно принадлежать его старшему брату, а опека—его супругѣ.

б) По закону правительство государства и опека надъ лицомъ малолѣтняго императора принадлежатъ отцу или матери, съ устраненіемъ вотчима или мачихи. Когда нѣтъ

отца или матери—то ближайшему къ наслѣдію престола совершеннолѣтнему родственнику малолѣтняго императора. При этомъ, законъ указываетъ на причины безусловнаго устраненія отъ правительства и опеки: безуміе, хотя-бы и временное, вступленіе вдовыхъ, во время правительства и опеки, во второй бракъ.

Правитель управляетъ дѣлами государства при посредствѣ *совѣта правительства*. Правитель и совѣтъ правительства двѣ необходимыя составныя части регентства: ни одна изъ нихъ безъ другой существовать не можетъ. Но правителю принадлежитъ голосъ рѣшительный, а совѣту—совѣщательный. Дѣлъ опеки совѣтъ не касается, но въ него поступаютъ всѣ безъ изъятія дѣла, подлежащія рѣшенію императора.

Относительно состава совѣта правительства, законъ 1797 г. воспользовался антецедентомъ верховнаго тайнаго совѣта [1]): совѣтъ правительства—изъ 6 особъ первыхъ двухъ классовъ, по выбору правителя. Особы муж. пола императорской фамиліи могутъ, по желанію правителя, засѣдать въ совѣтѣ, но не прежде совершеннолѣтія и не въ числѣ шести особъ (ст. 21—30).

Законъ не опредѣляетъ, участвуетъ-ли въ засѣданіяхъ этого совѣта малолѣтній императоръ. Но сюда относится слѣдующій антецедентъ: установивъ *администрацію* на время малолѣтства своего преемника, Петра II, Екатерина I въ 7 пунктѣ своего *тестамента* говоритъ „Великій князь имѣетъ въ совѣтѣ присутствовать, а по окончаніи администраціи ни отъ кого никакого отвѣта не требовать“. (1-е П. С. № 5070).

---

[1]) Разумѣемъ составъ верховн. тайнаго совѣта, учрежденнаго 8 февр. 1726 г. изъ 6 сановниковъ: кн. Меншикова, гр. Апраксина, гр. Головнина, гр. Толстого, кн. Голицына и б. Остермана.

Законъ не разрѣшаетъ также, долженъ-ли существовать при регентѣ совѣтъ во всякомъ случаѣ, когда правительство назначается волею государя и устанавливается по закону, или-же только въ послѣднемъ случаѣ. Можно толковать въ томъ смыслѣ, что совѣтъ обязателенъ во всякомъ случаѣ.

г) вступленіе на престолъ.

§ 17. По кончинѣ императора, наслѣдникъ его вступаетъ на престолъ *силою самого закона* о наслѣдіи, дающаго ему это право (ст. 31). Такимъ образомъ, не смерть императора даруетъ наслѣднику это право: она представляетъ только возможность воспользоваться правомъ, ему присущимъ по закону о престолонаслѣдіи. Моментъ вступленія на престолъ наслѣдника совпадаетъ съ моментомъ смерти царствующаго государя: междуцарствія нѣтъ, и едва Императоръ Александръ II испустилъ свой послѣдній вздохъ, какъ воцарился Александръ III. Le roi est mort, vive le roi, такъ какъ по французской-же формулѣ „le roi ne meurt jamais“.

Вступленіе на *прародительскій* престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и В. Кн. Финлядскаго возвѣщается народу манифестомъ, которымъ народъ призывается къ вѣрноподданнической присягѣ воцаряющемуся государю и его законному наслѣднику, еслибы даже лицо послѣдняго было не извѣстно. (Ст. 32, 33). Вслѣдствіе того, что присяга приносится вообще *законному наслѣднику*, она не была повторена, когда послѣ смерти цесаревича Николая Александровича, наслѣдникомъ престола былъ объявленъ второй сынъ Императора Александра II.

Въ царскій періодъ нашей исторіи моментъ вступленія на престолъ новаго государя также совпадалъ съ мо-

ментомъ кончины его предшественника. Восшествіе на престолъ новаго государя сопровождалось трехдневнымъ пѣніемъ молебновъ по всѣмъ церквамъ Московскаго Государства. О восшествіи на престолъ сообщалось народу въ особой извѣстительной грамотѣ.

д) присяга подданства.

§ 18. Вступленіе на престолъ новаго монарха сопровождается принесеніемъ ему вѣрноподданнической присяги, посредствомъ которой народъ признаетъ его своимъ государемъ, перенося на него свои обязанности къ его предшественнику.

Еще въ княжескій удѣльно-вѣчевой періодъ сѣвшему на столъ князю приносили присягу, цѣловали крестъ, произнося слова: „ты нашъ князь!“ Присягали даже тогда, когда князь избирался вѣчемъ и заключалъ съ избравшими рядъ, выраженный въ рядной грамотѣ.

Въ Московскомъ періодѣ окончательно установился обрядъ вѣрноподданнической присяги и выработались ея формы.

Бояре и высшіе сановники цѣловали крестъ новому государю нерѣдко у самаго одра усопшаго его предшественника, призывая въ свидѣтели своего обѣта вѣрности Господа Бога, всѣ небесныя силы, Св. Чудотворцевъ Петра, Алексѣя и Іону и т. д.

Послѣ присяги бояръ, цѣловали крестъ всѣ жители города Москвы, а вслѣдъ затѣмъ разсылались служилые люди по всѣмъ городамъ Московскаго Государства, для приведенія къ присягѣ ихъ обывателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ высылалась *подкрестная запись*, съ формулой присяги. До насъ дошло много такихъ подкрестныхъ записей, напечатанныхъ преимущественно въ Актахъ Археогр. Экспи-

диціи и въ Румянцевскомъ собраніи Госуд Грамотъ и Договоровъ [1]).

Изъ этихъ крестныхъ записей особенно заслуживаютъ нашего вниманія изданныя при вступленіи на престолъ Бориса Годунова и Михаила Ѳедоровича Романова, такъ какъ онѣ послужили образцемъ для современной формулы вѣрноподданической присяги, изображенной въ V приложеніи къ нашимъ основнымъ законамъ.

При вступленіи на престолъ новаго Государя, Сенатъ отпечатываетъ въ нужномъ числѣ экземпляровъ эту формулу всенародной вѣрноподданнической присяги, и, сообщивъ объ этомъ Синоду, разсылаетъ ее по всѣмъ начальствамъ Имперіи.

Формула заключается въ торжественномъ обѣтѣ, предъ лицемъ Господа Бога и предъ святымъ Его евангеліемъ „своему истинному и природному Государю и законному его наслѣднику вѣрно и нелицемѣрно служить, и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять“.

Глубокія слова, запечатлѣвающія нравственный союзъ и единеніе русскаго человѣка съ своимъ истиннымъ и природнымъ Государемъ. Слова эти не должны быть произносимы всуе: вся общественная дѣятельность должна быть оправданіемъ и практическимъ осуществленіемъ знаменательныхъ словъ, произнесенныхъ на торжествен-

---

[1]) Исторія права Московскаго государства, пр. Загоскина (Казань, 1877).

номъ актѣ вѣрноподданнической присяги, предъ св. евангеліемъ.

Къ присягѣ приводятъ соотвѣтствующія начальства въ церквахъ, преимущественно въ соборныхъ храмахъ. Иновѣрцы приводятся къ присягѣ въ губернскомъ правленіи или подчиненномъ ему присутственномъ мѣстѣ, если только нѣтъ церкви ихъ исповѣданія (ст. 34).

Къ присягѣ приводятся всѣ вообще подданные мужескаго пола, достигшіе 12 лѣтъ. Изъ лицъ женскаго пола къ вѣрноподданнической присягѣ приводятся только женщины—члены Императорскаго дома, которыя, по достиженіи ими совершеннолѣтія, приносятъ присягу „пребывать вѣрными и усердными подданными“.

Не приводились къ присягѣ только крѣпостные крестьяне, изъятые отъ нея въ 1741 г., на основаніи фикціи, что за нихъ присягаютъ ихъ владѣльцы.

Присягаютъ даже лица, состоящія подъ стражей, но еще не осужденныя къ лишенію правъ. Послѣднія къ присягѣ не приводятся.

Каждый присягающій подписываетъ присяжный листъ, по которому онъ присягалъ. Листы эти доставляются для храненія въ сенатъ, служа какъ-бы документами вѣрноподданства [1]).

Вѣрноподданническая присяга существуетъ во всѣхъ государствахъ монархическихъ. Въ Англіи, напримѣръ, приноситъ ея каждый гражданинъ, по достиженіи 12 лѣтъ. Присяга приносится въ присутствіи чиновника. До 1688 г. она давалась королю и его наслѣдникамъ, а съ этого времени только королю, такъ какъ въ Англіи

---

[1]) Я. Баршева »О религіозномъ, юридическомъ и историческомъ значеніи вѣрноподданнической присяги« (Пам. Кн. Лицея, 1882); Ѳедорова »О формѣ присяги въ Россіи отъ временъ язычества до Петра« (Спб. 1824).

никогда нѣтъ несомнѣннаго и безспорнаго наслѣдника, но только наслѣдникъ вѣроятный—heir apparent, вслѣдствіе присвоеннаго парламентомъ права отлучать всякаго отъ престолонаслѣдія, призвавъ на престолъ болѣе отдаленнаго преемника.

Вѣрноподданническая присяга въ Англіи очень сложна: къ ней закономъ Вильгельма III была прибавлена клятва отреченія—oath of abjuration, противъ претендента. Но при королевѣ Викторіи это клятвенное отреченіе отмѣнено, а введена новая формула вѣрноподданнической присяги [1]).

е) св. коронованіе и мѵропомазаніе.

§ 19. По вступленіи на престолъ, по истеченіи извѣстнаго времени, совершается Священное Коронованіе и Мѵропомазаніе, по чину православной греко-россійской церкви.

Вступленіе на престолъ новаго государя во всѣ времена и у всѣхъ народовъ сопровождается извѣстнымъ торжественнымъ символическимъ актомъ, которому придается священное религіозное значеніе. Этотъ актъ заключался у насъ въ княжескій удѣльновѣчевой періодъ въ *посаженіи* новаго князя на „столѣ отнѣ и дѣднѣ“, что происходило обыкновенно въ главномъ соборномъ городскомъ храмѣ: въ Кіевѣ и Новгородѣ у Св. Софьи. О посаженіи князя говорилось, что онъ „сѣлъ на столѣ отнѣ и дѣднѣ“. Выраженіе „сѣлъ на столѣ“ впослѣдствіи замѣнилось выраженіемъ „вступилъ на престолъ“; а терминъ „стольный градъ“, въ которомъ находился княжескій „столъ“, замѣнился терминомъ „столица“, въ которой находился „престолъ“.

---

[1]) Государственный строй Англіи Эд. Фишеля.

Изъ обряда *посаженія на столъ* мало-по-малу образовался обрядъ священнаго *коронованія*, къ которому впослѣдствіи присоединилось св. миропомазаніе [1]).

Этотъ обрядъ, представляющій собою освященіе церковію акта вступленія на престолъ новаго Государя, символическій образъ его союза и единенія со своей землей и народомъ, устанавливается окончательно въ Московскомъ періодѣ, современъ Іоанна Грознаго дѣлаясь необходимымъ послѣдствіемъ вступленія на престолъ.

Когда же впервые появляется онъ у насъ на Руси?

Существуетъ преданіе, что первыми нашими *вѣнценосцами*, надъ которыми былъ совершенъ обрядъ коронованія, были Владиміръ Св., а потомъ Владиміръ Мономахъ.

Въ грамотѣ, присланной въ 1561 г. Іоанну Грозному патріархомъ Константинопольскимъ Іосафомъ, говорится, что Владиміръ Св. былъ вѣнчанъ митрополитами Ефескимъ и Антіохійскимъ, посланными изъ Царьграда съ дарованными регаліями. Вѣнчаніе Владиміра Св. могло быть послѣдствіемъ его обращенія въ христіанство, женитьбы на греческой царевнѣ Аннѣ и вліянія греческаго духовенства.

Если этотъ фактъ и былъ, то долгое время онъ не повторялся.

Второе извѣстіе о вѣнчаніи русскаго великаго князя относится къ эпохѣ Владиміра Мономаха.

Позднѣйшія русскія лѣтописи свидѣтельствуютъ, что византійскій императоръ Алексѣй Комненъ прислалъ въ Кіевъ Владиміру Мономаху дары — эмблемы

---

[1]) Катаевъ »О священномъ вѣнчаніи и помазаніи царей на царство« (Спб 1847); Ив. Крылова »Историческое описаніе всѣхъ коронацій Государей Всероссійскихъ« (М. 1856); Е. Карновича »Коронованіе Государей« (Историческіе разсказы и бытовые очерки).

царскаго достоинства: „крестъ изъ животворящаго древа, чашу сердоликовую Августа Цесаря, вѣнецъ, златую цѣпь и бармы Константина Мономаха, дѣда Владимірова, и Неофитъ, Митрополитъ Ефескій, вручилъ дары сіи Великому князю и вѣнчалъ его въ Кіево-софійскомъ соборѣ".

Карамзинъ передаетъ одно повѣствованіе начала 16 вѣка, будто бы Владиміръ Мономахъ, ввиду раздробленности Русской земли, вручилъ полученныя имъ царскія регаліи сыну своему Юрью, для храненія изъ рода въ родъ, до той поры, пока Богъ не воздвигнетъ въ русской землѣ самодержавнаго царя. До наступленія же этого времени далъ будто бы преемникамъ своимъ завѣтъ не вѣнчаться на царство [1]).

Вѣнчанія на царство, дѣйствительно, долгое время не было, но дары Комнена хранились потомъ, какъ наслѣдственная святыня верховной власти, и стали употребляться тогда, когда установился обрядъ священнаго коронованія, какъ необходимая принадлежность вступленія на престолъ.

Несомнѣнно, что священный обрядъ коронованія былъ совершенъ Іоанномъ III надъ внукомъ его Дмитріемъ въ 1498 г., въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ которомъ ханъ Улу-Мехметъ посадилъ въ 1437 г. Василья II на великокняжеское достоинство.

Съ этого времени священнодѣйствіе коронованія начало примѣняться ко всѣмъ вступавшимъ на престолъ русскимъ государямъ, а мѣстомъ этого торжественнаго обряда сдѣлался Успенскій храмъ въ Москвѣ, какъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ русскихъ монументовъ, современникъ собирателя русской земли, Іоанна Калиты.

---

[1]) Ист. госуд. Росс. II т., прим. 220.

Но коронованіе Дмитрія осталось безъ послѣдствій: Іоаннъ III, разгнѣвавшись на своего внука, лишилъ его великокняжескаго престола, назначивъ своимъ преемникомъ старшаго сына Василья. Этимъ какъ бы уничтожалась дѣйствительность коронованія, произведеннаго надъ Дмитріемъ. Можетъ быть, поэтому надъ преемникомъ Іоанна III, Васильемъ III, не было вовсе совершено подобнаго обряда.

Но Іоаннъ Грозный короновался 16 янв. 1547 г., и съ этого времени окончательно установился обрядъ коронованія, къ которому въ концѣ XVI в. присоединилось и миропомазаніе. Послѣ этого обрядъ совершался надъ всѣми русскими государями, за исключеніемъ тѣхъ, которые не успѣли совершить его, по краткости своего царствованія: царь Ѳедоръ Борисовичъ и императоры Іоаннъ VI Антоновичъ и Петръ III.

Но „вѣнчаніе на царство“ въ полномъ значеніи этого слова было совершено впервые надъ царемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ, 31 мая 1584 г. Оно совершалось по соборной грамотѣ, утвердившей весь порядокъ обряда, которая и понынѣ служитъ его основаніемъ.

Кромѣ мономаховой шапки и бармъ—царскихъ эмблемъ, употреблявшихся при предшествовавшихъ коронаціяхъ, Ѳедору Іоанновичу былъ врученъ митрополитомъ *скипетръ*, т. е. царскій посохъ, и впервые употреблено было св. миропомазаніе.

Коронація невѣсты лже-Дмитрія, Марины Мнишекъ, непризнаваемая церковью дѣйствительною, замѣчательна не только тѣмъ, что была произведена надъ лицомъ женскаго пола, но также и тѣмъ, что въ числѣ царской утвари въ первый разъ упоминается о „яблокѣ“ или „державѣ“.

При коронованіи царя Ѳедора Алексѣевича впервые коронуемый царь прочелъ публично символъ вѣры, какъ доказательство своего православія: патріаршая цер-

ковь сдѣлала это, чтобъ подтвердить предъ народомъ правильность проведенныхъ Никономъ новшествъ и никоновской поправки символа вѣры. Произнесеніе исповѣданія символа вѣры сдѣлалось послѣ этого существеннымъ моментомъ коронаціи—доказательствомъ, что вступившій на престолъ государь исповѣдуетъ православіе, завѣтную религію большинства русскаго народа.

Ѳедоръ Алексѣевичъ въ послѣдній разъ короновался мономаховыми регаліями—мономаховой шапкой и бармами —оплечьями, украшенными ликами Спасителя, Богоматери и нѣкоторыхъ святыхъ. Для коронованія его преемниковъ, царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, правительница Софья приказала сдѣлать новую царскую утварь, по образцу мономаховой, а при послѣдовавшихъ коронаціяхъ стали уже употреблять утварь императорскую—новыя регаліи. Но и послѣ того, даже теперь, мономахова царская утварь составляетъ драгоцѣнную историческую святыню.

Въ день коронованія она выносится изъ московской оружейной палаты, гдѣ постоянно хранится, въ Успенскій соборъ. Изъ этой „царской утвари“, крабьицаяшмовый сосудъ, будто бы принадлежавшій нѣкогда Августу Кесарю, хранится постоянно въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, употребляясь и теперь при миропомазаніи коронуемыхъ государей.

7 мая 1724 г. совершилось въ Москвѣ не бывалое событіе: короновалась супруга Петра В., Императрица Екатерина Алексѣевна. Если не считать невѣсты лже-Дмитрія, Марины Мнишекъ, это была первая коронація лица женскаго пола: когда короновался царь Ѳедоръ Іоанновичъ, супруга его Ирина Ѳедоровна, окруженная боярынями, сидѣла въ *коронѣ* у окна своихъ палатъ, но въ священнодѣйствіи своего супруга участія не принимала.

Коронація Екатерины I замѣчательна еще тѣмъ, что происходила по западно-европейскому церемоніалу, послужившему образцемъ для всѣхъ послѣдующихъ коронацій.

Впервые обряду предшествовало всенародное объявленіе о немъ, посредствомъ манифеста; впервые употреблена была императорская корона, сдѣланная по образцу коронъ императоровъ византійскихъ; впервые встрѣчается порфира—изъ золотаго штофа, подбитаго горностаемъ; впервые присутствовали депутаты изъ провинцій.

Анна Іоанновна къ числу прежнихъ императорскихъ регалій, употребляемыхъ при короновании, прибавила цѣпь ордена Андрея Первозваннаго. Эту прибавку объясняютъ слѣдующимъ образомъ. Верховники, по пріѣздѣ герцогини Курляндской въ Москву, поднесли ей отъ себя знаки андреевскаго ордена, какъ бы въ видѣ пожалованія; Императрица же, въ день коронаціи, хотѣла показать, что право на этотъ орденъ непосредственно соединено съ императорскимъ саномъ. Съ этого времени орденская цѣпь Андрея Первозваннаго является всегда въ числѣ коронаціонныхъ регалій, и ее возлагаетъ на себя самъ государь, при совершеніи торжественнаго обряда. Императрица Анна Іоанновна первая изъ коронуемыхъ государей была введена въ алтарь и тамъ пріобщена по царскому чину, т. е. особо тѣла и особо крови. Съ этого времени коронуемые государи причащаются св. таинъ не по мірскому, а по священническому чину, подъ двумя видами, т. е. отдѣльно тѣла и крови. А объ императорѣ Павлѣ сохранилось преданіе, будто бы, войдя въ алтарь, онъ не принялъ даровъ изъ рукъ архіерея, но причастился надъ престоломъ самъ, какъ причащаются священнослужители, совершающіе литургію [1]).

[1]) См. у Карновича.

При коронаціи Елизаветы Петровны замѣчается нововведеніе: порфиру и корону возложилъ на нее не священнослужащій архіепископъ, какъ это иногда водилось прежде, но Императрица сама надѣла ихъ на себя, что̀ соблюдалось и впослѣдствіи, какъ знаменіе того, что самодержавіе даруется не церковію, но ею только освящается. Къ прежнимъ регаліямъ прибавились: государственное знамя, государственная печать и госуд. мечъ. По-случаю коронаціи императрицей былъ изданъ милостивый манифестъ, а потомъ такіе манифесты издавались при всѣхъ послѣдующихъ коронаціяхъ.

При коронаціи Императора Павла мы впервые видимъ, что вмѣстѣ съ нимъ короновалась и его супруга. Потомъ это вошло въ обычай, повторяясь при всѣхъ слѣдовавшихъ коронаціяхъ: Императоръ Александръ I короновался со своей супругой, Елизаветой Алексѣевной, Николай I—съ Александрой Ѳедоровной, Александръ II — съ Маріей Александровной, Императоръ Александръ III —съ государыней Маріей Ѳедоровной, которая является пятой императрицей, коронуемой совмѣстно съ супругомъ, такъ какъ Екатерина I короновалась отдѣльно.

Такъ постепенно слагался обрядъ священнаго коронованія и миропомазанія, составляющій необходимое послѣдствіе вступленія новаго государя на престолъ.

Время для этого обряда назначается обыкновенно по Высочайшему благоусмотрѣнію, о чемъ и возвѣщается предварительно во всенародное свѣдѣніе.

Законъ не опредѣляетъ, въ какой срокъ, по вступленіи на престолъ, должно произойти коронованіе: срокъ этотъ зависитъ отъ личныхъ обстоятельствъ императора и отъ политическихъ причинъ. Онъ бываетъ то довольно кратокъ (Василій Шуйскій чрезъ 12 дней, Алексѣй Михайловичъ чрезъ 2 мѣсяца, Анна Іоанновна чрезъ $2^1/_2$ и т. д), то довольно продолжителенъ (Императоръ Ни-

колай чрезъ 9 мѣсяцевъ, Александръ II—чрезъ 1½ года, Александръ III — чрезъ 2 года и 2½ мѣсяца и т. д.). Такимъ образомъ, самый краткій срокъ представляетъ коронованіе Василія Шуйскаго, а самый отдаленный—Александра III. Но во всякомъ случаѣ, всѣ акты новаго государя до его коронованія имѣютъ дѣйствительную и полную силу.

По соизволенію императора, коронуется съ нимъ и его супруга, что̀ обыкновенно и практикуется со времени Императора Павла, короновавшагося со своей супругой Маріей Ѳедоровной. Но если бы коронованіе императора послѣдовало прежде его вступленія въ бракъ, то коронованіе супруги можетъ быть или не быть, смотря по благоусмотрѣнію императора (ст. 35—26).

Для коронованія императора законъ не требуетъ достиженіи имъ совершеннолѣтія. Историческіе же антецеденты показываютъ, что коронованіе совершалось иногда и надъ несовершеннолѣтнимъ: Дмитрій Іоановичъ (15 л.), Петръ В. (10 л.), Іоаннъ (15 л.) и Петръ II (12 л.).

Священный обрядъ коронованія и миропомазанія совершается нынѣ въ первопрестольной Москвѣ, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, старѣйшимъ и важнѣйшимъ изъ русскихъ іерарховъ, въ сослуженіи знатнѣйшихъ архіереевъ, въ присутствіи высшихъ сановниковъ, а иногда и коронованныхъ лицъ, представителей сословій, земства, племенъ и иностранныхъ дворовъ.

Первопрестольная Москва сдѣлалась по-праву мѣстомъ священнаго коронованія и миропомазанія русскихъ монарховъ, не смотря на то, что настоящая столица и постоянная резиденція императоровъ—Петербургъ, и что есть нѣкоторые русскіе города—Кіевъ, Новгородъ, Владиміръ—которые имѣютъ болѣе историческихъ правъ видѣть въ стѣнахъ своихъ этотъ высокоторжественный обрядъ. Но Москва болѣе всѣхъ русскихъ городовъ за-

служила предъ русской землей, такъ какъ она собирала ее во-одно.

Нѣчто подобное мы видимъ и въ другихъ государствахъ. Такъ французскіе монархи короновались не въ Парижѣ—столицѣ своего государства, но въ Реймсѣ, въ уваженіе того, что тамошніе епископы были преемниками св. Реми, крестившаго короля Хлодовика—перваго французскаго государя, принявшаго христіанство. Только наполеониды (Наполеоны I и III), неимѣвшіе никакой исторической связи со-страной, короновались въ парижскомъ соборѣ Notre-Dame. Такъ и прусскіе короли коронуются не въ Берлинѣ, а въ Кенигсбергѣ; шведскіе—не въ Стокгольмѣ, а въ Упсалѣ; прежніе польскіе—въ Гнѣзнѣ, а потомъ въ Краковѣ, за исключеніемъ Лещинскаго и Понятовскаго, короновавшихся въ Варшавѣ.

Коронованіе русскихъ монарховъ совершается въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ которомъ еще ханъ Улу-Мехметъ, въ 1437 г., посадилъ Василья II на великокняжескій столъ, гдѣ совершалось первое коронованіе надъ внукомъ Іоанна III, Дмитріемъ Іоановичемъ въ 1498 г., и гдѣ вслѣдъ за тѣмъ короновались всѣ русскіе государи. Московскій Успенскій соборъ имѣетъ полное право на такую честь: онъ сооруженъ первымъ собирателемъ русской земли Іоанномъ Даниловичемъ Калитой, въ немъ священнодѣйствовали московскіе первосвятители Петръ и Алексѣй, благословившіе московскихъ великихъ князей на великое дѣло собранія и устроенія святой Руси.

Первенствующую роль при священномъ коронованіи играетъ важнѣйшій іерархъ русской церкви. Такъ Іоанна Грознаго вѣнчалъ на царство митрополитъ Макарій, Бориса Годунова, Алексѣя Михайловича, Ѳедора Алексѣевича, царевичей Іоанна и Петра Алексѣевичей—всероссійскіе патріархи; а въ позднѣйшее время Императоровъ

Павла—митрополитъ новгородскій Гавріилъ, Александра I —митрополитъ московскій Платонъ, Николая I—митрополитъ новгородскій Серафимъ, Александра II—м. московскій Филаретъ, а Александра III—митрополитъ новгородскій Исидоръ, въ сослуженіи всѣхъ другихъ митрополитовъ и знатнѣйшихъ архіереевъ. Но представители русской церковной іерархіи, при короноваціи русскихъ православныхъ монарховъ, не играли той роли, которую усвоили себѣ примасы католической церкви, при короноваціи монарховъ католическихъ. Слѣдуя ученію римскаго первосвященника, они присвоили себѣ право возлагать на коронуемаго монарха корону, въ ознаменованіе того, что короны государямъ раздаетъ церковь, при посредствѣ своего органа—папы.

Въ Россіи при первомъ же короноваціи сказалось другое отношеніе церковной іерархіи къ власти государственной: бармы и мономахову шапку на Дмитрія Іоановича возложилъ не митрополитъ, но великій князь Іоаннъ III. Впослѣдствіи регаліи возлагались то іерархомъ (на Ѳедора Іоанновича, на Михаила Ѳедоровича; Ѳеофанъ Прокоповичъ самъ облекъ въ императорскія регаліи коронуемую имъ Анну Іоанновну), то государемъ (Петръ В. при короноваціи Екатерины I), пока Императрица Елизавета Петровна не возстановила окончательно антецедента Іоанна III [1]).

---

[1]) Короли польскіе во время чтенія молитвъ, предшествовавшихъ миропомазанію лежали на полу, распростершись крестомъ на разосланномъ коврѣ, а весь священствовавшій клиръ становился около нихъ на колѣняхъ. По прочтеніи молитвъ, первенствовавшій при служеніи архіепископъ, сидя въ своихъ креслахъ, помазывалъ муромъ стоявшему передъ нимъ на колѣнахъ королю правую руку... Императоръ Николай при коронаціи въ Варшавѣ по католическому обряду, не ложился ....« (Карновичъ).

Основанія обряда священнаго коронованія и миропомазанія, какъ толкуетъ наша православная церковь, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Чтобъ предъ лицомъ всего народа показать, что государь—*помазанникъ Божій*, что власть его—*божественнаго происхожденія*, а самая особа его—*священна* и *неприкосновенна*.

2) Что рангъ его—единственный въ государствѣ, превыше и превосходнѣе всѣхъ другихъ, что символически явствуетъ изъ императорскихъ регалій, въ которыя онъ облачается—трона, короны, порфиры, скипетра и державы—и царскихъ регалій—Мономаховой шапки и бармъ—которыя лежатъ предъ нимъ.

3) Чтобъ государю призвать какъ на себя, такъ и на народъ свой, милость Божію.

4) Чтобы таинствомъ коронованія запечатлѣть союзъ монарха съ народомъ.

5) Чтобы укрѣпиться молитвою въ важномъ и трудномъ дѣлѣ управленія государствомъ.

И дѣйствительно, по совершеніи священнаго обряда, императоръ колѣнопреклоненный, въ коронѣ, порфирѣ и другихъ императорскихъ регаліяхъ, произноситъ слѣдующую знаменательную молитву:

„Да наставитъ Его, вразумитъ и управитъ въ великомъ служеніи, яко Царя и Судію царству Всероссійскому, да будетъ съ Нимъ присѣдающая Божественному престолу премудрость, и да будетъ сердце Его въ руку Божію, во еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ Ему людей и къ славѣ Божіей, яко да и въ день суда Его непостыдно воздастъ Ему слово“ (2 прим. къ 36 ст. свода).

Важнѣйшіе-же юридическіе моменты коронованія заключаются въ слѣдующемъ: 1) Императоръ произноситъ въ слухъ символъ православной вѣры, знаменуя всенародно, что исповѣдуетъ онъ вѣру большинства своего

русскаго народа; 2) *Самъ* беретъ скипетръ и державу, *Самъ* надѣваетъ корону, знаменуя тѣмъ всенародно свое *самодержавіе*.

Коронованіе, такимъ образомъ, представляетъ собою обрядъ, въ которомъ религіозные элементы смѣшиваются съ политическими.

Въ коронованіи русскихъ монарховъ преобладаютъ элементы религіозные. Коронованіе монарха конституціоннаго имѣетъ преимущественно значеніе акта политическаго--присяги въ вѣрности конституціи, въ соблюденіи договора, заключеннаго съ народомъ. Въ Англіи, напримѣръ, отказъ короля дать коронаціонную клятву „править государствомъ по статутамъ парламента и обычаямъ страны“ равносиленъ отказу отъ коронаціи, что̀ признается равнозначущимъ отреченію отъ престола. Такое-же, преимущественно политическое, значеніе имѣетъ коронованіе и въ другихъ государствахъ зап. Европы[1]).

Коронованіе Императоровъ Всероссійскихъ, какъ *царей Польскихъ*, заключается въ одномъ и томъ-же обрядѣ: депутаты Царства Польскаго присутствуютъ при этомъ торжествѣ, вмѣстѣ съ депутатами прочихъ частей Имперіи (1 пр. къ 36 ст.). Требованіе отдѣльнаго коронованія, подобнаго тому, какъ отдѣльное коронованіе австрійскаго Императора относительно Венгріи, Богеміи и др. земель, или какъ было коронованіе въ Варшавѣ Императора Николая, нынѣ дѣйствующій законъ устра-

---

[1]) Баварская конституція, напр., установляетъ слѣдующую формулу королевской присяги: »Ich schwöre nach der Verfassung und den Gestzen des Rreichs zu regieren, so wahr mir Gott helfe und sein heiliges Evangelium«. Подобныя-же постановленія и въ другихъ конституціяхъ: голландской, бельгійской, греческой, прусской и др. Австрійская: »Императоръ при коронованіи присягаетъ конституціи« (Блунчли).

няетъ. 1-е примѣчаніе къ 36 ст. основныхъ законовъ было редактировано еще въ то время, когда существовало обособленіе царства, соединеннаго болѣе на началахъ реальной уніи. Тѣмъ менѣе требованіе отдѣльнаго коронованія для Царства Польскаго можетъ имѣть мѣсто теперь, когда царство превращено въ Привислянскій край.

Но имѣетъ-ли обрядъ коронованія Всероссійскаго монарха значеніе для Финляндіи, составляющей и понынѣ отдѣльный престолъ, или же она можетъ требовать отдѣльнаго коронованія, какъ Венгрія отъ австрійскаго Императора? законъ объ этомъ не говоритъ ничего, но практика установила антецедентъ, что отдѣльное коронованіе Всероссійскаго Императора, какъ Великаго Князя Финляндскаго, не употребляется.

ж) права верховной власти.

§ 20. Представитель верховной власти, въ силу своего высокаго сана, обыкновенно бываетъ надѣленъ такими правами и прерогативами, которыя составляютъ изъятіе изъ общаго права и ставятъ его выше всѣхъ членовъ общества—въ исключительно-привиллегированное положеніе.

Такими-же правами и прерогативами надѣленъ и Императоръ Всероссійскій. Одни изъ нихъ вытекаютъ сами собою изъ принципа его самодержавной власти и не формулуются въ основныхъ законахъ. Другіе эксплицитно опредѣлены и обозначены въ нашихъ основныхъ законахъ.

Къ первымъ относятся слѣдующіе:

1) Императоръ Всероссійскій не подлежитъ дѣйствію законовъ—ни общихъ, ни особенныхъ—обязательныхъ для всѣхъ или только нѣкоторыхъ гражданъ на пространствѣ русскаго государственнаго территорія. Къ нему вполнѣ при-

мѣняется начало, выработанное государств. правомъ императорскаго Рима: princeps legibus solutus est. Въ силу этого начала, Императоръ *юридически безотвѣтственъ* во всѣхъ своихъ актахъ Говоримъ *юридически*, ибо въ предѣлахъ его государства нѣтъ и не можетъ быть другой власти, которая могла-бы подвергнуть его суду и отвѣтственности за его дѣянія. *Нравственной* отвѣтственности—предъ судомъ совѣсти и Богомъ—подлежатъ конечно и монархи; точно также, какъ и отвѣтственности *исторической*—предъ судомъ грядущихъ поколѣній и приговоромъ разумнаго безпристрастнаго бытописателя: исторія—общій нелицепріятный трибуналъ, предъ которымъ являются всѣ—отъ мала до велика.

Принципъ *безотвѣтственности* Государя вполнѣ былъ развитъ уже въ Московскомъ Государствѣ. Московскій Государь никому не давалъ отчета въ своихъ дѣяніяхъ. Народъ твердо вѣровалъ, что всѣ его дѣянія направляются божественною волею, такъ какъ „сердце Царево въ рукѣ Божіей". Поэтому, протестъ противъ его дѣяній былъ святотатствомъ: его добрыя дѣянія—Божіе благословеніе; дѣянія злыя—Божья кара за грѣхи русской земли. Грознаго Іоанна IV народъ такъ-же чтилъ, какъ и тишайшаго Алексѣя Михайловича; а впослѣдствіи суроваго Павла такъ-же, какъ и благодушныхъ Александровъ.

Принципъ *безотвѣтственности* монарха, вытекающій изъ существа монархическаго образа правленія, принятъ во всѣхъ государствахъ западной Европы, и въ особенности разработанъ обычнымъ правомъ Англіи, гдѣ существуетъ фикція, что король не только не можетъ дѣлать неправду (king can do wrong), но даже не можетъ думать неправильно. А еслибы онъ допустилъ что̀ неправедное, значитъ, его ввели въ заблужденіе его совѣтники, на которыхъ, поэтому, лежитъ *отвѣтственность* за непра-

вильный актъ короны. *Министерская отвѣтственность* является, такимъ образомъ, коррективомъ *абсолютной безотвѣтственности* монарха.

Противоположный принципъ *отвѣтственности* монарха предъ народомъ думалъ ввести Наполеонъ III. Но эта *отвѣтственность* его „devant le Peuple Français“ была чистымъ лицемѣріемъ, такъ какъ она была фиктивна и прикрывала собою полную *безотвѣтственность* агентовъ его власти.

2) Особа Всероссійскаго Императора – *священна* и *неприкосновенна*. Она *священна* потому, что власть Его въ своемъ источникѣ – божественнаго происхожденія, что власть эта освящается церковію, что Онъ—Помазанникъ Божій. Она *неприкосновенна* потому, что въ немъ—персонификація величія и достоинства государства, составляющаго *неприкосновенную* святыню, необходимую для существованія и преуспѣянія русской націи.

Понятіе *святости* и *неприкосновенности* представителя верховной власти выработано преимущественно римскимъ государственнымъ правомъ. Для того, чтобы сдѣлать личность народныхъ трибуновъ безопасною и неприкосновенною, они были провозглашены *Sacrosancti:* кто посягалъ на нихъ—того жизнь и имущество принадлежали богамъ. Власть народныхъ трибуновъ перешла на римскихъ императоровъ, а вмѣстѣ съ нею святость и неприкосновенность ихъ особы.

Въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы—преимущественно католическихъ– до-сихъ поръ еще живы эти обѣ идеи: конституціи испанская и австрійская, напримѣръ, постановляютъ, что „особа монарха священна и неприкосновенна“. Въ другихъ государствахъ, въ которыхъ лаицизація государственнаго права сдѣлала такіе успѣхи—преимущественно въ протестантскихъ—формула „особа монарха священна“ отмѣнена: конституціи прус-

ская и голландская постановляютъ, что „особа монарха неприкосновенна“.

Наши основные законы не говорятъ о *святости* и *неприкосновенности* особы Всероссійскаго Императора, но эта идея вѣками вкоренена въ сердца вѣрноподданнаго русскаго народа, вытекая изъ существа самодержавно-монархическаго принципа.

3) Святость и неприкосновенность Особы Всеросійскаго Императора уголовные законы ограждаютъ болѣе строгими наказаніями. Покушенье на жизнь, здоровье и честь Императора составляетъ квалифицированное преступленіе, которое подлежитъ болѣе строгому уголовному возмездію, чѣмъ если оно будетъ совершено противъ другихъ лицъ. Это преступленіе противъ *правъ Величества* — crimen laesae majestatis — понятіе о которомъ съ такой строгостію было развито римскимъ уголовнымъ правомъ, откуда оно перешло и въ уголовное право Западной Европы: англійскій *high treason,* нѣмецкій *Hochverrath*, франц. *lèse-majesté*.

Въ московскомъ періодѣ, когда окрѣпла идея государства и государственная власть сосредоточилась въ рукахъ самодержавнаго Московскаго Государя, развивается понятіе государственнаго преступленія вообще и преступленія противъ правъ Величества въ особенности. Въ судебникахъ, впрочемъ, понятіе это еще въ зачаточномъ состояніи. Но въ Уложеніи понятіе государственнаго преступленія—великаго государева дѣла—и въ особенности противъ правъ Величества, получаетъ самое широкое развитіе. За это преступленіе назначаются самыя строгія наказанія, и притомъ одинаковыя какъ за умыселъ, такъ и за покушеніе и совершеніе; какъ главнымъ виновникамъ, такъ и не доносителямъ.

Воинскіе артикулы Петра В. еще болѣе раздвигаютъ предѣлы преступленія противъ правъ Величества: всякое

неодобреніе дѣйствій государя относится къ той же категоріи. Обязанность доносить была усилена. Доносы крайне развились и стали обременять императора; нужно было регламентировать ихъ. Установлено понятіе о преступленіяхъ противъ *первыхъ двухъ пунктовъ*, подъ которыми разумѣлось: 1) покушеніе на жизнь и здоровье государя; 2) бунтъ и измѣна. Явилось страшное „слово и дѣло“—язва 18 в.

Екатерина II старалась съузить понятіе преступленія противъ правъ Величества. Воспретивъ употреблять выраженіе „слово и дѣло“, она отнесла порицанія дѣйствій государя къ преступленіямъ, наказуемымъ въ болѣе слабой степени.

Окончательно понятіе преступленія противъ Священной Особы Государя Императора и наказанія за него установились въ Уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и и исправительныхъ (ст. 241—244). Ст. 241 гласитъ:

„Всякое злоумышленіе и преступное дѣйствіе противъ жизни, здравія или чести Государя Императора и всякій умыселъ свергнуть Его съ престола, лишить свободы и Власти верховной, или-же ограничить права оной, или учинить Священной Особѣ Его какое либо насиліе подвергаютъ виновныхъ въ томъ: смертной казни“ [1]).

4) Достоинство сана Всероссійскаго монарха требуетъ, чтобы Онъ былъ окруженъ внѣшнимъ блескомъ и богатствомъ. Онъ имѣетъ право получать содержаніе отъ государства.

Въ конституціонныхъ монархіяхъ размѣръ этого содержанія опредѣляется актомъ, издаваемымъ въ законодательномъ порядкѣ, который называется *liste civile*. У насъ размѣръ содержанія Императорскаго двора опре-

---

[1]) Подобныя-же постановленія и въ нѣмецкомъ уголовномъ кодексѣ (см. Lehrbuch des deutsch. Strafrechts, v. Hugo Meyer, 647).

дѣляется ежегодно росписью государственныхъ расходовъ, утверждаемой Государемъ Императоромъ. Но это не тождественно съ liste civile. Самодержавный государь не имѣетъ надобности въ такомъ актѣ, такъ какъ Онъ самостоятельно располагаетъ всѣми государственными доходами, и можетъ устанавливать по своему благоусмотрѣнію расходы. Въ регламентѣ Штатсъ-конторъ-коллегіи это ясно выражено: здѣсь именно прямо сказано, что Его Величество устанавливаетъ, сколь много на свои собственные расходы изволитъ брать, не отдавая въ томъ отчета никому „понеже никому Его Величества тайныхъ и кабинетныхъ расходовъ вѣдать не надлежитъ“ (1-е П. С. З. № 3303).

5) Мѣстожительства Всероссійскаго Императора—Его дворецъ—долженъ быть однимъ изъ самыхъ дорогихъ и завѣтныхъ національныхъ монументовъ. Таковымъ былъ Кремлевскій дворецъ въ царскій періодъ, таковымъ являются Зимній, Аничковскій и др.—въ императорскій періодъ. Домъ Государя Императора—святыня для народа. Судьба, постигшая Тюльерійскій дворецъ во Франціи, въ которомъ жили собиратели французской земли и создатели націи, будетъ вѣчнымъ позоромъ для французскаго народа.

Лица, окружающія Императора, составляютъ его *дворъ*. Служба при этомъ дворѣ имѣетъ значеніе государственной службы, какъ и по всѣмъ другимъ вѣдомствамъ.

Придворная обстановка и жизнь государя окружены сложнымъ разнообразнымъ церемоніаломъ и этикетомъ, назначеніе которыхъ выдѣлить „пресвѣтлое Императорское Величество“, и поставить Его высоко надъ всѣмъ и всѣми; обусловить всякое приближеніе къ Нему соблюденіемъ формъ и обрядовъ, обособляющихъ Его отъ обыкновенныхъ смертныхъ.

Княжее жилище въ удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи, конечно, чествовалось народомъ, но не имѣло того значенія, какое пріобрѣтаетъ въ Москвѣ жилище самодержавнаго государя. Особенно въ XVI ст., когда ученіе о царскомъ санѣ и высотѣ царскаго достоинства распространилось и утвердилось, и когда на все окружающее государеву особу легла печать недосягаемаго величія и благоговѣйнаго освященія.

Это новое значеніе государева двора—его новое устройство, съ новыми придворными обычаями, чинами и обрядами, которыхъ не знала удѣльно-вѣчевая Русь—слагалось, подъ вліяніемъ византійскихъ идей, которыя проводила Софья Палеологъ, супруга Іоанна III. Впрочемъ, обряды византійскаго двора—его церемоніалъ и этикетъ—служили образцемъ не только у насъ, но во всей Зап. Европѣ. Эта византійская обрядность, которою окружилъ себя Государь Московскій и всея Руси, отдалила его на неизмѣримое разстояніе отъ его подданныхъ.

Народъ, проникнутый вѣрою въ высокое призваніе царя, благоговѣйно чтилъ весь его обиходъ и всѣ знаки его величія. Дворецъ государевъ въ глазахъ народа былъ окруженъ какъ-бы ореоломъ пребывающаго въ немъ „пресвѣтлаго Царскаго Величества“. „Честь государева двора“ для народа была завѣтна: въ Соборномъ Уложеніи Алексѣя Михайловича мы встрѣчаемъ цѣлую главу „О Государевѣ Дворѣ, чтобъ на Государевѣ Дворѣ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было“.

Самый подъѣздъ къ Кремлевскому дворцу соразмѣрялся съ *честью* или *чиномъ* приближающагося къ нему лица: только высшіе сановники могли приближаться на нѣсколько саженъ „неблизко крыльца“, а другіе не имѣли права въѣзжать даже въ Кремль.

Въ наше печальное время, опозоренное динамитнымъ взрывомъ Зимняго дворца, это воспоминаніе о понятіяхъ

и воззрѣніяхъ добраго стараго времени, сохранившихся всецѣло въ народныхъ массахъ—очень назидательно.

6) Всероссійскій Императоръ имѣетъ право на употребленіе *Императорскихъ регалій*—внѣшнихъ символовъ его достоинства и власти. Къ этимъ регаліямъ относятся:

1) *Корона*—символъ величія [1]). Первая Императорская россійская корона была приготовлена для коронаціи Императрицы Екатерины I, а до тѣхъ поръ царской короной служила шапка Мономаха.

2) *Скипетръ*—символъ справедливости, мудрости и милости [2])—царскій посохъ. Впервые онъ заведенъ былъ Іоанномъ Грознымъ и употребленъ при коронованіи Ѳедора Іоанновича.

3) *Держава*—символъ владычества надъ землею [3])—*державное яблоко*, о которомъ впервые упоминается при коронованіи Марины Мнишекъ, названнымъ царевичемъ Дмитріемъ.

4) *Престолъ или тронъ*—символъ божественнаго происхожденія власти: съ понятіемъ о Богѣ связано представленіе о престолѣ, съ котораго Онъ правитъ міромъ. На церемоніальномъ языкѣ *тономъ* называется весь по-

---

[1]) Самымъ употребительнымъ головнымъ уборомъ у древнихъ грековъ и римлянъ былъ *вѣнокъ*, преимущественно лавровый. Вѣнокъ по латыни »corona«. Это названіе распространилось впослѣдствіи на головныя украшенія государей (см. ст. Карновича).

[2]) *Скипетръ* принадлежитъ къ древнимъ символамъ власти. Первообразъ его—*пастушескій посохъ*, замѣненный европейскими государями укороченнымъ жезломъ (main de justice франц. королей) (Ib.).

[3]) Шаръ, знаменующій земной globus, употреблялся еще у римлянъ. Отъ нихъ онъ перешелъ къ римско-нѣмецкимъ императорамъ, а потомъ и къ королямъ. Къ намъ онъ перешелъ съ польскимъ названіемъ »jabłko«—державное, самодержавное, замѣненное впослѣдствіи словомъ »держава« (Ib.).

мостъ, на который ставится возвышенное сѣдалище—*престолъ*. Древнѣйшій престолъ—царя Іоанна Грознаго.

5) *Порфира*[1])—впервые при короноваціи Екатерины I: изъ золотой парчи, усѣянной двуглавыми орлами и подбитой горностаемъ.

6) Къ числу регалій въ нѣкоторыхъ монархическихъ государствахъ относятся: *государственная печать*, *государственное знамя*, *государственный мечь* и *государственный щитъ*. У насъ они появляются при Елизаветѣ Петровнѣ, употребляясь только при коронованіяхъ, а госуд. щитъ, только при погребеніи государей.

Родоначальницей современныхъ Императорскихъ регалій является та *царская утварь*, которая по преданію будто бы была прислана византійскимъ императоромъ Владиміру Мономаху. Историческая достовѣрность этого преданія отвергается[2]), но вѣковое существованіе этой *утвари* несомнѣнно открывается изъ духовныхъ грамотъ Московскихъ великихъ князей, которые, начиная съ Іоанна Калиты, завѣщаютъ своимъ старшимъ сыновьямъ: золотую шапку, бармы, хрещатую цѣпь и др. принадлежности Мономаховой утвари.

---

[1]) Длинная мантія, которая первоначально была багрянаго цвѣта, потому по-славянски называлась »багряница«.

[2]) По мнѣнію, напримѣръ, г. Терновскаго, сказаніе о вѣнчаніи Владиміра Мономаха царскимъ вѣнцомъ возникло послѣ паденія Византіи и освобожденія Россіи отъ татарскаго ига, когда Московскій государь остался единственнымъ кандидатомъ на праздное мѣсто перваго православнаго царя (см. »Московскую Старину« г. Пыпина). Интересно замѣчаніе Крижанича: »Когда Мономахъ прислалъ къ нашему Владиміру знаки царскаго достоинства и сдѣлалъ его царемъ, Владиміръ прекрасно-бы сдѣлалъ, еслибъ эти знаки отослалъ назадъ къ Мономаху и отвѣчалъ-бы: ты меня творишь царемъ русскимъ, и я тебя творю царемъ греческимъ«) (»Русское государство въ половинѣ XVII в.« стр. 295).

3) права верховной власти по основнымъ законамъ.

§ 21. Основные законы раздѣляютъ права верховной власти на *внѣшнія* и *внутреннія*.

Подъ *внѣшними* правами они разумѣютъ внѣшніе атрибуты — внѣшніе почетные знаки, присвоиваемые закономъ Всероссійскому Императору: титулъ, гербъ и печать.

Подъ *внутренними* правами разумѣются различные виды дѣятельности верховной власти по дѣламъ вѣры и церкви, по законодательству, по суду и управленію.

А) Внѣшнія права:

а) титулъ.

§ 22. Въ титулѣ Всероссійскаго Императора слѣдуетъ различать три составныя части: во 1-хъ, въ немъ указывается источникъ Его власти, во 2-хъ сущность этой власти и рангъ, который Онъ занимаетъ среди другихъ монарховъ и въ 3-хъ объемъ владѣній, на который власть распространяется: это *территоріальная* часть титула.

Всѣ эти три составныя части слагались постепенно и имѣютъ исторію своего образованія. Въ этой исторіи въ миніатюрѣ изображаются существенныя черты нашей государственной исторіи — и постепенное развитіе существа власти, и видоизмѣненія въ рангѣ государя, и постепенное расширеніе государственнаго территорія.

Исторія государственнаго титула представляетъ, поэтому, существенный интересъ, и мы считаемъ не излишнимъ на ней остановиться и выяснить ее съ возможной обстоятельностію [1]).

---

[1]) Исторія русскаго государственнаго титула разработана преимущественно *Лакіеромъ* въ его статьѣ »Исторія Титула Государей

1) Въ первой части титула изображается, что власть государя — *божественнаго происхожденія*. Мало-по-малу, вслѣдствіе теократическаго ученія объ этой власти, государи Московскіе начинаютъ свой титулъ словами „Божьей волею“, „Божьей милостію“: „Божьей милостію азъ [1]), Государь и великій князь всея Русіи...“ Впервые эта формула встрѣчается въ грамотѣ одного изъ сыновей Дмитрія Донскаго, а затѣмъ употреблена въ договорной грамотѣ Василья Темнаго съ польскимъ королемъ Казиміромъ.

Эта часть титула представляла разнообразныя варіанты. Она распространилась въ такъ называемое *государево богословіе*, которое особенно любилъ употреблять Іоаннъ Грозный [2]). Втеченіе 17 вѣка оно мало-по-малу сокращалось, пока окончательно не выведено было изъ

Россіи« (Ж. М. Н. Пр. за 1847 г., т. LVI). Она прекрасно изложена профессорами Градовскимъ (Начала Русскаго Госуд. права) и Загоскинымъ (Исторія права Московскаго государства). Достойны вниманія также замѣчанія г. Забѣлина (Домашній бытъ Русскій Царей, стр. 1—10). Въ сочиненіи Шнитцлера (р. 246—265) обстоятельно изложенъ этотъ вопросъ.

[1]) Крижаничъ, въ своемъ подробномъ ученіи о титулахъ, рекомендуетъ употреблять слово *Мы*, а не *Азъ*, по-примѣру европейскихъ государей: »какъ-то гордо и противно говорить »Я... приказываю, повелѣваю, заповѣдую«, а во множественномъ смиреннѣе и умѣреннѣе сказать »Мы приказываемъ, повелѣваемъ, заповѣдуемъ«... »Божіею милостію«, продолжаетъ онъ »идетъ также какъ и Мы для обозначенія смиренія и для избѣжанія хвастовства. Имъ обозначаетъ государь, что царствуетъ по милости Божіей, а не по своему могуществу. Это то, что говорилъ Давидъ: »не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу«. Нужно замѣтить, что по-славянски правильнѣе »По Божьей милости«, чѣмъ »Божіею милостію« (Русское Государство, стр- 355 и др.).

[2]) Образецъ этого государева богословія приводитъ прэф. Градовскій (I т., стр. 156).

употребленія Петромъ В., оставившимъ только формулу „Божіею милостію“, „Божіею поспѣшествующею милостію“, что̀ употребляется и въ титулѣ современномъ; послѣднее выраженіе — только въ *полномъ* и *среднемъ* титулахъ.

Формула „Божіею милостію“ (Dei gratiae, par la grace de Dieu, von Gottes Gnaden, by the grace of God.) употребляется въ титулѣ всѣхъ европейскихъ монарховъ. Попытка Джона Росселя отмѣнить на англійскихъ монетахъ это выраженіе не имѣла успѣха: вѣковая формула была вновь возстановлена. Но нѣкоторые западно-европейскіе монархи (напр. король Италіи), слѣдуя примѣру Наполеона III, стали въ своемъ титулѣ указывать и на другой источникъ своей власти — волю народа: par la grace de Dieu et la volonté du peuple. Но 4 сентября 1870 г. показало всю эфемерность этого шаткаго и капризнаго источника власти монарховъ.

2) Во второй частя титула указывается на сущность власти и на рангъ Всероссійскаго Императора. Въ начальную эпоху нашей государственной исторіи глава и представитель государства носилъ титулъ *князя*[1]), который былъ неотъемлемымъ достояніемъ всѣхъ членовъ Рюрикова дома. Титулъ этотъ носили Рюрикъ, Игорь и ихъ ближайшіе преемники. Во внѣшнихъ сношеніяхъ они титуловались *князьями великими*: лѣтописецъ Несторъ, напримѣръ, вездѣ называетъ Святослава *княземъ*, но какъ только повѣствуетъ о его сношеніяхъ съ Византіей, на-

---

[1]) Нѣкоторые слово *князь* производятъ отъ нѣмецкаго *könig*— откуда *конунгъ*. Другіе отъ славянскаго *конъ*—край, начало (отсюда-же и слово *законъ*—*поконъ*). Наименованіе *князь*, несомнѣнно, существовало у славянъ—какъ восточныхъ, такъ и западныхъ, замѣняясь у сербовъ и хорватовъ словомъ *жупанъ*: древлянскій князь Малъ, у поляковъ и чеховъ глава племени именовался *кнезъ*.

чинаетъ именовать его *княземъ великимъ*; Владиміръ Св. также называется просто *княземъ*.

Но когда княжеское рюриковское племя разрослось и потребовалось обычный титулъ *князя*, для лицъ стоявшихъ впереди другихъ князей, повысить, то стали къ прежнему имени *князь* прилагать эпитетъ *великій*, что̀ означало старшій, большакъ. Таковымъ былъ старшій въ родѣ—*великій князь Кіевскій*.

Такъ, дѣйствительно, съ Ярослава, титулуется старшій по крови представитель рюриковскаго дома, а всѣ другіе члены этого рода называются просто *князьями*.

Но титулъ *великій князь*, означающій главнымъ образомъ старшаго преставителя рюриковскаго дома, не пріобрѣтаетъ еще въ кіевскій періодъ нашей исторіи точнаго и неизмѣннаго смысла, въ силу запутанности родовыхъ счетовъ и постоянныхъ споровъ за старшинство.

Болѣе точное и опредѣленное значеніе титулъ великаго князя получаетъ въ сѣверо-восточной Россіи. Здѣсь именно титулъ этотъ пріобрѣтаетъ смыслъ независимаго территоріальнаго владѣльца—самостоятельнаго князя—вотчинника, не признающаго надъ собой власти другаго князя. Поэтому, всѣ самостоятельно владѣющіе своими княжествами—вотчинами вотчинники—князья начинаютъ именовать себя великими. Кромѣ великихъ князей владимірско-московскаго, тверскаго и рязанскаго, появляются даже такіе мелкіе великіе князья, какъ кн. *пронскій*, поступающій въ подручники къ *осподарю* Витовту. Такимъ образомъ, подобно тому, какъ въ первомъ періодѣ постепенно мельчало княжеское достоинство, и для наименованія болѣе важнаго князя понадобился новый терминъ—стало мельчать и велико-княжеское достоинство, и для обозначенія выдвигающагося на первый планъ великаго князя московскаго нужно было примѣнить къ нему новое наименованіе. Таковымъ явилось слово „Го-

сударь", „Великій Государь", и прежняя формула „Великій Князь" преобразуется въ „Государь и Великій Князь". Это произошло при Іоаннѣ III.

Слово *осподарь*, *государь* — отъ слова *оспода*, *господа*, означающаго отдѣльную семью, съ независимымъ самостоятельнымъ хозяйствомъ, которое и теперь еще въ Малороссіи называется *господою*. Осподарь или государь — *властный* человѣкъ, главный хозяинъ и домовладыка, которому подчиняются всѣ меньшіе члены хозяйства и семьи — домочадцы и рабы [1])

И вотъ, когда при Іоаннѣ III сложилось представленіе, что русская земля есть *господа* Великаго Князя Московскаго, который правитъ ею, какъ властный домовладыка своимъ домомъ — его начинаютъ величать Государемъ, Великимъ Государемъ, всея Руси. Выраженіе *княжить* замѣняется новымъ словомъ *государить*, а слово *княжество* преобразуется въ *государство*, получающее совершенно новый, отличный отъ прежняго, смыслъ [2]).

Скоро къ этому туземному термину, сложившемуся на мѣстной почвѣ, присоединился новый терминъ — чисто иноземнаго происхожденія.

Еще Іоаннъ III началъ употреблять титулъ *царя*, но окончательно титулъ этотъ усвоивается Іоанномъ Грознымъ, получившимъ на него утвердительную грамоту все-

---

[1]) Въ Русскихъ правдахъ вотчинникъ и домовладыка называются *государемъ;* Домострой XVI в. для наименованія хозяина и хозяйки не знаетъ другаго слова, какъ *государь*, *государыня*.

[2]) Въ словахъ *господарь*, *государь* выражалась большая степень власти, которой соотвѣтствовала и большая степень подчиненія, чѣмъ въ словѣ *господинъ*, которымъ называлось всякое почетное лицо. Вотъ почему къ имени *государь* прибавляли иногда титулъ *господина*: *господинъ государь* Новгородъ великій; *господинъ государь* кн. великій Московскій (Забѣлинъ). Понятно сопротивленіе Новгорода называть Іоанна III *государемъ*, а не *господиномъ*.

ленскихъ патріарховъ въ 1561 г. Титулъ этотъ—несомнѣнно византійскаго происхожденія, сокращеніе *caesar*, хотя Лакіеръ и другаго мнѣнія [1]). Слово это издавна было извѣстно на Руси: съ нимъ связывалось представленіе о самостоятельной независимой власти. Царями называли хановъ золотой орды; царями называли князей болѣе прославившихся и уважаемыхъ (напр. Дмитрія Донскаго); царями называли императоровъ византійскихъ. Со словомъ *царь* связывалась идея международнаго господства [2]) и полной независимости отъ подданныхъ. Понятно, почему этотъ титулъ былъ принятъ именно Іоанномъ Грознымъ, который по истинѣ былъ фанатикомъ самодержавно-неограниченной идеи. Борьба съ элементами, которые мѣшали полному практическому осуществленію этой идеи, составляетъ трагизмъ его исторической роли.

И такъ „Государь Великій князь“ преобразовался въ „Государя, царя и Великаго князя“; московское *княжество* въ *царство*, *княжить* и *государить* — въ *царствовать*.

Со словомъ *царь*, какъ мы видѣли, была связана идея неограниченной и самодержавной власти. Понятно, почему къ титулу царя скоро присоединилось слово „самодержецъ“—переводъ греческаго *аутократъ*. Уже въ зем-

---

[1]) По мнѣнію Карамзина, слово *царь* восточнаго ироисхожденія. Оно встрѣчается въ персидскомъ языкѣ съ значеніемъ *тронъ, верховная власть*.

[2]) Понятно, почему польскій королъ Стефанъ Баторій не хотѣлъ признавать за Іоанномъ Грознымъ принятаго имъ новаго титула, подобно тому, какъ впослѣдствіи Польша дольше всѣхъ другихъ державъ не признавала принятаго Петромъ В. титула императора. »Не имѣю нужды въ титулѣ« гордо говорилъ московскій царь посламъ польскаго короля »ибо всѣмъ извѣстно, что родъ мой отъ кесаря Августа, а даннаго Богомъ человѣкъ не отниметъ«.

скомъ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ мы встрѣчаемъ употребленіе подобныхъ выраженій: про Ярослава I лѣтописецъ говоритъ, что по смерти своего брата Мстислава, онъ сталъ *самовластцемъ*; про Андрея Боголюбскаго, прогнавшаго своихъ братьевъ, сказано, что онъ пожелалъ быть *самовластцемъ* во всей суздальской землѣ. Одинъ изъ внуковъ Мономаха, въ уставной грамотѣ 1134 г., говоритъ о себѣ: „Се азъ князь великый Гавріилъ, нареченный Всеволодъ, *самодержецъ* Мстиславичъ“.

Слово было готово прежде, чѣмъ жизнь выработала для него содержаніе. Употребленіе въ титулѣ слова „самодержецъ“ особенно часто случалось съ Іоанна III; официально устанавливается при Лжедмитріѣ I, а въ постоянное употребленіе входитъ со времени Михаила Ѳедоровича.

Самодержавному царю начинаютъ придавать предикатъ *маестата-царскаго величества*, начиная съ Іоанна Грознаго, а окончательно съ первой половины XVII в.: „Ваше Величество“.

Понятно, что этотъ предикатъ, въ примѣненіи къ русскому царю, долго оспаривался римско-нѣмецкими императорами, упрямо титуловавшими нашихъ государей не *величествомъ*, но *пресвѣтлѣйшествомъ*, такъ какъ они считали только свой санъ достойнымъ такого предиката, перешедшаго къ нимъ отъ императорскаго Рима [1]).

Петръ В. былъ послѣднимъ царемъ. 30 авг. 1721 г. Ништадтскій миръ окончилъ великую сѣверную войну,

---

[1]) Во времена римской республики титулъ *величества* принадлежалъ всему народу: majestas populi romani. Отъ римскаго народа онъ перенесенъ былъ на его представителей—императоровъ, титуловавшихся nostra majestas. Отъ римскихъ императоровъ употребленіе предиката *величество* перешло къ королямъ франкскимъ, а отъ послѣднихъ къ римско-нѣмецкимъ императорамъ (Дройзенъ, по мнѣнію Блунчли, несправед-

столь успѣшную для русскаго оружія. Въ ознаменованіе этого событія, 20 окт. 1721 г., сенатъ и синодъ опредѣлили просить Петра, чтобы онъ принялъ титулъ *Императора Всероссійскаго, Великаго, отца отечества*. Канцлеръ Гр. Головкинъ, уполномоченъ былъ поднести государю этотъ новый титулъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, государь согласился, и такимъ образомъ прежній титулъ „Государь царь и Великій князь“ преобразовался въ нынѣшній „*Императоръ и самодержецъ Всероссійскій*“. Исполнилось то, къ чему стремился еще Лжедмитрій I, добивавшійся наименованія императоромъ. *Московское царство* преобразовалось во *Всероссійскую Имперію*.

До сихъ поръ Европѣ были извѣстны только Римская имперія и какъ бы продолженіе ея Византійская и Римско-нѣмецкая. Съ имперіей связалась идея міроваго господства, международной гегемоніи. Имперія была не однонароднымъ, но многоплеменнымъ, какъ бы космополитическимъ, государствомъ, И вотъ на сцену міровой исторіи появляется новая имперія: замкнутое и отрѣшенное отъ международнаго оборота Московское царство претворяется во Всероссійскую имперію, которая дѣлается не только активнымъ членомъ международнаго союза государствъ, но по временамъ (Екатерина II, Николай I) стремится къ гегемоніи въ этомъ союзѣ.

Понятно, что этотъ новый титулъ былъ признанъ западной Европой не сразу, и что нѣкоторыя государства упрямо и долго отказывали въ такомъ признаніи. Голиковъ, въ своихъ „Дѣяніяхъ Петра В.“, говоритъ:

ливо утверждаетъ, что предикатъ этотъ впервые былъ употребленъ Карломъ V). Римско-нѣмецкій императоръ жаловалъ этотъ титулъ другимъ государямъ: прежде всѣхъ получили его короли Франціи и Испаніи, и только съ Вестфальскаго мира онъ распространился и на всѣхъ другихъ королей.

„Принятіе таковаго императорскаго титула объявлено было чрезъ пословъ всѣмъ европейскимъ дворамъ. Нѣкоторые государи сначала тому соизволили безъ противорѣчія, а другіе, которые мнили, что такой титулъ принадлежитъ одному только римскому цезарю, ожидали соизволенія отъ него". Пруссія и Голландія признали новый титулъ немедленно, за ними въ 1723 г. Швеція. Бѣлградскимъ миромъ Турція, затѣмъ Англія, Франція, Испанія и позже всѣхъ Польша, которая еще при Стефанѣ Баторіи отказывала Іоанну Грозному въ царскомъ титулѣ, и которую Крижаничъ еще такъ недавно упрекалъ въ томъ, что ея государи „пишутъ себя Великими князьями Руси безъ всякаго ограниченія".

3) Третья часть титула Всероссійскаго Императора имѣетъ *территоріальное значеніе:* обозначаетъ объемъ и пространство владѣній, на которыя Его власть распространяется.

Въ историческомъ развитіи этой территоріальной части прежде всего обозначился общій контуръ государственнаго территорія „всея Руси"—какъ бы смутная политическая программа предстоящей дѣятельности собирателей русской земли. Потомъ стало детально опредѣляться самое понятіе этой русской земли—стали перечисляться тѣ отдѣльныя части и владѣнія, изъ которыхъ она состоитъ, прибавляя къ этому перечисленію и *иныхъ*, а потомъ и *прочая* и *прочая* и *прочая*, какъ бы показывая тѣмъ, что только грядущія судьбы Россіи могутъ вполнѣ опредѣлить предѣлы территорія, достойнаго ея мощи и силы [1]).

---

[1]) Замѣчаніе проф. Андреевскаго: »за перечисленіемъ земель ставили слова и *иныхъ*, на томъ основаніи, что не присоединившіяся еще къ Москвѣ земли должны непремѣнно испытать одинаковую судьбу съ присоединенными— войти въ область Москвы и помѣститься въ титулѣ московскихъ князей« (См. Русское Государственное право, стр. 151).

Еще въ кіевскій періодъ нашей исторіи нѣкоторые князья называютъ себя *князьями всея Руси*: Владиміръ Мономахъ, Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій и др., какъ бы намѣчая программу для дѣятельности своихъ преемниковъ. Но въ кіевскій періодъ—періодъ удѣльнаго раздробленія русской земли—наименованіе это не имѣетъ дѣйствительнаго значенія.

Оно усвоивается московскими великими князьями и постепенно получаетъ реальное значеніе. Уже съ Іоанна Калиты, а въ особенности съ Симеона Гордаго, московскіе государи начинаютъ именовать себя „Великими князьями московскими и всея Руси“, но параллельно съ тѣмъ такъ же именуютъ себя и великіе князья литовскіе. Не обладая еще всей Русью, московскіе великіе князья еще колеблются присвоить себѣ это наименованіе: на московскихъ великокняжескихъ печатяхъ то встрѣчается выраженіе „всея Руси“, то опускается. Такъ напр. оно всегда встрѣчается на печатяхъ Симеона Гордаго и сына его Василья I; встрѣчается иногда на печатяхъ Дмитрія Донскаго; не находимъ его вовсе при Іоаннѣ II и Васильѣ Темномъ. Окончательно формула „Господарь (государь) всея Руси“ принимается Іоанномъ III, послѣ брака его съ Софьей Палеологъ.

Первый примѣръ перечисленія въ титулѣ отдѣльныхъ составныхъ частей русской земли встрѣчается въ договорной грамотѣ Василья Темнаго съ польскимъ королемъ Казиміромъ: здѣсь Василій II именуетъ себя „Великимъ княземъ Московскимъ и Новгородскимъ и Ростовскимъ и Перьмскимъ и иныхъ“. Окончательно съ Іоанна III, титуловавшаго себя „Великимъ княземъ Іоанномъ, Божьей милостію, Господаремъ всея Руси, и великимъ княземъ Владимірскимъ, и Московскимъ, и Новгородскимъ, и Псковскимъ, и Тверскимъ, и Угорскимъ, и Вятскимъ, и Пермскимъ, и Болгарскимъ“,

Московскіе государи начинаютъ вводить въ свой государственный титулъ наименованія всѣхъ областей и земель, находящихся въ ихъ обладаніи.

Съ каждымъ новымъ царствованіемъ, территоріальный титулъ дѣлается все обширнѣе, по мѣрѣ расширенія предѣловъ Руси. Правильно, поэтому, замѣчаніе Лакіера, что исторія русскаго территоріальнаго титула есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія русскаго территорія.

Василій III, увеличивъ прежнія владѣнія Псковомъ, Рязанью и Смоленскомъ, расширилъ территоріальный титулъ Іоанна III наименованіемъ этихъ областей.

Іоаннъ Грозный, раздвинувъ предѣлы Россіи пріобрѣтеніемъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго и значительной части западной Сибири, ввелъ въ свой полный территоріальный титулъ: *царь Казанскій* и *Астраханскій*, а съ 1569 г., когда сибирскій царь Кучумъ призналъ себя его данникомъ — *царь Сибирскій*.

При Ѳедорѣ Іоанновичѣ началось господство надъ Грузіей (Иверскою землею) и нѣкоторыми другими странами Кавказа, и въ территоріальномъ титулѣ прибавилось: „государь Иверскія земли Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкесскихъ и Горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ государь и обладатель“.

Пріобрѣтенія Алексѣя Михайловича ввели въ титулъ: „великій князь литовскій, волынскій, подольскій, полоцкій, витебскій, мстиславскій, черниговскій и всея великія, малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ“.

Петръ В., по заключеніи Ништадтскаго мира, вслѣдствіе пріобрѣтеній отъ Швеціи, включилъ въ титулъ слова „кн. Эстляндскій, Лифляндскій и Корельскій“.

Петръ III, имѣвшій наслѣдственныя права на нѣкоторыя нѣмецкія земли и на Норвегію, ввелъ въ титулъ слова: „наслѣдникъ норвежскій, герцогъ шлезвигъ-голштинскій, стормарнскій и дитмарсенскій, графъ ольденбург-

окій и дельменгортскій", которыя (за исключеніемъ „дельменгортскій") сохраняются и въ нынѣшнемъ территоріальномъ титулѣ, хотя имѣютъ номинальное значеніе.

Въ 1784 г. Екатерина II, установивъ форму полнаго титула, исключила слова, введенныя Петромъ III, прибавивъ новыя „царица Херсониса таврическаго и княгиня курляндская и семигальская".

При Павлѣ I добавленіе его отца возстановляется; прибавляется „кн. самогитскій", и кромѣ того вводится выраженіе „великій магистръ державнаго ордена Св. Іоанна іерусалимскаго".

Послѣднее выраженіе отмѣняется Александромъ I, который, вслѣдствіе новыхъ пріобрѣтеній, вводитъ въ титулъ слова „великій князь финляндскій, кн. бѣлостокскій и царь польскій".

Послѣднее приращеніе территоріальнаго титула произошло при Николаѣ I, прибавившимъ къ нему въ 1828 г. вставку „и области Арменскія". Окончательно формула территоріальнаго титула опредѣлена положеніемъ о госуд. гербѣ и госуд. печати 11 апр. 1857 г.

Но послѣ этого территоріальныя приращенія Россіи не прекращались: Пріамурская область, Туркестанскій край и др. среднеазіатскія владѣнія, Батумъ и Карсъ.

На государственномъ знамени, осѣнявшемъ главу коронуемаго Александра III, въ первый разъ появился, какъ дополненіе къ большому государственному гербу, гербъ Туркестанской области—единорогъ. Въ государственный титулъ Александра III должны быть введены названія новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, которыми такъ раздвинуты предѣлы по-истинѣ необъятной Россіи: пріамурскій, туркестанскій, батумскій, карскій и пр. и пр. и пр. И эта прибавка должна будетъ заключать русскій территоріальный титулъ, пока дѣйствительно не объединится вся русская земля, пока нашъ

государь императоръ дѣйствительно не сдѣлается Всероссійскимъ, пока родная намъ Галиція, населенная нашими единокровными и почти единовѣрными, не возсоединится съ нами.

Шнитцлеръ и нѣкоторые другіе иностранные писатели глумятся надъ подробнымъ перечисленіемъ въ нашемъ госуд. титулѣ всѣхъ отдѣльныхъ земель, изъ которыхъ слагается Россія. Но для насъ русскихъ это дробное перечисленіе всѣхъ отдѣльныхъ земель и владѣній имѣетъ глубокій смыслъ. Оно наглядно напоминаетъ, какъ крупица за крупицей собиралась нашими государями во-едино русская земля, какъ дорога и завѣтна должна быть для насъ всякая самомалѣйшая крупица этой русской земли.

При томъ, многіе западно-европейскіе монархи употребляютъ не менѣе сложные, а нерѣдко болѣе притязательные титулы, изъ за которыхъ было между ними не мало войнъ и народы ихъ пролили много крови. Недаромъ еще Крижаничъ упрекалъ римско-нѣмецкихъ императоровъ въ суетности и множественности употребляемыхъ ими титуловъ, въ томъ, что они „одно и то же достоинство свое называютъ разными именами[1]), чтобъ показалось нѣсколько различныхъ достоинствъ, и то же дѣлаютъ съ одной и той же областію, дабы казалась она нѣсколькими государствами и странами“.

---

[1]) Крижаничъ насчитываетъ 10 словъ, которыя употреблялись въ титулѣ римско нѣмецкими императорами, для обозначенія ихъ ранга: imperator, Augustus, Rex, Archidux, Dux, Princeps, Marchio, Principicatus comes, Landgrafus et Dominus; упрекаетъ римско-нѣмецкихъ императоровъ, что они изъ одной области дѣлаютъ въ своемъ титулѣ три отдѣльныя государства—Далмація, Кроація и Славонія; Ладомерія и Галиція; Славянская марка, Паонскій портъ, Салины и т. д. (Русское государство, стр. 335).

Къ пышному титулу англійской королевы, установленному Генрихомъ VIII, наименовавшимъ себя *верховнымъ главой земли* (in earth the supreme head), въ наши дни лордъ Биконсфильдъ прибавилъ императрица Индій.

§ 23. Мы видѣли, какъ исторически слагались всѣ три составныя части государственнаго титула Императора Всероссійскаго.

Современная его формула опредѣляется въ 37 и 38 ст. 1 т. Св. З.

На основаніи этихъ статей существуютъ три формы титула: *полный*, *средній* и *краткій*.

Полный титулъ употреляется только въ чрезвычайныхъ случаяхъ—преимущественно во внѣшнихъ сношеніяхъ, при заключеніи, напр., мирныхъ договоровъ. Въ немъ перечисляются всѣ отдѣльныя владѣнія, изъ которыхъ постепенно слагалась Россія, или по степени ихъ историческаго значенія, или по-времени ихъ присоединенія. Во-главѣ этихъ владѣній: Москва, Кіевъ, Владиміръ, Новгородъ—основаніе Руси, гдѣ зарождалась и собиралась она.

Этотъ полный титулъ слѣдующій:

„Божіею поспѣшествующею милостію, Мы Александръ III Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій; Государь Псковскій и Великій князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій князь Новагорода Низовскія Земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Мстиславскій и всея Сѣвер-

ныя страны Повелитель, и Государь Иверскія, Карталинскія и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкескихъ и Горскихъ князей и иныхъ наслѣдный Государь и обладатель; наслѣдникъ Норвежскій, герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій и пр. и пр. и пр.“.

Въ нѣкоторыхъ, закономъ опредѣленныхъ, случаяхъ употребляется *средній* титулъ, представляющій собою сокращеніе полнаго:

„Божіею поспѣшествующею милостію Мы Александръ III, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій, Великій князь Финляндскій, и пр., и пр.. и пр.“.

Большей частію, почти всегда во внутреннихъ сношеніяхъ, употребляется титулъ *краткій*, формула котораго установлена Александромъ II:

„Божіею милостію, Мы, Александръ III, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая“.

Всѣ эти три формы титула начинаютъ устанавливаться съ Іоанна III, подвергаясь постояннымъ измѣненіямъ. Средній титулъ употреблялся въ сношеніяхъ съ татарскими ханами и другими восточными владѣтелями. Форма краткаго титула при Алексѣѣ Михайловичѣ была:

„Божіею милостію Государь, Царь и Великій князь, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Руси Самодержецъ“.

§ 24. Въ связи съ историческимъ развитіемъ государственнаго титула, считаемъ не излишнимъ указать на то, какія наименованія употреблялись въ сношеніяхъ подданныхъ вообще и духовенства въ особенности съ государемъ.

Обращаясь къ государямъ, подданные первоначально именовали ихъ „господине княже, княже великій“, а позже „государь, государь князь великій“, иногда „батюшка царь“, а въ XVII ст. начинаетъ входить въ употребленіе „ваше величество“, замѣнившее постепенно всѣ другія выраженія.

Обыкновенно именовали по имени и отчеству: „царь Іоаннъ Васильевичъ“, „государь Алексѣй Михайловичъ“. Именованіе по отчеству употреблялось и въ титулѣ. На это нападалъ Крижаничъ, указывая на примѣръ европейскихъ государей, которые „отчества не употребляютъ, но просто единичное имя, а если было нѣсколько государей того же имени, то прибавляютъ число“ [1]). Употребленіе имени государя съ отчествомъ выводится въ императорскомъ періодѣ, когда стали именовать только

---

[1]) »Наши свѣтлѣйшіе повелители« говоритъ Крижаничъ »подражая древнему обычаю князей Руси, употребляютъ въ титулѣ отчества.... Европейскіе же государи отчества не употребляютъ, но просто единичное имя. И если тутъ же было прежде нѣсколько государей того же имени, прибавляютъ число.... Спросятъ что́ придаетъ больше извѣстности, употребленіе отчествъ или чиселъ: конечно чиселъ. Ибо отчества общее всѣмъ людямъ и потому суть имена признака низшаго, слѣдовательно не придаютъ, а скорѣе уменьшаютъ извѣстность у лицъ Верховнаго Величества. Въ старину, когда на Руси было много князей, ежедневно дѣлилась область и мѣнялись столицы, тогда не было ничего опредѣленнаго, чѣмъ бы отличаться князю отъ сотоварища того же имени, а потому были необходимы отчества, чтобъ распознать одного отъ другаго. Нынѣ же, когда царь единственный и столица единственна, приличнѣе, и, кажется, гораздо величественнѣе употреблять царямъ единственно простое свое имя, съ прибавленіемъ числа, чѣмъ употреблять имя отцовское; и это въ особенности потому, что лица всякого рода, даже портные и рабы, во всѣхъ челобитьяхъ и бумагахъ, пишутся съ своими отчествами. А то, что обще всѣмъ, обыкновенно бываетъ и пошло.....« (Русское государство, стр. 259).

именемъ, присоединяя къ нему число, если было нѣсколько государей одноименныхъ: Петръ I, Екатерина II, Александръ III. Съ Петра В. входятъ въ употребленіе, при обращеніи къ государю, выраженія: „августѣйшій“, „всепресвѣтлѣйшій“, „державнѣйшій“.

Въ московскомъ періодѣ народъ относительно царя превратился въ *холоповъ*. Употреблялись обыкновенно то уменьшительныя, то уничижительныя имена. Начинается это съ Іоанна III: знатные подписываются еще полными именами: Иванъ, Василій, но незнатные начинаютъ именоваться уменьшительно: Иванецъ, Васька. При Васильѣ III они называютъ себя уже уничижительно: Ивашко, Васютка. При Іоаннѣ IV и люди знатные — князья и бояре — употребляютъ эту послѣднюю форму.

Петръ В. указомъ 1701 г. предписалъ съ 1 января 1702 г. людямъ всякаго званія писаться полными именами съ прозваніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, запрещено выраженіе *холопъ*, а взамѣнъ его *нижайшій рабъ* [1]). Екатерина II замѣняетъ это послѣднее словомъ *подданный*, *вѣрноподданный*, по образцу западно-европейскому: sujet, Untrethan, subject.

Обращаясь къ государю, *били челомъ*, просили *пожаловать — умилосердиться яко Богъ* [2]), или говорили, напр.:

---

[1]) Фельдмаршалъ Шереметьевъ свои донесенія Петру В. подписывалъ »наипослѣднѣйшій рабъ твой Бориско Шереметьевъ челомъ бью«. Воспитатель же царя, кн. Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, подписывался »холопъ твой Бориско« (Исторія царств. Петра В. Устрялова: Т. IV, ч. I стр. 217). Въ формулѣ присяги, установленной Духовнымъ регламентомъ для членовъ синода: »вѣрнымъ, послушнымъ и добрымъ *рабомъ* и *подданнымъ*« (1-е П. С. № 3714).

[2]) При Плантагенетахъ, англійская палата общинъ, подавая петиціи королю, употребляла такія выраженія: »nos pouvres communes prient et suplient par Dieu et en oeuvre de charité«. Подобныя же выраженія употреблялись и португальскими кортесами »pedir pro merce« (у Fischel'я, стр. 354).

„работаю я, холопъ вашъ, вамъ великимъ государямъ, яко Богу". Это самоуничиженіе личности предъ государемъ могло быть результатомъ татарщины.

Петръ В. старался искоренить это восточное самоуничиженіе при обращеніяхъ къ верховной власти: онъ запретилъ падать предъ царемъ на колѣни, снимать зимою передъ дворцомъ шляпы и т. д. Онъ обыкновенно говорилъ: „какое же различіе между Бога и царя, когда воздавать будутъ равное обоимъ почтеніе? менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и къ государству—сія то почесть свойственна царю" (Соловьевъ).

Петру В. слѣдовала Екатерина II. Указомъ 1786 г. она отмѣнила употребленіе словъ *бить челомъ*, *всеподданнѣйшій рабъ*, замѣнивъ ихъ: *приноситъ жалобу* или *проситъ всеподданнѣйше*, *вѣрный подданный* (1-е II. С. З. № 16, 329).

Завѣту этихъ государей слѣдовали почти всѣ ихъ преемники, понимая истинную *лояльность*, какъ и Петръ В., не въ соблюденіи обрядовъ, уничижающихъ человѣческую личность предъ особою государя, но въ *вѣрной* и *честной службѣ* ему и очечеству. Только въ кратковременное правленіе Павла замѣтно нѣкоторое стремленіе возстановить тѣ внѣшніе знаки уничиженія подданныхъ предъ монархомъ, противъ которыхъ протестовалъ геніальнѣйшій изъ нашихъ государей. Но за то совершенно *по-петровски* относился къ этому дѣлу Александръ I [1]), всегда удивлявшійся тому, что parvenu-императоръ Напо-

---

[1]) Замѣчательную характеристику деликатнаго и гуманнаго обращенія съ подданными, въ которомъ просвѣчивало уваженіе къ ихъ человѣческой личности, представляютъ *воспоминанія Свѣязева* о пребываніи Александра I въ Перми, въ сентябрѣ 1824 (см. Р. Старину, ноябрь 1871, стр. 543).

леонъ I позволялъ своимъ адъютантамъ подсаживать себя въ карету. Благодушное и деликатное обращеніе со всѣми своими поданными Александра II слишкомъ у всѣхъ въ свѣжей памяти, чтобы напоминать о немъ.

Духовенство, въ своихъ обращеніяхъ къ государю, придавало ему эпитеты, въ которыхъ выставлялось на видъ или его *благородное* происхожденіе, или его *благочестіе* и ревность о православной вѣрѣ. Отсюда выраженія: „твое благородіе“, „благородство“, „благородный государь“. Впослѣдствіи запрещено было именовать государя и членовъ его дома *благородными* „понеже титуловаться *благородствомъ* по нынѣшнему употребленію низко, ибо *благородство* и шляхетству дается“ (П. С. З. № 3869). Остались въ употребленіи только тѣ выраженія, въ которыхъ указывалось на благочестіе и ревность о вѣрѣ: „христолюбивый“, „благочестивый“, „благовѣрный“.

в) гербъ.

§ 25. Каждое государство употребляетъ какой-нибудь внѣшній знакъ, служащій символомъ религіозной или политической идеи, представлять которую оно считаетъ себя призваннымъ. Этотъ внѣшній знакъ, обыкновенно изображаемый на государственномъ знамени, на монетѣ, на государственныхъ зданіяхъ и т. д., называется *государственнымъ гербомъ*.

Употребленіе такого герба завѣщено Римомъ, имѣвшимъ *орла*—какъ символъ могущества. Этотъ римскій орелъ былъ принятъ наполеонидами, замѣнившими имъ историческій государственный гербъ старой Франціи—*лиліи*. Англія своимъ государственнымъ символомъ избрала *льва; 13 звѣздъ* на государственномъ знамени Сѣверо-американскихъ штатовъ означаютъ 13 родоначальныхъ штатовъ, положившихъ основаніе федера́ціи и т. д.

У насъ долгое время не было постояннаго и установившагося госуд. герба: геральдика, развившаяся на феодальной и рыцарской почвѣ западной Европы, была вообще чужда славянскимъ народамъ, за исключеніемъ, можетъ быть, Польши. Замѣчаніе г. Сахарова, что русская геральдика, въ противоположность рыцарской западно-европейской, имѣетъ религіозное основаніе—вполнѣ справедливо [1]).

На печатяхъ, употребленіе которыхъ восходитъ къ самымъ отдаленнымъ временамъ, древніе правители Руси обыкновенно изображали священные сюжеты: Спасителя, Богоматерь, особо чтимаго угодника, но чаще всего того святаго, имя котораго носилъ князь. Такъ на печатяхъ Іоанна Калиты изображенъ св. Іоаннъ Богословъ, Симеона Гордаго—св. Симеонъ, Дмитрія Донскаго—св. Дмитрій Солунскій и т. д. Только для великаго княжества Кіевскаго вырабатывается болѣе постоянная эмблемма—архангелъ Михаилъ. Но вообще можно сказать, что въ первомъ періодѣ нашей исторіи опредѣленнаго государственнаго герба у насъ не было. Ему предшествовала болѣе или менѣе постоянная эмблемма для великаго княжества московскаго.

Съ XIV в. на печатяхъ посадниковъ новгородскихъ, князей тверскихъ и московскихъ начинаетъ появляться фигура скачущаго всадника—то съ копьемъ, то съ мечемъ. Эту геральдическую фигуру мы встрѣчаемъ впервые на одной изъ печатей, относящейся къ 1389 г.

Повторяясь на другихъ печатяхъ, а еще раньше на монетахъ—съ Дмитрія Донскаго, съ разными видоизмѣ-

---

[1]) Исторія нашего госуд. герба разработана преимущественно Лакіеромъ (Русская геральдика, 1855; Россійскій госуд. гербъ, Спб. Вѣд. 1847 г. № 142) и Снегиревымъ (О гербѣ россійскомъ, Моск. Вѣд. 1843 г. № 43).

неніями, фигура эта дѣлается, наконецъ, постояннымъ гербомъ вел. кн. московскихъ.

Что изображала собою эта геральдическая фигура? Иностранцы, посѣщавшіе Россію, называютъ ее св. Георгіемъ Побѣдоносцемъ. Но такого значенія она прежде не имѣла.

Отечественные памятники не именуютъ всадника св. Георгіемъ Побѣдоносцемъ, а называютъ его просто „ѣздецемъ“ или „ѣздокомъ“, а иногда „царемъ съ копьемъ“. Этотъ „ѣздецъ“ въ XVII вѣкѣ официально объяснялся изображеніемъ царя или его наслѣдника. Котошихинъ говоритъ, что на московской печати „вырѣзано царь на конѣ побѣдилъ змія“.

Спеціалисты по русской геральдикѣ—Снегиревъ, Лакіеръ—также считаютъ *всадника* не св. Георгіемъ Побѣдоносцемъ, но эмблематической фигурой—символомъ освобожденія Руси отъ монголовъ—*змінаго стада* (Снегиревъ), а по мнѣнію другихъ—борьбу Москвы съ удѣлами; причемъ всадникъ изображаетъ московскаго в. князя, а змій—удѣльщину (Лакіеръ).

Во всякомъ случаѣ, только съ учрежденіемъ Екатериной II, въ 1769 г., ордена св. великомученника и Побѣдоносца Георгія, эта геральдическая фигура получаетъ наименованіе этого святителя.

Нашъ истинный государственный гербъ ведетъ свое начало отъ Іоанна III. Послѣ брака съ византійской царевной Софьей Палеологъ, онъ принялъ гербъ Византіи—*чернаго двуглаваго орла*. Употребленіе его встрѣчается впервые въ 1497 г., на печати привѣшенной къ мѣновой грамотѣ Іоанна III съ Волоцкими князьями. Печать эта двухсторонняя: одна сторона ея изображаетъ скачущаго всадника, поражающаго копьемъ змія, а на другой изображенъ двуглавый орелъ, съ опущенными распластанными крыльями, съ вѣнцами на каждой главѣ.

Такъ образовался нашъ государственный гербъ, въ существенныхъ своихъ элементахъ остававшійся послѣ того неизмѣннымъ.

Поздиѣйшія его измѣненія и дополненія, какъ замѣчаетъ проф. Загоскинъ, „сводятся лишь къ различнымъ комбинаціямъ двухъ основныхъ элементовъ — орла и всадника; они проявляются затѣмъ въ различномъ положеніи и формѣ крыльевъ и хвоста орла, въ числѣ вѣнцевъ надъ его главами, въ дачѣ въ лапы орла скипетра и державы, въ присоединеніи къ изображенію орла гербовъ областныхъ и различнаго рода эмблеммъ“ [1]).

Важнѣйшая перемѣна состояла въ томъ, что изображаемые сначала раздѣльно, орелъ и всадникъ соединяются: всадника начинаютъ изображать на груди орла. Впервые это соединеніе встрѣчается при Іоаннѣ Грозномъ. Но еще долго послѣ того, даже на печатяхъ и монетахъ Алексѣя Михайловича, мы встрѣчаемъ и раздѣльное изображеніе обѣихъ эмблеммъ.

Кромѣ того, съ Іоанна Грознаго—всадника замѣняетъ иногда скачущій *единорогъ*, или какъ называли его тогда „инрогъ“—то слитно, на груди орла, то раздѣльно. По мнѣнію Татищева, это изображеніе *единорога* было личнымъ гербомъ Іоанна Грознаго. Но съ нимъ мы встрѣчаемся даже при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Другая важнѣйшая перемѣна состояла въ томъ, что вокругъ двуглаваго орла стали помѣщать гербы важнѣйшихъ областей, присоединившихся къ Москвѣ: въ первый разъ при Іоаннѣ Грозномъ.

Это непостоянство и видоизмѣненія въ государственномъ гербѣ происходили и потому, что о немъ не было закона, но его формы были традиціонныя и основывались на антецедентахъ.

---

[1]) Исторія права московскаго государства, стр. 196.

Алексѣй Михайловичъ принялъ мѣры, чтобы окончательно формуловать государственный гербъ. Съ этой цѣлью онъ вызвалъ изъ Австріи герольдмейстера Хурелича, поручивъ ему составить новый рисунокъ государственнаго герба: всадникъ окончательно соединился съ орломъ и сталъ изображаться на груди его, вытѣснивъ изображеніе единорога.

Въ 1667 г., для скрѣпленія Андрусовскаго договора съ Польшею, была сдѣлана большая царская печать, съ изображеніемъ на ней державнаго герба, почти въ томъ же видѣ, какой онъ имѣетъ въ настоящее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ было издано узаконеніе, разъяснившее значеніе сго эмблеммъ [1]).

Типъ Андрусовской печати сохранялся неизмѣнно до Императора Павла, который въ 1799 г. повелѣлъ составить другой гербъ, отличавшійся отъ прежняго только тѣмъ, что на груди орла изображенъ былъ крестъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, въ срединѣ котораго помѣщался всадникъ на конѣ. Александръ I возстановилъ гербъ въ прежнемъ его видѣ.

§ 26. Нынѣшняя форма русскаго государственнаго герба, исторически слагавшаяся, окончательно опредѣлена въ 1857 г.

На основаніи 39 ст. основныхъ законовъ, форма эта слѣдующая: Россійскій государственный гербъ есть въ золотомъ щитѣ черный, двоеглавый орелъ. На главахъ орла двѣ золотыя Императорскія короны, и надъ ними третья, такая-жъ, въ бо̀льшемъ видѣ, съ двумя развѣвающимися концами голубой ленты; въ когтяхъ правой ноги орла золотой Императорскій скипетръ, въ когтяхъ лѣвой золотая держава; на груди орла гербъ Московскій:

---

[1]) 1-е П. С. З. № 421: здѣсь объясненіе *корунъ*, *градъ* и другихъ составныхъ частей госуд. герба.

въ червленомъ щитѣ Святый Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій, на конѣ, поражающій дракона золотымъ копьемъ.

Это малый государственный гербъ. Съ нѣкоторыми измѣненіями, онъ составляетъ личный гербъ Государя Императора.

Къ основнымъ изображеніямъ этого малаго госуд. герба присоединяется большее или меньшее количество другихъ. Отсюда малый гербъ отличается отъ большаго и средняго [1]).

в) печать.

§ 27. Государственный гербъ обыкновенно изображается на *государственной печати*, которая прилагается къ государственнымъ актамъ, въ ознаменованіе утвержденія ихъ верховною властію.

---

[1]) *Большой* госуд. гербъ изображается на большой государств. печати: щитъ съ двоеглавымъ орломъ увѣнчанъ шлемомъ Св. В кн. Александра Невскаго, и окруженъ цѣпью Св. апостола Андрея Первозваннаго; по сторонамъ изображенія Святыхъ Архистратига Михаила и Архангела Гавріила; надъ всѣмъ золотая усѣянная двоеглавыми орлами и подложенная горностаемъ сѣнь, съ надписью: Съ нами Богъ; надъ сѣнію Императорская корона и государственная хоругвь. Вокругъ щита изображаются Родовой Его Императорскаго Величества гербъ, и гербы царствъ Казанскаго, Астраханскаго, Польскаго, Сибирскаго, Херсониса Таврическаго, и Грузинскаго, и Великихъ Княжествъ Кіевскаго, Владимірскаго, Новгородскаго и Финляндскаго; надъ сѣнію соединенные, на шести щитахъ, гербы всѣхъ прочихъ Княжествъ и Областей, упоминаемыхъ въ полномъ Императорскомъ титулѣ.

На *средней* государственной печати помѣщаются тѣ-же, какъ и на большой, изображенія, кромѣ лишь государственной хоругви и шести верхнихъ надъ сѣнію щитовъ съ соединенными гербами Княжествъ и Областей (ст. 38).

Употребленіе государственной печати, какъ мы видѣли, восходитъ у насъ ко временанъ весьма отдаленнымъ. Употребленіе это было тѣмъ болѣе часто, что древне-русскіе князья почти никогда собственноручно не подписывали никакихъ актовъ, которые скрѣплялись приложеніемъ ихъ печати. Вслѣдствіе этого, очень рано учреждается особая должность *печатника*, хранившаго княжескую печать и прикладывавшаго ее къ актамъ, отъ нихъ исходящимъ.

Въ московскомъ государствѣ завѣдываніе государственною печатью распредѣляется между двумя приказами: Посольскимъ и Печатнымъ.

Въ первомъ вѣдались двѣ печати: *большая государственная печать*, которою скрѣплялись дипломатическія акты и другая, какъ-бы *средняя*, которая прикладывалась къ разнымъ жалованнымъ грамотамъ и къ грамотамъ, посылаемымъ къ крымскому хану и къ калмыкамъ. Въ печатномъ приказѣ, подъ вѣдѣніемъ *печатника*, хранилась *малая* госуд. печать, которою скрѣплялись всѣ другія грамоты и памяти.

Во второй половинѣ XVII в. возникаетъ въ московскомъ государствѣ новая важная должность „оберегателя царственныя большія печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ“, которую занималъ знаменитый Ордынъ-Нащокинъ [1]).

Такимъ образомъ, государственная печать имѣетъ вѣковую исторію. Еще въ московскомъ періодѣ она раздѣлилась на три вида: *большую*, *среднюю* и *малую*.

§ 28. Государственная печать въ настоящее время изготовляется въ мин. иностр. дѣлъ, по Высочайше утвержденнымъ рисункамъ, со вступленіемъ новаго Императора на престолъ. Она прилагается къ государствен-

---

[1]) См. въ вышеуказанномъ сочиненіи пр. Загоскина стр. 203 и сл.

нымъ актамъ, въ ознаменованіе окончательнаго ихъ утвержденія верховною Императорскою властію.

Она имѣетъ три вида: *большая*, *средняя* и *малая*. Отличіе этихъ видовъ обусловливается помѣщаемыми на государственной печати титуломъ и гербомъ.

На *большой* государственной печати изображается большой госуд. гербъ съ полнымъ титуломъ. Эта печать прилагается: 1) къ госуд. законамъ, учрежденіямъ и уставамъ, 2) къ статутамъ орденовъ, 3) къ манифестамъ, 4) къ духовнымъ завѣщаніямъ членовъ Императорской фамиліи, при утвержденіи ихъ Государемъ; 5) къ грамотамъ на титулъ Императ. Высочества; 6) къ дипломамъ на княжеское и графское достоинства; 7) къ грамотамъ на возведеніе въ патріаршій санъ Католикоса всѣхъ армянъ; 8) къ полномочіямъ и грамотамъ объ акредитованіи и отозваніи дипломатическихъ лицъ при восточныхъ дворахъ; 9) къ патентамъ на званіе консула.

На *средней* госуд. печати изображается госуд. гербъ съ среднимъ титуломъ. Она прилагается: 1) къ грамотамъ городамъ и обществамъ о подтвержденіи правъ и преимуществъ; 2) къ дипломамъ на баронское и дворянское достоинства; 3) къ ратификаціямъ трактатовъ съ иностр. державами.

На *малой* госуд. печати изображается гербъ въ маломъ видѣ, съ краткимъ титуломъ. Она прилагается: 1) къ грамотамъ на пожалованныя земли, 2) къ патентамъ на чины, 3) къ грамотамъ на потомственное почетное гражданство и т. д.

Всѣ эти печати царствующаго Императора хранятся въ мин. иностр. дѣлъ, за ключомъ управляющаго министерствомъ. Государственныя-же печати прежнихъ царствованій сдаются для храненія въ государств. Древлехранилище хартій, рукописей и печатей.

Государственные суды и учрежденія вообще, какъ высшіе, такъ и средніе и низшіе, имѣютъ, на основаніи закона, право употреблять печать съ госуд. гербомъ, и особыми надписями, но безъ титула (см. I приложеніе къ основнымъ законамъ §§ 17—22).

Б) Внутреннія права.

§ 29. Болѣе существенное значеніе имѣютъ *внутреннія* права Государя Императора: а) по дѣламъ вѣры и церкви, б) по суду и в) по управленію. Особенный характеръ этихъ правъ составляетъ главную черту, отличающую русскій самодержавно-монархическій строй отъ западно-европейскаго конституціоннаго.

а) права по дѣламъ вѣры и церкви.

§ 30. Вопросъ объ отношеніи государства и государственной власти къ дѣламъ вѣры и церкви принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ вопросовъ государственнаго права. Это, можно сказать, вопросъ вѣчно-юный, давно разрѣшаемый наукой и далеко еще не разрѣшенный. Понятно, почему онъ имѣетъ такую богатую литературу [1]).

---

[1]) Не вдаваясь въ библіографическія подробности, укажемъ, покрайней мѣрѣ, на нѣкоторые труды.

Вопросу посвящена одна изъ замѣчательныхъ монографій Р. Моля »Ueber das Verhältniss des Staates zur Kirche« (1 т. монографій, стр. 171—292).

Paul Hinschius »Allgemeine Darstellung der Verhältnisse von Staat und Kirche« (въ 1-й ч. Handbuch des Oeffentlichen Rechts der Gegenwart, изданной Марквардсеномъ стр. 189 и сл.).

Блунчли въ своемъ Allgemeines Staatsrecht посвящаетъ нѣсколько главъ этому вопросу (2 т. стр. 264—344).

Minghetti »L'etat et l'eglise« (переводъ Луи Борге, съ предисловіемъ Лавлэ).

Возможны различныя формы отношенія конфессіональнаго элемента къ политическому—церкви къ государству, такъ какъ этотъ вопросъ въ различныхъ государствахъ разрѣшался различно, сообразно особенностямъ мѣстныхъ и историческихъ условій данной страны.

Но все разнообразіе этихъ отношеній подводятъ подъ три главные типа, которые едва-ли исчерпываютъ возможныя въ дѣйствительности комбинаціи.

Во 1-хъ, подчиненіе государства церкви—теократическая система *папизма*, къ которой всегда будетъ стремиться латинскій католицизмъ. Европа пережила эту форму; возстановленіе ея, при современныхъ условіяхъ культуры, едва-ли возможно и желательно, какъ бы ни печальны были крайности *лаицизаціи*.

Во вторыхъ, подчиненіе церкви государству—византійская система *цезарепапизма* (Staatskinchenthum), возродившаяся отчасти въ протестантизмѣ, установившемъ начало cujus regio ejus religio (чье царство, того и религія): въ протестантскихъ государствахъ Германіи государь—Summus Episcopus. Еще болѣе въ Англіи, гдѣ корона, или лучше сказать парламентъ—полная, владычествующая глава англиканской церкви, безъ разрѣшенія которой эта церковь не только не въ правѣ измѣнить что-нибудь въ своемъ догматическомъ ученіи, но даже въ мелкихъ подробностяхъ ритуала.

Въ третьихъ, церковь и государство совершенно раздѣльны, взаимно признавая полную независимость и самостоятельность другъ друга: знаменитая формула гр. Кавура *chiesa libera in stato libero* (свободная церковь въ свободномъ государствѣ), которую гр. Арнимъ назвалъ химерой, въ дѣйствительности означающей *chiesa armata in Stato disarmato* (вооруженная церковь въ безоружномъ государствѣ). Къ системѣ этой приближается отношеніе церкви къ государству въ Сѣверо-американскихъ шта-

тахъ, а отчасти въ Бельгіи и Италіи, и главнымъ образомъ положеніе дисидентской церкви въ Англіи и другихъ странахъ. Но полная раздѣльность этихъ двухъ великихъ учрежденій едва-ли возможна. Между ними существуютъ взаимныя отношенія, которыя необходимо регулировать. Кому же должна принадлежать эта регулирующая сила: государству или церкви? Если государству, то оно можетъ придти опять къ византійскому цезарепапизму, или протестантскому сумъэпископату, а если церкви, то можетъ опять повториться теократическій папизмъ. Современное же государство едва ли можетъ отказаться отъ полнаго невмѣшательства въ дѣла церкви, съ которою связано столько культурныхъ интересовъ.

Такимъ образомъ, всѣ три типа отношеній церкви къ государству представляютъ далеко неудовлетворительное разрѣшеніе капитальной культурной проблеммы—правильно сопоставить элементы политическій и конфессіональный. Полное *сліяніе* ихъ и *поглощеніе* одного другимъ такъ же неудовлетворительны, какъ и полная *рознь* и *раздѣльность*. Между обоими организмами — государствомъ и церковью—должна быть полная гармонія и правильное сочетаніе. Формулу для такого гармоническаго разрѣшенія вопроса объ отношеніи государства къ церкви даетъ евангеліе, въ классическихъ словахъ Спасителя „воздадите Кесарева Кесареви и Божія Богови“. Все то, что составляетъ предметъ внутренней духовной жизни, есть функція церковнаго организма, независимая и свободная отъ гнета и интервенціи государства такъ какъ она принадлежитъ Богови. А всѣ внѣшнія проявленія церкви—область государственной интервенціи, принадлежащая кесареви.

Христіанскую вѣру мы приняли изъ Византіи. Владиміръ св. долго, по преданію, испытывалъ разныя вѣры, пока не остановился въ своемъ выборѣ на „право-

славной каѳолической восточнаго исповѣданія", какъ наиболѣе подходящей къ характеру и свойствамъ русскаго народа. Такимъ образомъ, въ Россіи, со введенія христіанства, *первенствующая и господствующая вѣра есть христіанская православная каѳолическая восточнаго исповѣданія*, какъ фурмулуетъ 30 ст. основныхъ законовъ.

Многія государства западной Европы также признаютъ *первенство* и *господство* за какимъ нибудь однимъ христіанскимъ исповѣданіемъ, составляющимъ *государственную религію* (Staats-Religion), подобно тому, какъ православіе составляетъ *государственную религію* Россіи. Въ Греціи такой религіей признается православная; въ Испаніи, Португаліи, а прежде въ Италіи и Франціи [1])—римско-католическая; въ Швеціи и Норвегіи—евангелическо-лютеранская; въ Англіи—англиканская. Эта система признанія государств. религіей одного какого нибудь христіанскаго исповѣданія называется *конфессіональной*.

Другая система *равноправная* (paritätische), признающая *равенство* за всѣми христіанскими исповѣданіями, дѣйствуетъ въ Сѣверо-американскихъ штатахъ, въ государствахъ Германіи, въ Австро-Венгріи и Пруссіи (хотя первая тяготѣетъ болѣе къ католицизму, а вторая къ протестантизму), въ современной Франціи и Италіи, въ Голландіи, Бельгіи и Швейцаріи.

Въ разгарѣ революціи французская республика отвергла всякую религію въ принципѣ, провозгласивъ государство учрежденіемъ *безбожнымъ*: „l'etat est athée". Но религіозная потребность настолько присуща человѣческой природѣ, что и государство—человѣческое учрежденіе—не можетъ быть безбожно. Это доказано въ самой Франціи. Отвергнувъ вѣковую христіанскую религію, она уста-

---

[1]) Франц. хартія 1814 г. »Римско-католическая вѣра—религія государства (§ 6).

новила религію естественную—поклоненіе верховному существу, разуму (Etre suprême), жрецомъ котораго сдѣлался Робеспьеръ.

Возвращаясь къ нашему отечеству, замѣтимъ, что православная вѣра, столь отличная отъ западно-европейскихъ—латинской и нѣмецкой, составляетъ одну изъ глубокихъ коренныхъ основъ нашей русской народности. Она настолько сроднилась и слилась съ русскимъ народомъ, что слово „православный„ стало синонимомъ слову „русскій“. Она составляетъ наше святое и завѣтное достояніе, доставшееся намъ отъ предковъ съ тѣмъ, чтобы мы не нарушимо передали его потомкамъ. Въ смутное время начала XVII в. опасности для православія были однимъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ того высоко-патріотическаго подъема народнаго духа, который спасъ Россію и ея государство. Понятно требованіе земскаго собора, избравшаго на царство Михаила Ѳедоровича: „чтобъ святая и непорочная истинная православная христьянская вѣра греческаго закона была во всемъ великомъ Россійскомъ государствѣ нерушима по прежнему, и сіяла бъ во всю вселенную, яко жъ подъ небесемъ пресвѣтлое солнце“.

Понятно, что одной изъ важнѣйшихъ миссій московскаго царя всегда было оберегать *святую и непорочную православную вѣру* [1]). Понятно, что онъ могъ быть только тогда

---

[1]) Соборная грамота 1564 г. значеніе московскаго царя по отношенію къ дѣламъ церковнаго благоустройства и благочинія опредѣляетъ слѣдующ. образомъ: .... »пріяхомъ скипетры Россійскаго царства.... въ обдержаніе и въ осмотрѣніе всѣхъ благихъ благочестиваго Россійскаго царства, также и во благосостояніе святыхъ Божіихъ церквей и святыхъ монастырей и мѣстъ« (А. И., т. 1. № 173). Слова Грознаго: »Тщюся съ усердіемъ людей на истину и на свѣтъ наставить, да познаютъ единаго истиннаго Бога и отъ Бога даннаго имъ государя«.

царемъ, когда самъ исповѣдывалъ эту вѣру. Русскіе государи, дѣйствительно, всегда исповѣдывали народную русскую вѣру. Когда интригами олигарховъ выставлена была кандидатура католика Владислава, то народъ потребовалъ, чтобы онъ „отъ папы римскаго ихъ закону о вѣрѣ не просилъ и благословенія не принималъ, и съ нимъ о томъ не ссылался, потому что прежніе великіе государи наши россійскіе были нашія хрестьянскія греческія вѣры".

Но исповѣданіе православной вѣры русскими государями долгое время основывалось на пошлинѣ и на народномъ обычаѣ, а не на положительномъ законѣ. Только тестаментъ Екатерины I, 1727 г., эту пошлину освятилъ положительнымъ закономъ, постановивъ въ 8 пунктѣ, что „никто никогда россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, которой не греческаго закона". Это подтверждено Павломъ въ актѣ о наслѣдіи престола, 1797 г. А изъ этихъ источниковъ перешло въ сводъ, 41 ст. 1-го тома котораго постановляетъ, что Императоръ Всероссійскій не можетъ исповѣдывать иной вѣры, кромѣ православной, чему всенародное подтвержденіе онъ даетъ, произнося во время коронованія символъ вѣры.

Признавая *первенство* и *господство* за православною церковью, къ лону которой принадлежитъ большинство русскаго народа и представитель его Императоръ всероссійскій, наши законы надѣляютъ эту церковь весьма многими привиллегіями. Свободная пропаганда дозволяется только церкви православной [1]), обращеніе въ которую

---

[1]) Ст. 97 Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій постановляетъ: »Одна господствующая церковь имѣетъ право въ предѣлахъ государства убѣждать принадлежащихъ къ нему подданныхъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ. Но сія вѣра порождается благодатію господнею, поученіемъ, кротостію и болѣе всего добрыми примѣрами.

поощряется даже матеріальными выгодами—денежными наградами (для евреевъ) и нѣкоторыми льготами въ податяхъ и повинностяхъ. Напротивъ, совращеніе изъ православія составляетъ уголовное преступленіе не только для совращеннаго, но еще болѣе для совратителя. Ст. 41 устава о предупрежд. и пресѣченіи преступленій постановляетъ: „какъ рожденнымъ въ православной вѣрѣ, такъ и обратившимся къ ней изъ другихъ вѣръ, запрещается отступать отъ нея и принять иную вѣру, хотя бы то и христіанскую". Неисполненіе этого закона сопряжено съ наказаніемъ: наказаніе это, на основаніи уложенія, обусловливается тѣмъ, перешелъ-ли отпавшій отъ православія въ нехристіанскую вѣру, или въ христіанскую иновѣрческую или же въ ересь, а также и тѣмъ, принадлежалъ-ли онъ къ православію отъ рожденія или нѣтъ. Что касается совратителей, то противъ нихъ въ нашемъ законодательствѣ множество статей, угрожающихъ имъ за пропаганду разными карами, смотря по тому, произошло-ли совращеніе изъ христіанской вѣры въ нехристіанскую, или изъ православія въ иновѣрческую христіанскую, или изъ православія въ ересь и даже изъ иновѣрческой въ иновѣрческую.

Охраненіе православія проявляется не только въ запрещеніи перехода изъ него въ другую религію, но законодательство наше требуетъ, чтобы дѣти рожденныя отъ брака, въ которомъ одинъ изъ супруговъ православный, крестились и воспитывались въ православіи же. Кромѣ того, законы требуютъ отъ православ-

---

Почему господствующая церковь не дозволяетъ себѣ ни малѣйшихъ понудительныхъ средствъ при обращеніи послѣдователей иныхъ исповѣданій и вѣръ къ православію, и тѣмъ изъ нихъ, кои приступить къ нему не желаютъ, отнюдь ничѣмъ не угрожаетъ, поступая по образу проповѣди евангельской«.

ныхъ исполненія ихъ церковныхъ обязанностей—исповѣди и св. причастія [1]), подъ угрозою извѣстныхъ каръ.

Это охраненіе уголовнымъ закономъ православія въ значительной степени напоминаетъ *compelle intrare* блаженнаго Августина, послужившее основаніемъ конфессіональной политики западно-европейскаго государства. Оно, несомнѣнно, противорѣчитъ *принципу вѣротерпимости*, провозглашаемому нашими основными законами.

Принципъ этотъ искони болѣе признавался православнымъ русскимъ государствомъ, чѣмъ католическимъ или даже протестантскимъ государствомъ Западной Европы.

Тогда какъ на западѣ теорія религіозной нетерпимости еще въ XVII в. повторялась Боссюэтомъ [2]), хотя онъ и былъ однимъ изъ главныхъ проводниковъ галликанизма; повторялась въ конфессіональныхъ программахъ Лютера, Меланхтона и особенно Кальвина, хотя ученія ихъ и возникали на почвѣ раціонализма и свободы совѣсти, и практиковалась нѣкоторыми государствами даже въ XVIII в. (Австрія)—у насъ уже въ XVI в. католикамъ и протестантамъ дозволялось свободное отправленіе ихъ богослуженія, и въ Москвѣ дозволено было постоянно жить двумъ ксендзамъ. Петръ В. иностранцамъ, которыхъ при немъ было такъ много, предоставилъ широкую сво-

---

[1]) 21 ст. у. о пр. и прес. преступленій требуетъ, чтобы всякій православный, хотя однажды въ годъ, исповѣдывался и пріобщался св. таинъ—въ постъ или иное время. А по 21 ст. того же устава, начальства должны наблюдать, что бы подчиненныя имъ лица исполняли этотъ долгъ.

[2]) Знаменитыя слова Politique tirée des propres paroles de l'Ecriture sainte: »Ceux qui ne veulent pas souffrir que le prince use de rigueur en matierè de religion, parceque la religion doit être libre, sont dans une erreur impie«.

боду вѣроисповѣданія[1]). Если онъ такъ преслѣдовалъ раскольниковъ, то не по конфессіональнымъ, но по политическимъ мотивамъ: въ нихъ онъ видѣлъ самыхъ упорныхъ противниковъ своихъ реформъ. Преемники Петра болѣе или менѣе слѣдовали его примѣру: строго запрещали они насильственное обращеніе въ православіе—особенно сибирскихъ инородцевъ и калмыковъ, которыхъ запрещено было крестить, безъ разрѣшенія ихъ хана.

Еще точнѣе начала вѣротерпимости были установлены Екатериной II. Въ своемъ наказѣ она говоритъ: „гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковойныя сердца, и отводитъ ихъ отъ заматорѣлаго упорства, утушая споры ихъ, противные тишинѣ государства и соединенію гражданъ“ [2]).

Окончательно начало вѣротерпимости сформулировано въ 44 и 45 ст. основн. законовъ. На основаніи этихъ статей не только христіане, непринадлежащіе къ господствующей церкви—природные, въ подданство принятые

---

[1]) Нашъ великій преобразователь приближался къ религіозному индиферентизму Фридриха II прусскаго, сказавшемуся въ его пословутомъ изрѣченіи: »In den Preussischen Landen kann jeder nach seiner Façon selig werden«; онъ раздѣлялъ вполнѣ мысль, высказанную прусскимъ королемъ-философомъ въ Антимакіавелѣ: »être tonjours Roi et *ne jamais faire le Prêtre* est le sûr moyen de préserver son Etat des tempêtes, que l'esprit dogmatique des Theologies cherche souvent à exciter«....

[2]) Въ томъ-же наказѣ: »въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами весьма бы вредный для спокойства и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ, запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣръ« (1-е П. С. З. № 12, 949). Ср. съ неаполитанской конституціей 1848 г., дозволяющей свободное отправленіе богослуженія только католической церкви (§ 3).

и иностранцы — но и евреи, магометане и язычники, имѣютъ свободу исповѣдывать свою вѣру и отправлять богослуженіе по обрядамъ оной: „да всѣ народы“ мотивировано въ законѣ „въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога всемогущаго разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе россійскихъ монарховъ, и моля творца вселенной о умноженіи благоденствія и укрѣпленіи силы Имперіи“.

Но официально признаваемая вѣротерпимость имѣетъ у насъ все таки условное, относительное значеніе. Она не даетъ права свободнаго выбора религіи, по своему убѣжденію, не вполнѣ устанавливаетъ равноправность въ сферѣ отношеній гражданскихъ. Она предоставляетъ только право отправлять богослуженіе по обрядамъ своей религіи, она не препятствуетъ только исповѣдывать ту религію, въ которой кто родился. Принадлежность къ нѣкоторымъ исповѣданіямъ значительно сокращаетъ общегражданскія права. Относительно католиковъ дѣйствуютъ мотивы политическіе, которыми можетъ быть также объяснено запрещеніе въ Россіи іезуитовъ и другихъ католическихъ монашествующихъ орденовъ. Относительно евреевъ опытъ доказалъ, что равноправіе ихъ есть подчиненіе имъ христіанскаго элемента [1]). Но чѣмъ можно было оправдать прежнее гоненіе раскольниковъ, перенесенное отчасти на теперешнихъ штундистовъ?

Правда, такія вредныя секты, какъ напримѣръ скопцы, не могли бы быть терпимы даже въ такихъ странахъ абсолютной свободы совѣсти, какъ Соединенные Штаты,

---

[1]) Конституціи шведская и норвежская постановляли: »Евангелическо-лютеранское исповѣданіе—религія государства. Исповѣдующіе ея обязаны воспитывать въ ней своихъ дѣтей. Іезуиты и монашескіе ордена не могутъ быть терпимы. Евреямъ запрещенъ въѣздъ въ государство«.

преслѣдующіе въ настоящее время своихъ мормоновъ. Но многія секты, по характеру своему самыя безвредныя, были предметомъ упрямаго гоненія, даже въ недавніе времена. Въ уставѣ о предупрежд. и пресѣч. преступленій находился цѣлый рядъ статей, лишавшихъ раскольниковъ всякой возможности удовлетворять своимъ религіознымъ потребностямъ, по обрядамъ своей вѣры. Поэтому, законъ 19 апр. 1874 г. о метрической записи браковъ, рожденій и смерти раскольниковъ является весьма важнымъ, составляющимъ поворотную точку въ отношеніи государства къ расколу, ибо признавая раскольничій бракъ и другія отношенія гражданской жизни, законъ долженъ предоставить полную свободу для раскольниковъ удовлетворять потребностямъ ихъ религіозной жизни.

По какому-же типу сложились у насъ отношенія церкви, какъ организованной религіозной корпораціи, къ государству?

Христіанскую церковь мы приняли изъ Византіи, откуда пришелъ и церковный клиръ и іерархія[1]). По византійскимъ образцамъ установилось у насъ отношеніе церкви и іерархіи къ государству и верховной власти. Изъ школы византійскаго *цезарепапизма*, наша церковь

---

[1]) »Въ дотатарскій періодъ изъ 23 митрополитовъ только 3 были русскіе и три неизвѣстнаго происхожденія, но 17 были греки. Съ тѣхъ поръ до 1488 г. изъ 10 митрополитовъ 3 были изъ грековъ и 3 изъ болгаръ. Наконецъ, митрополиты были назначаемы въ Константинополѣ, и даже избираемые потомъ въ Россіи посвящались въ Константинополѣ. Въ первое время даже клиръ состоялъ частію изъ грековъ, частію изъ болгаръ.... Въ первые вѣка, въ церковныхъ эктеніяхъ въ Россіи поминалось имя византійскаго императора...; а когда в. кн. Василій Дмитричъ запретилъ это, то константинопольскій патріархъ отправилъ къ нему строгое внушеніе....« (см. »Московскую старину« г. Пыпина, В. Евр. Янв. 1885).

вынесла высокое уваженіе къ авторитету государства и главенству верховной власти. Вѣрная завѣту своего божественнаго основателя „воздавать кесарева кесареви“, какъ членъ государства, она признала свою зависимость отъ него, и, въ противоположность церкви римско-католической, никогда не притязала на главную рѣшительную роль въ мірскомъ государственномъ дѣлѣ. На русскаго государя, духовенство перенесло свое воззрѣніе на византійскаго императора, сильно содѣйствуя развитію и укрѣпленію идеи цезаризма.

Но молодое русское государство въ своихъ отношеніяхъ къ церкви не приняло цезарепапизма разлагающейся и обветшалой Византіи. Въ своихъ внутреннихъ церковныхъ дѣлахъ церковь была признана независимымъ отъ государства организмомъ, развивающимъ свою дѣятельность совершенно самостоятельно въ вопросахъ догматики и ритуала. Но автономическое божественное установленіе въ дѣлахъ этого рода, по всѣмъ другимъ вопросамъ и дѣламъ административнаго характера, она являлась учрежденіемъ, входящимъ въ область общаго права и подчиненнымъ государству. Русскіе государи, какъ первородные сыны православной церкви, высоко чтили ея авторитетъ и независимость, по скольку онъ касался ея внутренней духовной жизни. Замѣщеніе каѳедръ митрополита всея Руси и русскихъ епископовъ всегда происходило съ согласія и при участіи князей [1]). Но, какъ главные представители духовной автономіи церкви, русскіе іерархи высоко чтились государями.

---

[1]) Въ XV ст. Московскій в. кн. писалъ в. кн. Литовскому: »старина наша, которая повелась отъ прародителя нашего св. Владиміра, что *избраніе* и *принятіе* митрополита всегда было правомъ нашихъ прародителей«.

Русская церковь до Петра была живымъ, полнымъ силъ организмомъ, имѣвшимъ мощное животворное вліяніе на весь ходъ общественной жизни. Отношеніе ея къ государству представляло то гармоническое примиреніе и правильное сочетаніе этихъ двухъ организмовъ, котораго мы не находили ни въ одномъ изъ тѣхъ трехъ типовъ отношенія государства къ церкви, которые исторически установились въ Западной Европѣ.

Откуда-же ведутся упреки нашей церкви въ *цезарепапизмѣ?* Упреки, которые раздавались и на мюнхенскомъ конгрессѣ старо-католиковъ, и въ аудиторіяхъ университетовъ Германіи, какъ напр. гейдельбергскаго профессора Трейтшке [1]).

Отношеніе государства къ церкви въ Россіи, конечно, не опредѣляется не только системой *цезарепапизма*, но и системой протестантскаго *сумъэпископата*, но тѣмъ не менѣе, начиная съ Петра В., или лучше сказать съ Духовнаго регламента, старорусская система гармоническаго сочетанія государства и церкви нарушилась, въ смыслѣ утраты церковью ея внутренней самодѣятельности и крайняго подчиненія ея бюрократическому элементу.

Съ учрежденіемъ патріаршества, въ лицѣ патріарха Филарета и въ особенности Никона, церковная іерархія, какъ мы знаемъ, начала притязать не только сравняться съ властію государственной, но даже превзойти ее.

---

[1]) Мюнхенскій конгрессъ старо-католиковъ обвинялъ нашу церковь въ томъ, что она впала въ крайность, противоположную церкви ново-католической—въ *цезарепапизмѣ*. Подобный-же упрекъ былъ сдѣланъ и гейдельбергскимъ проф. Трейтшке, который на лекціи 12 янв. 1874 г. говорилъ: »въ Россіи господствуетъ въ отношеніяхъ государства къ церкви система цезарепапизма; русскій императоръ—глава церкви« (Сб. госуд. Зн. т. II).

Духовный регламентъ 25 янв. 1721 г. былъ сильной реакціей противъ такой идеи папизма, заявленной нѣкоторыми изъ нашихъ патріарховъ.

Патріархатъ былъ уничтоженъ: „да не вспомянутся подобные (папскимъ) и у насъ бывшіе захваты". На мѣсто патріарха во главѣ управленія русскою церковью былъ поставленъ духовный коллегіумъ—сунодъ или сунедріонъ „правленіе соборное—лучшее, нежели единоличное правительство, наипаче-же въ государствѣ монаршескомъ, яковое есть наше россійское". Члены синода, принося установленную для нихъ присягу, должны были „исповѣдывать съ клятвою крайняго Судію Духовныя сея коллегіи быти Самаго Всероссійскаго монарха" (1-е П. С З. № 3718). При синодѣ былъ поставленъ оберъ-прокуроръ „око государя и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ въ св. синодѣ". По петровской инструкціи этому оберъ-прокурору „должно въ своей *директіи* имѣть канцелярію синодскую и служителей оной". Изъ этой *директіи*, какъ замѣчаетъ проф. Горчаковъ, развилась та широкая административная власть оберъ-прокурора въ русской православной церкви, которая совершенно парализовала ее, какъ животворную силу, превративъ въ одно изъ *вѣдомствъ*—„вѣдомство православнаго исповѣданія".

Точка отправленія этой системы—несомнѣнно Духовный регламентъ. Усиливается она при об.-прокурорѣ кн. Голицынѣ, съ указомъ 1803 г. о вызовѣ въ составъ синода епархіальныхъ архіереевъ для *временнаго* присутствованія въ синодѣ. По Духовному регламенту синодъ имѣлъ *постоянныхъ* членовъ, борьба съ которыми, конечно, была труднѣе для синодскихъ оберъ-прокуроровъ XVIII в. [1]), чѣмъ борьба съ выбранными по усмотрѣнію

[1]) При Елизаветѣ Петровнѣ Амвросій Юшкевичъ предлагалъ упразднить должность оберъ-прокурора синода; рекомендовалъ возста-

самого оберъ-прокурора *временными* членами въ XIX в., когда такіе сильные и мощные іерархи, какъ московскій Филаретъ, должны были уклоняться отъ присутствія въ синодѣ, чтобы не подчиняться такимъ оберъ-прокурорамъ, какъ гр. Протасовъ. Въ 1818 г. было учреждено министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Съ закрытіемъ его въ 1824 г., вся власть министра духовныхъ дѣлъ была перенесена на оберъ-прокурора. Съ этого времени православная церковь получаетъ офиціальное наименованіе «вѣдомства православнаго исповѣданія", окончательно организованнаго при об.-прокурорѣ гр. Протасовѣ, въ 1835 г.—на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и всѣ другія министерства. Оберъ-прокуроръ вполнѣ получаетъ права министра по законодательнымъ и административнымъ дѣламъ православной церкви. По дѣламъ этого рода его стали приглашать въ засѣданія государственнаго совѣта и комитета министровъ, гдѣ онъ является единственнымъ представителемъ православной церкви.

Но изъ такого отношенія церкви къ государству, основаніе котораго было положено Духовнымъ регламентомъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы у насъ существовала система цезарепапизма, подчиняющая церковь государству даже въ догматическомъ и обрядовомъ отношеніи. Въ это заблужденіе западно-европейскіе изслѣдователи вводятся, главнымъ образомъ, потому, что въ актѣ о наслѣдіи престола, 5 апр. 1797 г., Императоръ именуется *Главою церкви*. Выраженіе это вошло въ основные законы, какъ примѣчаніе къ 42 ст. I т. Но выраженіе это едва-ли удачно характеризуетъ отношеніе Государя, котораго въ XVI в. болѣе правильно, можетъ быть, именовали „всероссійскимъ церковнымъ старостой", къ церкви. Выра-

новленіе патріаршества, какъ одну изъ мѣръ для борьбы съ раскольниками, которые относятся къ синоду, какъ къ учрежденію, заимствованному у протестантовъ (см. Церк. исторію Знаменскаго, стр. 409).

женіе „глава церкви“, написанное рукою Императора Павла, можетъ быть выражало его личный взглядъ, не оправдываемый историческими антецедентами, даже духовнымъ регламентомъ. Во всякомъ случаѣ это *главенство* имѣетъ относительный смыслъ—не тотъ, напримѣръ, въ какомъ главою церкви католической почитается папа, присвоившій себѣ право устанавливать даже новые догматы (безсѣменное зачатіе, непогрѣшимость папы), даже не тотъ, въ какомъ главою церкви англиканской почитается въ Англіи корона или лучше сказать парламентъ, присвоившій себѣ право вмѣшательства не только въ ритуалъ, но и въ догматику англиканской церкви.

42 ст. нашихъ основныхъ законовъ постановляетъ: „Императоръ, яко христіанскій Государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры и блюститель правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочинія“. Статья эта заимствована изъ духовнаго регламента („А яко христіанскій государь, правовѣрія-же и всякаго въ церкви святѣй благочинія блюститель“). Нѣкоторые изслѣдователи нашего конфессіональнаго вопроса не довольны такой редакціей 42 ст. Отецъ Горчаковъ [1]) видитъ въ ней отблескъ протестантскихъ воззрѣній, выраженныхъ въ ученіи о сумъ-епископатѣ. „Въ словахъ „блюститель правовѣрія“, говоритъ онъ, „такъ и слышится отраженіе понятія „Schirmherr der Reinheit der Lehre“. Г. Тернеръ [2]) находитъ болѣе правильнымъ выраженіе „защита и охрана догматовъ“ замѣнить „охрана церкви“. Ст. 42, по его мнѣнію, слѣдуетъ понимать такъ: „*хранителемъ* христіанскаго догмата является *вселенская церковь*, а *охранителемъ* мѣстной церкви—*глава государства*“. Несомнѣнно, редакція 42 ст. можетъ подавать

[1]) Разборъ письма къ профессору Трейтшке, Сб. госуд. Зн. т. II.

[2]) См. весьма интересное его изслѣдованіе »Свобода совѣсти и отношенія государства къ церкви«, т. III Сб. госуд. Зн.

поводъ къ недоразумѣніямъ и различнымъ толкованіямъ, а примѣчаніе къ ней порождать заблужденіе о русскомъ цезарепапизмѣ. Пересмотръ этой редакціи былъ-бы, поэтому, очень желателенъ.

Охраняя русскую православную церковь, самодержавная власть дѣйствуетъ въ управленіи ея дѣлами посредствомъ святѣйшаго правительствующаго синода, *Ею учрежденнаго* (ст. 43), или лучше сказать при посредствѣ бюрократической системы оберъ-прокурора, какъ „государева ока“ по дѣламъ церкви православной. Представленіе кандидатовъ на вакантныя епископскія каѳедры принадлежитъ синоду чрезъ оберъ-прокурора, но выборъ кандидата — неотъемлемое право верховной власти. Еще болѣе: она можетъ назначить на епископскую кафедру motu proprio. Подобные антецеденты, какъ утверждаетъ г. Горчаковъ, бывали въ періодъ синодальный. Да и могли быть, такъ какъ замѣщеніе епископскихъ каѳедръ верховной властію — скорѣе jus nominationis, чѣмъ jus affirmationis.

Допуская свободу вѣроисповѣданія церквамъ иновѣрнымъ — христіанскимъ и нехристіанскимъ — верховная власть по дѣламъ ихъ управленія дѣйствуетъ посредствомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ вѣроисповѣданій, въ которомъ сосредоточивается вѣдѣніе дѣлъ всѣхъ церквей иновѣрныхъ: римско- и армяно-католической, армяно-грегоріанской, протестантской, магометанской, еврейской и ламаитской. Дѣла-же раскольничьи вѣдаются, главнымъ образомъ, при посредствѣ комитета министровъ. Ст. 46 основныхъ законовъ постановляетъ: „дѣла церковныя христіанъ иностранныхъ исповѣданій и иновѣрцевъ въ Имперіи Россійской вѣдаются ихъ духовными властями и особенными правительствами, верховною властію къ сему предназначенными“.

Сопоставляя 43 и 46 статьи, профессоръ Градовскій справедливо находитъ, что въ управленіи православною церковью, какъ первенствующей и господствующей, верховная власть дѣйствуетъ чрезъ свой непосредственный органъ — синодъ, а управленіе дѣлами церквей иновѣрныхъ не относится къ области непосредственнаго дѣйствія верховной власти, но къ сферѣ управленія подчиненнаго [1]).

в) по дѣламъ законодательства.

1) *Характеръ законодательной власти въ Россіи.*

§ 31. Говоря объ отношеніи верховной власти къ законодательству, слѣдуетъ прежде всего опредѣлить основной характеръ законодательной власти въ Россіи.

Этотъ характеръ въ 47 ст. основныхъ законовъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

„Россійская Имперія управляется на твердомъ основаніи положительныхъ законовъ, уставовъ и учрежденій, отъ самодержавной власти исходящихъ“.

Для того, чтобы точно понять смыслъ этой статьи, слѣдуетъ разложить ее на составныя понятія. Этихъ составныхъ понятій три: 1) *Россійская Имперія управляется на твердомъ основаніи законовъ*; 2) *Законы эти — писанные, положительные*; 3) *Законы эти исходятъ отъ Самодержавной власти.*

Разберемъ смыслъ и значеніе каждаго изъ этихъ понятій въ отдѣльности.

1) *Россійская Имперія управляется на твердомъ основаніи законовъ*: значитъ, она примыкаетъ къ тѣмъ пра-

---

[1]) Начала Русскаго Госуд. права, т. II. 348.

вильно организованнымъ европейскимъ государствамъ, въ которыхъ все совершается на основаніи твердаго незыблемаго закона, а не по волѣ и прихоти правителя, какъ въ деспотіяхъ восточныхъ. Стремленіе обосновать русскій государственный строй на твердомъ основаніи незыблемаго закона возникаетъ давно. Оно современно московскому государству, и сказывается въ судебникахъ, въ уложеніи и въ другихъ актахъ указной дѣятельности московскихъ царей. Еще интенсивнѣе оно въ Императорскій періодъ, въ особенности въ стремленіи нашихъ лучшихъ монарховъ — Петра В., Екатерины II, Николая I, Александра II и друг. — водворить въ государствѣ *законность*.

2) *Законы, на твердомъ основаніи которыхъ управляется Россійская Имперія суть законы писанные, положительные:* значитъ, русскій государственный строй обоснованъ не на *обычномъ правѣ*, не выраженномъ письменной формулой, какъ англійскій common law, или древне-русская старина и пошлина — но на статьяхъ свода законовъ.

На первичныхъ ступеняхъ государственнаго развитія главнымъ источникомъ правовыхъ нормъ, регулирующихъ государственныя и частныя отношенія, является *обычай*. Весь древне-русскій строй жизни стоялъ на обычаѣ. Самое слово *обычай* было синонимомъ слову *законъ* [1]).

---

1) »Съ теченіемъ времени, однако, слово *законъ* перестало обозначать *обычай*, и стало употребляться въ теперешнемъ смыслѣ продукта законодательной дѣятельности. Путь къ этому новому словоупотребленію проложили переводы съ памятниковъ греческой письменности.... Обособленіе понятій закона и обычая началось у насъ, такимъ образомъ, только благодаря вліянію памятниковъ греческой письменности. Къ уставной дѣятельности русскихъ князей слово »законъ« первоначально вовсе не примѣнялось. Древнѣйшіе памятники указной дѣятельности князей носятъ наименованіе *уставовъ*, *уроковъ*, а не *законовъ*. Даже въ царскую эпоху, когда указная дѣятельность

Съ усложненіемъ и развитіемъ государства, обычай начинаетъ мало по малу уступать свое преобладающее мѣсто другому источнику правовыхъ нормъ—*законодательству положительному*. Московское государство, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ Сергѣевичъ, стоитъ на рубежѣ этихъ двухъ фазъ. Важнѣйшіе вопросы государственнаго быта—напримѣръ престолонаслѣдіе; важнѣйшіе вопросы государственнаго управленія—напримѣръ организація царской думы, земскихъ соборовъ не были опредѣлены уставами, но основывались на старинѣ и пошлинѣ. Но для московскаго государства пошлины и и старины было уже мало: ими не могли быть регулированы всѣ усложнившіеся государственные вопросы. Начинаетъ развиваться законодательная дѣятельность московскихъ царей, которые болѣе и болѣе проникаются сознаніемъ, что воля государя можетъ творить право: развивается указная дѣятельность московскихъ царей, конкурирующая съ обычаемъ и практикой.

Петръ В. еще болѣе умаляетъ старину и пошлину, замѣняя ихъ *регламентомъ* и *указомъ*. Обычай, какъ основаніе государственнаго строя, утрачиваетъ значеніе, но народъ, конечно, не отрекается, вслѣдствіе этого, отъ своихъ стародавнихъ обычаевъ, которые загоняются только въ закоулки и глубь народной жизни.

Такой же ходъ въ постепенномъ умаленіи обычая, уступавшаго мѣсто положительному закону, мы замѣчаемъ во всѣхъ другихъ западно-европейскихъ государствахъ. Одна Англія составляетъ исключеніе: ея common law даже господствуетъ надъ statute law.

московскихъ государей достигла такого значительнаго развитія, продукты этой дѣятельности называются не законами, а по старому: уставами, грамотами, судебниками, уложеніями« (слова проф. Сергѣевича: »Лекціи и изслѣдованія«, 95).

Но не смотря на всеобщее преобладаніе положительнаго закона, обычай нигдѣ абсолютно не упраздненъ. Какъ-же опредѣляется въ современномъ государствѣ отношеніе обычая, какъ исключенія къ положительному закону, какъ правилу? Изъ курса профессора Градовскаго видно, что отношеніе это опредѣляется двояко: „1) степень дѣйствительности обычнаго права опредѣляется закономъ т. е. обычные постановленія примѣняются по стольку, по сколько это допущено законодательною властью; 2) нѣкоторые законодательства прямо исчисляютъ случаи по отношенію къ которымъ можно руководиться обычаемъ“ [1]).

Послѣднимъ способомъ разрѣшенія этого вопроса руководствуется и нашъ сводъ, давшій окончательную санкцію господству положительнаго закона надъ обычаемъ. Но давши такую санкцію, сводъ допускаетъ возможность примѣненія обычая: по дѣламъ торговымъ комерческіе суды должны принимать въ основаніе своихъ рѣшеній торговые обычаи [2]); кочующіе инородцы управляются и судятся по своимъ степнымъ обычаямъ; волостные суды въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшаютъ дѣла на основаніи мѣстныхъ крестьянскихъ обычаевъ [3]); ми-

---

[1]) См. Начала Русскаго Госуд. права, т. I, стр. 17.

[2]) »Рѣшенія комерческихъ судовъ утверждаются на законахъ; въ тѣхъ-же случаяхъ, на кои нѣтъ точныхъ и ясныхъ законовъ, дозволяется принимать въ основаніе *торговые обычаи* и примѣры рѣшеній, въ томъ-же судѣ послѣдовавшихъ и вступившихъ окончательно въ законную ихъ силу« (Уст. торг., ст. 1714).

[3]) »Если тяжущіяся стороны не пойдутъ на мировую сдѣлку, то судъ рѣшитъ дѣло либо на основаніи заявленныхъ въ волостномъ правленіи сдѣлокъ и обязательствъ, если таковыя были заключены между спорящими сторонами, либо, при отсутствіи таковыхъ сдѣлокъ, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту« (Крест. Пол. ст. 107).

ровымъ судьямъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, дозволяется руководствоваться общеизвѣстными мѣстными обычаями [1]); сводъ, при вводѣ во владѣніе недвижимымъ, имѣніемъ узаконяетъ *обычный обрядъ, издавна введенный*. (Т. X. ст. 929) и т. д.

3) *Законы, на твердомъ основаніи которыхъ управляется Россійская Имперія исходятъ отъ самодержавной власти.* Это основной признакъ, отличающій законодательную власть самодержавно-неограниченной Россіи отъ законодательной власти конституціонно-представительнаго государства Западной Европы.

Законодательная власть въ Россіи концентрируется въ особѣ Государя Императора, какъ одна изъ стихій Его державнаго права. Законодательство въ Россіи—продуктъ творческой самодержавной воли. Законодательная власть въ государствѣ представительномъ раздѣляется между короной и народными депутатами. Законодательство въ конституціонномъ государствѣ—продуктъ соглашенія, компромисса между монархомъ и народными представителями. Парламентъ—учрежденіе *законодательное*; въ Россіи же нѣтъ и при существующихъ порядкахъ не можетъ быть *законодательныхъ* учрежденій, а только *законосовѣщательныя*, какъ напримѣръ, государственный совѣтъ—путь къ державному законодателю. Нашъ государственный совѣтъ не правильно названъ Сперанскимъ *сословіемъ*. Онъ вовсе не составляетъ корпорацію, съ политической властію, выражаемой его большинствомъ [2]). Его

---

[1]) При постановленіи рѣшенія мировой судья можетъ, по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ, руководствоваться общеизвѣстными мѣстными обычаями, но лишь въ томъ случаѣ, когда примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ дозволяется именно закономъ, или въ случаяхъ положительно не разрѣшаемыхъ законами«. (Уст. Гр. Суд. ст. 130).

[2]) При образованіи государственнаго совѣта въ 1810 г., по мысли Сперанскаго, установлена была особая форма для издаваемыхъ за-

персоналъ, подобно персоналу царской думы, неопредѣленъ, совершенно завися отъ благоусмотрѣнія государя; онъ не представляетъ собою никакихъ сословій, никакихъ партій или общественныхъ интересовъ съ поруче-

---

коновъ. Они издавались въ видѣ манифестовъ: »внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, постановляемъ или учреждаемъ«. Въ этой формѣ, дѣйствительно, заключалось нѣкоторое ограниченіе самодержавной законодательной власти: проэктъ закона, противъ котораго высказалось большинство, не могъ быть утвержденъ государемъ, ибо нельзя было издать его въ формѣ »внявъ мнѣнію«. Противъ этого новшества особенно сильно возсталъ Карамзинъ, этотъ истинный оберегатель вѣковѣчной самодержавной власти русскаго государя. »Поздравляю« писалъ онъ въ своей запискѣ »О старой и новой Россіи« »изобрѣтателя сей новой формы или предисловія законовъ: »внявъ мнѣнію совѣта«. Государь Россійскій внемлетъ только мудрости, гдѣ находитъ ее: въ собственномъ-ли умѣ, въ головахъ-ли лучшихъ своихъ подданныхъ; но въ самодержавіи не надобно никакого одобренія для законовъ, кромѣ подписи государя . . Выраженіе »le conseil d'état entendu« не имѣетъ смысла для гражданина россійскаго; пусть французы, справедливо или несправедливо, употребляютъ оное«. Сблизимъ эти слова съ тѣми, которыя мы недавно читали въ одной изъ передовыхъ статей Московскихъ Вѣдомостей (№ 12, 1884 г.) »Законъ бы потерялъ для народа свою внутреннюю силу, когда бы намъ удалось увѣрить его, что законодательство наше есть дѣло изволенія большинства *неизвѣстныхъ ему генераловъ*. Народъ чтитъ законъ и повинуется ему лишь въ увѣренности, что онъ исходитъ отъ царя, и чѣмъ яснѣе для народа признакъ его воли въ законѣ, тѣмъ обязательнѣе и священнѣе для него законъ«.

Новшество Сперанскаго, противорѣчившее всѣмъ нашимъ традиціямъ, на практикѣ часто нарушалось самимъ Александромъ I. Тѣмъ не менѣе, введенная имъ формула признавалась еще первымъ изданіемъ свода, и только реформа госуд. совѣта 15 апр. 1842 г. окончательно ее отмѣняетъ: большинство государственнаго совѣта стало *легально* не обязательнымъ для государя (см. Лекціи пр. Сергѣевича, стр. 162; Начала Русскаго госуд. права пр. Градовскаго, т. I, стр. 31).

нiемъ или полномочiемъ поддерживать ихъ и за нихъ ходатайствовать. Его миссiя просто-на-просто ограничивается подачей совѣта монарху, который воленъ принять его или отвергнуть, поступивъ по собственному благоусмотрѣнiю.

Сосредоточенiе законодательной дѣятельности въ многочисленныхъ парламентахъ не есть лучшая сторона представительнаго строя, и даже не есть необходимая и неизбѣжная принадлежность этого строя.

Многочисленная коллегiя, члены которой нерѣдко набираются путемъ всяческихъ избирательныхъ подвоховъ и махинацiй и представляютъ разнообразные интересы, не всегда тождественные съ интересами страны, весьма часто издаетъ законы партiйныя, въ угоду тому интересу, который въ данную минуту, правдами и неправдами, получаетъ въ парламентѣ доминирующее большинство. Таковъ, напримѣръ, характеръ законодательства многихъ буржуазныхъ палатъ континентальныхъ.

Многочисленная коллегiя, нерѣдко состоящая изъ членовъ, спецiально не подготовленныхъ къ дѣлу законодательства, часто издаетъ законы не точные, запутанные, крайне не удовлетворительные въ редакцiонномъ отношенiи. Таково, напримѣръ, сложное хаотическое законодательство парламентарной Англiи, которое, по отзыву лорда Кранворта издается въ такой запутанной и дурной редакцiи, что трудно найти умъ, способный одолѣть законодательный матерiалъ, незнанiе котораго—даже для судей—перестало давно быть стыдомъ. Этотъ отзывъ вполнѣ подтверждается мнѣнiями иностранныхъ писателей, познакомившихся съ хаотическимъ закодательствомъ Англiи. Фишель приводитъ мнѣнiе Шульте: „парламентскiе акты представляютъ нерѣдко совершенный контрастъ тому, что можетъ быть названо хорошимъ закономъ“.

Парламентарное законодательство не есть также, какъ думаетъ, между прочимъ, Миль, необходимая и неизбѣжная принадлежность представительнаго государства, главный смыслъ котораго долженъ бы заключаться въ контролѣ надъ правительствомъ, въ повѣркѣ его актовъ, въ отвѣтственности правительственныхъ органовъ предъ представителями народа, въ заявленіи послѣдними всенародныхъ нуждъ и желаній.

Вотъ почему начинаютъ встрѣчаться въ западной Европѣ политическіе мыслители, протестующіе противъ парламентарнаго законодательства: Францъ въ Германіи, Миль въ Англіи. Послѣдній указываетъ на законодательную процедуру аѳинской демократіи, во время ея высшаго процвѣтанія, какъ на примѣръ достойный подражанія: народная *Эклезіа* издавала только *псефизмы* — декреты полицейскіе; законы же въ собственномъ смыслѣ издавались не столь многочисленной коллегіей *номовѣтовъ*, имѣвшей вообще кодификаціонную функцію [1]).

Отъ протеста парламентарному законодательству начинаютъ переходить къ протесту парламентарному и даже конституціонному режиму вообще.

Кабинетная доктрина, пришедшаяся на руку среднимъ зажиточнымъ классамъ, добивавшимся господства въ государствѣ, конституціонный и парламентарный режимъ долгое время считался послѣднимъ словомъ политической мудрости, панацеей отъ всѣхъ претерпѣваемыхъ западной Европой бѣдъ и золъ. Но результаты его долговременнаго господства таковы, что въ западной Европѣ начинаетъ болѣе и болѣе укрѣпляться сомнѣніе въ превосходствѣ существующаго въ ней порядка.

„Парламентарная система находится теперь на скамьѣ подсудимыхъ“ (now the parliamentary system is on its trial),

---

[1]) Le gouvernement représentatif, par St. Mill. p. 120.

какъ сказалъ еще покойный супругъ королевы Викторіи, принцъ Альбертъ. Дѣйствительно, въ политической литературѣ замѣчается новое движеніе—порицаніе парламентаризма; скептическое къ нему отношеніе, которое иногда проглядываетъ довольно интенсивно. Укажемъ на нѣкоторые образцы этого новаго и знаменательнаго литературнаго теченія: *Марко Мингетти* „Политическія партіи и ихъ вмѣшательство въ судъ и администрацію“ (I Partici, politici e la Ingerenza loro nella giustizia e nell'amministrazione), по поводу которой написана статья Эмилемъ Лавле (издана въ русскомъ переводѣ „Парламентарный образъ правленія и демократія“); *Адольфа Принса* (Prins) „Демократія и парламентарный, порядокъ“ (La democratie et le régime parlementaire); *Давида Сайма* (Syme) „Ошибки и недостатки англійской представительной системы“ (Representative Government in England, its Faults and Failures) [1]).

Возвращаясь къ родному самодержавному законодательству, не можемъ не сказать, что въ его исторіи, въ противоположность партійному и запутанному законодательству парламентарному, встрѣчается не мало законодательныхъ актовъ, проникнутыхъ глубокою законодательной мудростію, идеей всенароднаго блага и образцовой редакціи. Разумѣемъ многія постановленія Петра В. и Екатерины II, многіе законы Александра I; положеніе объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, судебные уставы и другія законоположенія Александра II.

2) *Законъ и правительственное постановленіе.*

§ 32. Въ наукѣ стараются провести строгое различіе между *закономъ* (loi, Gezetz) и *правительственнымъ по-*

[1]) Англійская конституція is at best a cumbrous and unwieldy piece of machinery what little work it does, it does slowly and badly (Introduction, XXV).

становленіемъ или *распоряженіемъ* (ordonnance, Verordnung). Весьма талантливо различаетъ признаки того и другаго вѣнскій профессоръ Штейнъ, въ своемъ Verwaltungslehre. Въ русской литературѣ вопроса касается пр. Градовскій, стараясь указать на отличіе закона отъ распоряженія вообще (стр. 13, 1 т. Началъ) и по русскому праву въ особенности (стр. 51). Теоретически говоря, между закономъ и правительственнымъ постановленіемъ—весьма существенная разница, какъ въ степени ихъ обязательной силы (законъ всегда долженъ господствовать надъ постановленіемъ) и образѣ составленія (законы исходятъ отъ законодательной власти, постановленія отъ правительственной), такъ и въ предметахъ ихъ опредѣленій (законы устанавливаютъ постоянныя права и отношенія, постановленія регулируютъ отдѣльные случаи, возникающіе въ текущей администраціи).

Екатерина II, въ своемъ наказѣ, точно опредѣляетъ различіе между *законами* и *указами*. Подъ законами она разумѣетъ «тѣ установленія, которыя ни въ какое время не могутъ перемѣниться", а подъ указами „все то, что̀ для какихъ-нибудь дѣлается приключеній, и что̀ только есть случайное, или на чью особу относящееся, и можетъ со временемъ перемѣниться".

Но на практикѣ различіе между закономъ и правительственнымъ постановленіемъ всегда обусловливается строемъ государства—отношеніемъ между властями законодательной и правительственной. Если между этими властями проведено строгое различіе и обозначены различныя сферы ихъ дѣятельности—тогда законъ существенно разнится отъ правительственнаго постановленія. Таковы порядки континентальныхъ представительныхъ государствъ. Если же законодательная власть не строго отдѣляется отъ правительственной—законъ смѣшивается съ правительственнымъ постановленіемъ. Такъ напри-

мѣръ въ Англіи всякія постановленія парламента имѣютъ силу закона: всякій private bill есть такой же самый законъ, какъ и парламентскій статутъ, измѣняющій конституцію.

Подобно тому и у насъ въ Россіи, сосредоточеніе всѣхъ государственныхъ властей въ особѣ Государя Императора, привело къ тому, что правительственныя постановленія не отличаются отъ законовъ. Рескрипты, которыми верховная власть дѣйствуетъ въ порядкѣ управленія, относительно своей обязательной силы, ничѣмъ не отличаются отъ законовъ, которыми верховная власть дѣйствуетъ въ порядкѣ законодательномъ. Коллизія высочайшаго рескрипта съ закономъ не предусматривается нашимъ законодательствомъ. Но еслибъ она произошла въ дѣйствительности, то по духу нашего государственнаго строя, позднѣйшая верховная воля, сказавшаяся въ рескриптѣ, господствовала-бы надъ закономъ прежнимъ [1]).

Если можно, такимъ образомъ, проводить разграничительную черту между законами и правительственными постановленіями у насъ въ Россіи, то въ сферѣ управленія подчиненнаго. Правительственныя постановленія мѣстъ и властей подчиненныхъ *должны быть законны:* коллизія между такими постановленіями и законами можетъ быть разрѣшена только въ смыслѣ господства за-

---

[1]) Знаменитый рескриптъ, напримѣръ, 1866 г., состоявшійся на имя предсѣдателя комитета министровъ кн. Гагарина, имѣлъ огромное вліяніе на всю внутреннюю политику. Однимъ изъ непосредственныхъ его послѣдствій было расширеніе правъ губернаторовъ положеніемъ комитета министровъ 22 іюля 1866. Рескриптъ 1865 г. опредѣлилъ предѣлы *сословнаго, земскаго* и *городскаго* представительства о *мѣстныхъ* нуждахъ; рескриптъ 29 апр. 1881 г. категорически разрѣшилъ вопросъ объ образѣ правленія въ Россіи.

кона. Но въ Сводѣ у насъ не проведено и это различіе, такъ какъ въ немъ принципіальные законы безразлично перемѣшаны съ постановленіями второстепенными.

3) *Инициатива закона.*

§ 33. Потребность въ изданіи новаго закона можетъ чувствовать само общество. Но вліяніе общества на законодательный починъ обусловливается строемъ государства. Въ государствѣ представительномъ возможно большее вліяніе общества на ходъ законодательства, чѣмъ въ государствѣ самодержавномъ. Въ государствѣ представительнаго строя, строго говоря, законодательный починъ исходитъ отъ общества, чрезъ посредство правительства, т. е. министровъ. Въ Англіи, напримѣръ, возбужденію вопроса объ изданіи новаго закона въ парламентѣ предшествуютъ народные митинги, обсуждающіе вопросъ объ изданіи новаго закона, предшествуютъ петиціи. Корона въ Англіи даже вовсе лишена права законодательнаго почина, и если ея министры предлагаютъ палатамъ объ изданіи новаго закона, то въ качествѣ членовъ парламента, а не совѣтниковъ короны. Въ другихъ конституціонныхъ государствахъ законодательный починъ раздѣляется между короной и парламентомъ, и только въ наполеоновскихъ коституціяхъ онъ всецѣло принадлежалъ коронѣ.

Въ Россіи до Петра В. общество несомнѣнно имѣло бо́льшее вліяніе на ходъ законодательства. Преобразованія судоустройства Іоанномъ IV произведены были на основаніи крестьянскихъ челобитныхъ; весьма важныя законоположенія въ 17 ст. состоялись также вслѣдствіе челобитныхъ всякихъ чиновъ, или вслѣдствіе вопросовъ, возбужденныхъ на земскихъ соборахъ. Съ Петра В. законодательство наше пріобрѣтаетъ болѣе теоретическій

характеръ, и въ развитіи своемъ начинаетъ менѣе подлежать вліянію общества. Но все таки вліяніе это окончательно не упраздняется. Не говоря о знаменитой законодательной коммисіи 1767 г., въ которой общество, въ лицѣ своихъ депутатовъ, заявило о необходимости изданія новыхъ законовъ, Екатерина II предоставила дворянскимъ обществамъ предстательствовать о нуждахъ края, чѣмъ открыта была этимъ обществамъ возможность вліять на возбужденіе новыхъ законовъ. Въ настоящее время, такое же право перешло наземскія собранія [1]) и на городскія думы, лишенныя, впрочемъ, возможности непосредственно сноситься съ верховною властію. Но это предстательство должно имѣть *сословное* и *мѣстное* значеніе и не должно касаться вопросовъ государственнаго устройства и управленія, равно какъ и интересовъ другихъ сословій. Этотъ принципъ ясно выраженъ въ достопримѣчательномъ рескриптѣ 1865 г. по поводу признаннаго незаконнымъ ходатайства московскаго дворянскаго собранія. Въ рескриптѣ сказано: „ни одно сословіе не имѣетъ права говорить именемъ другихъ сословій. Никто не призванъ принимать на себя ходатайства предъ Государемъ Императоромъ объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства“ [2]).

Наконецъ, и частнымъ лицамъ, чрезъ прежнюю *коммисію прошеній*, дана была возможность возбуждать вопросы объ изданіи новыхъ законовъ, представля прошенія, съ проектомъ предлагаемаго закона, и „если коммисія про-

---

[1]) Одинъ изъ прежнихъ примѣровъ пользованія этимъ правомъ —ходатайство Курскаго губ. земскаго собранія объ уменьшеніи имущественнаго ценза для выбора въ мировые судьи съ 400 на 200 десятинъ, которое было отклонено м. юстиціи, по совѣщаніи съ м. внутреннихъ дѣлъ.

[2]) I т. соч. пр. Градовскаго, стр 24.

шеній", какъ постановляетъ 60 ст., „признаетъ проэктъ заслуживающимъ вниманія, то испрашиваетъ высочайшее повелѣніе на внесеніе его въ государств. совѣтъ".

Такимъ образомъ, до извѣстной степени допускается и у насъ *частный починъ:* общество и даже частныя лица не устраняются абсолютно отъ вліянія на законодательную дѣятельность. Тѣмъ не менѣе *починъ официальный* преобладаетъ. Еще болѣе: строго юридически говоря, законодательный починъ, инициатива новаго закона принадлежитъ у насъ одной верховной власти. Общество можетъ чувствовать потребность въ изданіи новаго закона и заявлять о томъ въ своихъ органахъ, но поставить вопросъ о томъ, *чтобъ новый законъ былъ изданъ*, можетъ одна только верховная власть.

Правомъ законодательнаго почина верховная власть можетъ пользоваться или непосредственно, когда по высочайшему усмотрѣнію и повелѣнію государя составляются проэкты новыхъ законовъ, или посредствомъ своихъ органовъ, всеподданнѣйше представляющихъ императору о необходимости изданія новаго закона. Статья 49 основныхъ законовъ постановляетъ: „первообразное предначертаніе законовъ составляется или по особому высочайшему усмотрѣнію и непосредственному повелѣнію, или же пріемлетъ начало свое отъ общаго теченія дѣлъ, когда при разсмотрѣніи оныхъ въ прав. сенатѣ, въ св. синодѣ и министерствахъ, признано будетъ необходимымъ или пояснить и дополнить дѣйствующій законъ, или составить новое постановленіе. Въ семъ случаѣ мѣста сіи подносятъ предположенія ихъ установленнымъ порядкомъ на высочайшее благоусмотрѣніе".

Каждое присутственное мѣсто, примѣняя въ общемъ теченіи дѣлъ существующіе законы, можетъ почувствовать ихъ недостатки, необходимость измѣненія, дополненія, отмѣны или замѣны новымъ закономъ, но на благо-

усмотрѣніе верховной власти дѣлать представленія объ этомъ могутъ только высшія государственныя учрежденія, за исключеніемъ госуд. совѣта, лишеннаго права почина. Главнымъ образомъ, представленія эти идутъ чрезъ *министровъ*, которые, ближе стоя къ разнымъ частямъ государственнаго управленія, могутъ лучше оцѣнивать недостатки существующаго законодательства и необходимость его обновленія. На практикѣ, такимъ образомъ, законодательный починъ принадлежитъ министрамъ у насъ, такъ же, какъ и въ западной Европѣ. Но законы регулируютъ, обставляя извѣстными условіями этотъ законодательный починъ министровъ. Министръ можетъ приступить къ предложенію новаго закона не прежде, какъ съ точностію удостовѣрясь въ недостаткахъ и неудобствахъ прежняго закона. Поэтому, онъ долженъ предварительно обозрѣть существующія постановленія во всемъ ихъ пространствѣ, сравнить возможныя послѣдствія новаго закона съ предыдущимъ порядкомъ; затѣмъ дѣло передается на общее уваженіе всѣхъ директоровъ, совѣтъ министра составляющихъ. Потомъ министръ входитъ въ сношеніе со 2-мъ отдѣленіемъ, теперь замѣненнымъ кодификаціоннымъ отдѣломъ, когда признаетъ то нужнымъ по важности дѣла, а въ противномъ случаѣ ограничивается сообщеніемъ главноуправляющему этимъ отдѣленіемъ копіи съ составленнаго предложенія о новомъ законѣ. Послѣ того предложеніе поступаетъ на предварительное обсужденіе совѣта министровъ, откуда вносится въ гоеударственный совѣтъ, съ Высочайшаго разрѣшенія (Учр. М. ст. 200, измѣн. продолженіями).

Если законодательный вопросъ возбуждался въ сенатѣ, то онъ передавался на заключеніе II отдѣленія С. Е. И. В. канцелярін не прежде какъ по обсужденіи дѣла въ общемъ собраніи сената, и притомъ не изъ самаго

сената, а отъ министра юстиціи, который послѣ сего, въ случаѣ согласія съ могущими быть отъ II отд. замѣчаніями, поставлялъ ихъ въ виду сената, или, въ противномъ случаѣ, сообщалъ II отд. о причинахъ своего несогласія, и потомъ, если не убѣждался его возраженіями, пропускалъ опредѣленіе сената; при внесеніи же онаго въ государственный совѣтъ, заявлялъ сему послѣднему о происшедшемъ со II отдѣленіемъ разногласіи. (Прим. 3 къ 227 ст. Учр. Сената, по прод. 1864 г.). Прежняя роль II отд. въ подобныхъ случаяхъ можетъ быть замѣнена теперь кодификаціоннымъ отдѣломъ госуд. совѣта.

Новые судебные уставы устанавливаютъ также способъ возбужденія вопросовъ объ изданіи новыхъ законовъ посредствомъ *прокуроровъ*. По ст. 136 этихъ уставовъ, если обнаружится неполнота закона, и прокуроръ окружнаго суда признаетъ необходимымъ возбудить законодательный вопросъ, то о замѣченной имъ неполнотѣ закона онъ доноситъ прокурору судебной палаты, отъ коего зависитъ представить возбужденный вопросъ на усмотрѣніе министра юстиціи.

4) *Составленіе, утвержденіе и обнародованіе закона.*

§ 34. Послѣдствіемъ исходящей отъ Верховной власти или принятой Ею иниціативы, является *составленіе* новаго закона.

Въ составленіи новаго закона слѣдуетъ различать слѣдующіе моменты: 1) составленіе проэкта закона или его первообразное предначертаніе, 2) расмотрѣніе проэкта или его обсужденіе, 3) Высочайшая санкція или утвержденіе проэкта Верховной властію, 4) обнародованіе новаго закона.

1. Въ *первообразномъ предначертаніи* или *проэктѣ* новаго закона по возможности долженъ быть сохраненъ планъ соотвѣтствующаго ему закона въ сводѣ, и всѣ предполагаемыя измѣненія должны быть указаны въ отмѣткахъ подъ статьями краткими словами: въ *поясненіе* такой-то статьи, въ *дополненіе*, въ *отмѣну*, въ *перемѣну*, въ *ограниченіе* или въ *замѣну*. Это необходимо для того, чтобы облегчить трудъ государственнаго совѣта, при соображеніи соотношенія новаго закона съ системой законодательства своднаго.

Проэктъ закона можетъ быть составленъ въ министерствѣ, возбудившемъ новый законодательный вопросъ, что̀ большей частью и бываетъ, или въ какомъ-нибудь другомъ установленіи. При существованіи II отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, ему иногда поручалось составленіе проэкта новаго закона; эта функція можетъ перейти въ кодификаціонный отдѣлъ, состоящій при госуд. совѣтѣ, образованный изъ прежде бывшаго II отдѣленія.

Иногда для составленія проэкта новаго закона, особенно важнаго, затрогивающаго капитальные интересы государства, составляются комиссіи, въ составъ которыхъ приглашаются эксперты. Такія комиссіи составлялись при изданіи закона, отмѣнившаго крѣпостную зависимость; судебныхъ уставовъ, земскихъ учрежденій, городоваго положенія 1870 г., устава о воинской повинности 1 янв. 1874 г. и т. д.

2. *Разсмотрѣніе* проэкта новаго закона можетъ быть *частное* и *офиціальное*. *Частное*—общественнымъ мнѣніемъ, которое высказывается въ органахъ прессы; экспертами, на обсужденіе которыхъ правительство можетъ предложить проэктъ новаго закона (крестьянская реформа, судебная, учебная и др.).

Между обсужденіемъ частнымъ и офиціальнымъ средину занимаетъ обсужденіе проэкта въ земскихъ собраніяхъ, которыя могутъ подать полезный совѣщательный голосъ. Такъ напр. обсужденію этихъ собраній предложена была замѣна подушной подати налогомъ поземельнымъ.

Офиціальное обсужденіе можетъ быть *предварительнымъ* и *окончательнымъ*.

Предварительное совершается въ совѣтѣ министра, если законодательный вопросъ возбужденъ въ министерствѣ; въ общемъ собраніи сената, если законодательный вопросъ возбуждается въ этомъ учрежденіи; въ прежнемъ II отдѣленіи или теперешнемъ кодификаціонномъ комитетѣ, если поручаютъ имъ это предварительное разсмотрѣніе. Если проектъ закона затрогиваетъ различныя вѣдомства, онъ подлежитъ предварительному разсмотрѣнію всѣхъ тѣхъ министровъ, которыхъ касается.

Послѣдняя стадія предварительнаго офиціальнаго обсужденія — уже на порогѣ перехода проэкта въ государственный совѣтъ — совѣтъ министровъ, который обыкновенно собирается подъ предсѣдательствомъ Государя Императора.

Изъ совѣта министровъ проэктъ новаго закона поступаетъ на *окончательное* обсужденіе государств. совѣта, составляющаго главное и центральное законосовѣщательное установленіе Россіи, которое творецъ его, гр. Сперанскій, думалъ сдѣлать *единственнымъ*, что прямо явствуетъ изъ 198 ст. общаго министерскаго наказа, гласящей слѣдующее: „государственный совѣтъ есть средоточіе, куда поступаютъ *всѣ* представленія о новыхъ законахъ. Никакое положеніе, подлежащее предварительному разсмотрѣнію и уваженію госуд. совѣта на основаніи учрежденія его, не представляется Императорскому Величеству мимо сего совѣта“.

Первоначально проэктъ закона поступаетъ на обсужденіе того или другаго департамента государств. совѣта, по принадлежности своего содержанія. Обыкновенно, если проэктъ имѣетъ общегосударственное значеніе, то онъ поступаетъ въ департаментъ законовъ, проэктъ финансовый—въ департаментъ госуд. экономіи и т. д.

По обсужденіи проэкта въ департаментѣ, онъ переходитъ въ общее собраніе госуд. совѣта, которое обсуждаетъ его окончательно—какъ въ принципѣ, такъ и въ деталяхъ—даетъ ему окончательную редакцію и голосованіемъ рѣшаетъ вопросъ о его принятіи или непринятіи. Каковъ бы ни былъ результатъ голосованія, проэктъ закона переходитъ къ Государю Императору, и подлежитъ его Высочайшей санкціи, которая не обусловливается голосами госуд. совѣта, но есть самостоятельный творческій актъ самодержавной власти.

Такимъ образомъ, проэктъ закона, вошедшій въ госуд. совѣтъ, не можетъ уже быть взять изъ него обратно, ибо на внесеніе его послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Государственный совѣтъ, при обсужденіи проэкта новаго закона, какъ отдѣльными департаментами, такъ и общимъ собраніемъ, пользуется самымъ широкимъ *правомъ поправокъ* (droit d'amendement). Это *право поправокъ* первоначальнаго проэкта получило широкое развитіе въ дѣлопроизводствѣ англійскаго парламента. Оно почти было отмѣнено французскими наполеоновскими конституціями, примѣру которыхъ послѣдовали нѣкоторыя континентальныя. Путемъ поправокъ первоначальный проэктъ новаго закона можетъ потерпѣть самыя существенныя перемѣны. Поправки могутъ быть такъ значительны, что совершенно видоизмѣнятъ первоначальный проэктъ, внесенный министромъ, но министръ обязанъ приводить законъ въ исполненіе, какъ бы сильно

не отличалась принятая госуд. совѣтомъ редакція отъ его первоначальнаго предположенія[1]). Большія или меньшія поправки во всякомъ случаѣ зависятъ отъ большаго или меньшаго достоинства редакціи и формуловки первоначальнаго проэкта. Неумѣло составленный проэктъ такъ же мало можетъ быть исправленъ поправками, какъ дурное стихотвореніе критикой не можетъ быть превращено въ хорошее. Это замѣчаніе Блунчли, который прибавляетъ, что „хорошій законъ такое мастерское произведеніе, что тотъ, который представляетъ его проэктъ, долженъ быть истиннымъ мастеромъ“.

Обсужденіе проэкта новаго закона сначала въ отдѣльныхъ департаментахъ государственнаго совѣта, а потомъ въ общемъ собраніи, представляетъ нормальный порядокъ. Отъ него бываютъ изъятія: проэкты нѣкоторыхъ законовъ поступаютъ иногда прямо въ общее собраніе, помимо департаментовъ. Это имѣетъ мѣсто въ особенности относительно важныхъ законовъ, для разсмотрѣнія проэкта которыхъ назначались комиссіи ad hoc: напр. положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости и т. д.

По мысли гр. Сперанскаго, сказавшейся въ 198 ст. общ. нак. мин., государственный совѣтъ долженъ былъ составлять единственный путь къ верховной законодательной власти. Но мало-по-малу съ нимъ начали въ этомъ отношеніи конкурировать другія установленія; 1) министры, по докладамъ которыхъ стали Высочайше разрѣшаться нѣкоторые законодательные вопросы; 2) коми-

---

[1]) Въ общемъ учрежденіи министерствъ сказано: »Когда сила закона или учрежденія къ исполненію доставленнаго, будетъ несогласна, или даже и противна первоначальнымъ предположеніямъ министра; онъ тѣмъ не менѣе долженъ его исполнить такъ точно, какъ бы самъ его предложилъ (1-е П. С. З. № 24686, § 221).

тетъ министровъ, пріобрѣтавшій въ послѣднее время большее и большее значеніе, какъ учрежденіе, чрезъ которое, дѣйствуя въ порядкѣ исполнительномъ, верховная власть толкуетъ и изъясняетъ законы [1]); 3) прав. сенатъ; 4) синодъ, имѣющій законосовѣщательное значеніе, по вопросамъ церковнымъ; 5) военный совѣтъ и 6) адмиралтействъ совѣтъ.

Въ какой мѣрѣ эти конкурирующія съ государств. совѣтомъ учрежденія ограничиваютъ его законосовѣщательныя функціи?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно бы найти въ 24 ст. учр. госуд. совѣта, постановляющей: „изъ всѣхъ предметовъ, поступающихъ на предварительное уваженіе государственнаго совѣта, изъемлются: 1) дѣла, кои особенно предоставлены непосредственному докладу министра; 2) дѣла, кои подлежатъ соображеніямъ комитета министровъ, или разсмотрѣнію и разрѣшенію правительствующаго сената, или же не превышаютъ собственной власти министровъ, на основаніи учрежденій, уставовъ и законовъ; 3) всѣ дополненія и поясненія законовъ или

---

[1]) Комитетъ министровъ, неимѣвшій особаго значенія въ началѣ текущаго столѣтія, въ послѣднее время сталъ болѣе и болѣе пріобрѣтать доминирующее вліяніе въ сферѣ центральнаго управленія: журналы комитета министровъ, Высочайше конфирмованные, начинаютъ конкурировать съ мнѣніями госуд. совѣта, получая поистинѣ значеніе законодательныхъ актовъ. Положеніемъ 22 іюля 1866 г., напримѣръ, комитетъ министровъ расширилъ права губернаторовъ: функція чисто-законодательная. Нельзя не порадоваться газетнымъ извѣстіямъ, что комитету министровъ поручено изданіе журналовъ за все время его существованія, и что первый томъ обниметъ занятія комитета съ 1802 по 1826 г. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ журналахъ найдется драгоцѣнный матеріалъ для исторіи нашей новѣйшей администраціи.

мѣры усовершенствованія законодательства, до военнаго вѣдомства относящіяся..."

Но изъ этой статьи ясна только конкурирующая роль военнаго и адмиралтействъ—совѣтовъ. Эти учрежденія, входящія въ составъ своихъ министерствъ, съ существующими при нихъ кодификаціонными комитетами, разсматриваютъ проэкты такихъ законовъ, которые касаются технической части военно сухопутнаго или морскаго дѣла, и не имѣютъ никакого соприкосновенія съ другими частями государственнаго управленія. Къ этому можемъ прибавить синодъ, конкуренція котораго съ государств. совѣтомъ также ясна: онъ разсматриваетъ вопросы церковнаго законодательства, поскольку они суть только вопросы церковные, неимѣющіе отношенія къ другимъ государственнымъ интересамъ. Но конкуренція министерскихъ докладовъ, комитета министровъ и отчасти сената (за исключеніемъ кассаціонной)—крайне колеблющаяся и неопредѣленная. При одномъ государѣ, напр., мы видимъ болѣе широкое развитіе министерскихъ докладовъ (Николаѣ I), чѣмъ при другомъ (Александрѣ II, комбинировавшемъ совѣтъ министровъ, для регулированія отдѣльныхъ министерскихъ докладовъ). Одинъ министръ при одномъ и томъ же государѣ имѣетъ болѣе частые и значительные доклады (напр. гр. Клейнмихель при Николаѣ I), чѣмъ другой (напр. гр. Киселевъ при томъ же государѣ).

Какъ ни неопредѣленно рѣшается поставленный нами вопросъ 24 ст. учр. гос. сов., мы можемъ сказать, что вообще конкурирующая роль министровъ, ихъ комитета и сената съ государственнымъ совѣтомъ должна ограничиться сферою аутентическаго толкованія смысла и силы существующаго закона. Но если дѣло идетъ о законѣ принципіально новомъ, онъ всецѣло подлежитъ обсужденію государственнаго совѣта.

Въ Аѳинахъ предложеніе проэкта новаго закона было правомъ каждаго гражданина; въ Римѣ же, напротивъ—оно принадлежало только магистратамъ.

Въ современномъ западно-европейскомъ государствѣ преобладаетъ *римская система*: проэкты новыхъ законовъ большей частію предлагаются *правительствомъ*, и очень рѣдко членами палатъ, къ нему непринадлежащими. Даже въ Англіи, гдѣ, собственно говоря, корона и правительство лишены законодательнаго почина, проэкты исходятъ отъ кабинета, хотя не вслѣдствіе того, что онъ—правительственное учрежденіе, но будто бы въ силу принадлежности его членовъ къ законодательнымъ палатамъ.

Законодательные вопросы проходятъ въ парламентѣ двѣ стадіи—*предварительнаго* и *окончательнаго* обсужденія. При этомъ слѣдуетъ различать систему предварительнаго обсужденія въ парламентахъ континентальныхъ и въ Англіи.

Въ континентальныхъ парламентахъ предварительное обсужденіе совершается въ *бюро* или *секціяхъ*, на которыя въ началѣ каждой сессіи разбивается палата. Этотъ порядокъ впервые былъ введенъ французскимъ парламентомъ временъ реставраціи. По регламенту 1814 г. французская палата депутатовъ, въ началѣ сессіи, раздѣлялась на 9 бюро [1]). Законодательный вопросъ, подлежавшій обсужденію палаты, прежде всего предварительно обсуждался въ каждомъ отдѣльномъ бюро, изъ которыхъ каждое выбирало докладчика. Докладчики отдѣльныхъ бюро составляли засѣданіе для дальнѣйшаго предварительнаго обсужденія, по окончаніи котораго назначался ими изъ ихъ среды одинъ докладчикъ, для сообщенія

---

[1]) По нынѣшнему регламенту такихъ бюро 11.

палатѣ результатовъ предварительнаго обсужденія. Такимъ образомъ, всѣ члены палаты, разбившись на маленькіе кружки, участвовали въ предварительномъ обсужденіи всякаго законодательнаго вопроса.

Система *бюро*, первоначально принятая франц. парламентомъ, впослѣдствіи была усвоена всѣми континентальными палатами. Такого порядка держатся въ Пруссіи, Италіи, Испаніи, Бельгіи, Голландіи и др. Уклоненія—въ числѣ секцій, что̀ зависитъ отъ численности представительнаго собранія; въ способѣ образованія бюро—по жребію, или по назначенію президентомъ.

Другой характеръ носитъ англійская система предварительнаго обсужденія—въ парламентскихъ *комитетахъ*. Существуютъ два рода комитетовъ: 1) комитеты изъ цѣлой палаты (committees of the whole house) и 2) комитеты ad hoc—изъ опредѣленнаго числа назначенныхъ палатой членовъ (select committees)

Комитеты перваго рода представляютъ особый способъ обсужденія вопроса палатой. Это та же палата, предсѣдательствуемая не спикеромъ, но особо выбраннымъ президентомъ (chairman), съ обыкновеннымъ разговорнымъ способомъ обсужденія: каждый членъ по одному и тому же вопросу можетъ говорить многократно; самостоятельнаго вопроса комитетъ возбуждать не можетъ.

На предварительное обсужденіе такого комитета палата можетъ передать всякій законодательный вопросъ. Но нѣкоторые вопросы поступаютъ туда eo ipso: предложенія, касающіяся финансовъ, религіи и торговли.

Второй родъ комитетовъ—изъ выбранныхъ палатой ad hoc членовъ (select committees). Обыкновенно депутатъ, вносящій въ парламентъ какое нибудь предложеніе (mover) указываетъ палатѣ на тѣхъ членовъ, которымъ слѣдуетъ поручить предварительное обсужденіе дѣлаемаго предложенія (motion). Такой комитетъ

обыкновенно изъ 15-ти членовъ, по возможности принадлежащихъ къ разнымъ партіямъ и фракціямъ. Задача комитета—обслѣдовать вопросъ, представивъ парламенту докладъ по немъ. Для лучшаго обслѣдованія, комитетъ можетъ приглашать экспертовъ и спеціалистовъ. Всякій обсуждаемый парламентомъ вопросъ можетъ быть имъ переданъ въ особый комитетъ, но нѣкоторые передаются eo ipso. Для послѣднихъ при палатѣ постоянные комитеты—напр. по выборамъ, по желѣзнымъ дорогамъ и т. д.

Въ слѣдъ за предварительнымъ обсужденіемъ законодательнаго вопроса въ континентальныхъ бюро и въ комитетахъ англійскихъ, наступаетъ стадія окончательнаго обсужденія вопроса палатой. Это окончательное обсужденіе распадается на общее, дебатирующее предложеніе въ его *принципѣ* и спеціальное, обсуждающее его въ *деталяхъ*. Обстоятельность и солидность окончательнаго обсужденія гарантируется въ Англіи системой *тройственнаго* чтенія биля, съ рѣшительнымъ значеніемъ втораго чтенія. Въ континентальныхъ парламентахъ эта система не принята: проэктъ прочитывается только однажды. Но для важныхъ законовъ—напр. конституціонныхъ—иногда требуется повторенное голосованіе (въ Пруссіи) [1]).

---

[1]) Парламентское дѣлопроизводство имѣетъ довольно обширную литературу. Далеко не исчерпывая ея, укажемъ на нѣкоторыя сочиненія: Бентама »Tactique des assemblées politiques délibérantes; Эрскина Мэя (May), долгое время служившаго асистентомъ при секретарѣ палаты общинъ, »A practical treatise on the law, privileges, proceedings and usage of Parliament«. Сочиненіе это переведено Оппенгеймомъ на нѣмецкій языкъ. На основаніи его Погарный-Подольный составилъ свое »Парламентское дѣлопроизводство«. Болѣе сподручны: Моля »Die Geschäftsordnungen der Stände-Versammlungen« и Оппенгейма »Parlamentarische Geschäftsordnung« (Deutsches Staats-Wörterbuch Блунчли).

4. Если законъ составляетъ актъ самодержавной воли, то проэктъ его, разсмотрѣнный въ государственномъ совѣтѣ или другомъ законосовѣщательномъ установленіи, можетъ получить обязательную юридическую силу только вслѣдствіе утвержденія его Верховной властію — въ силу Высочайшей *санкціи*.

Въ нашихъ основныхъ законахъ прямо говорится, что всѣ проэкты законовъ „восходятъ на Высочайшее усмотрѣніе, и не иначе поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію, какъ дѣйствіемъ Самодержавной власти“ (ст. 50). Въ силу этого: „никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ само собою установить новаго закона, и никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія, безъ утвержденія самодержавной власти“ (ст. 51).

Право санкціи есть право, принадлежащее не только главѣ монархическаго государства, но въ нѣкоторой степени и главѣ государства республиканскаго – президенту. Это право имѣетъ положительную сторону — принять законъ и отрицательную отвергнуть его. Въ такихъ размѣрахъ оно принадлежитъ однимъ монархамъ. Ограниченіе монархической санкціи представляла только французская конституція 1791 г. и современная норвежская, по которой королю принадлежитъ только право отложить обязательную юридическую силу представляемаго ему проэкта новаго закона до вторичнаго его обсужденія въ палатахъ — veto suspensif. Этимъ правомъ пользуется иногда и глава государства республиканскаго — напримѣръ президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ [1]). Только въ Швейцаріи существуетъ

---

[1]) Президентъ французской республики не имѣетъ такого-же права, какъ през. сѣверо-американской федераціи. Онъ обязанъ обнародовать законъ, вотированный палатами въ теченіе мѣсяца, а законъ спѣшный (loi d'urgence)—въ теченіе 3 дней. До истеченія этого тер-

своеобразная, вполнѣ республиканская, форма санкціи— *референдумъ:* народный плебисцитъ. Высшая-же исполнительная власть федераціи, принадлежащая федеральному совѣту, вовсе лишена права принять или отвергнуть законъ. Въ Англіи формула санкціи „le roy le veult", когда королевская власть утверждаетъ проэктъ, преобразуя биль въ статутъ. Когда-же проэктъ отвергается примѣняется формула „le roy s'avisera". Это выраженіе раздалось съ трона въ послѣдній разъ при королевѣ Аннѣ, въ началѣ текущаго столѣтія, когда былъ отвергнутъ проэктъ закона объ организаціи шотландской милиціи. Съ тѣхъ поръ это выраженіе не было слышно въ Англіи, но конечно не потому, что корона лишилась неограниченнаго права санкціи, но въ силу того, что проэкты новыхъ законовъ исходятъ отъ правительства—отъ кабинета, съ которымъ королевская власть солидарна.

Если такъ широко право санкціи монарха конституціоннаго, то еще шире и неограниченнѣе оно для монарха самодержавнаго. Конституціонный монархъ можетъ принять или не принять парламентскій биль, получившій въ палатахъ большинство голосовъ, значитъ, онъ можетъ согласиться или не согласиться только съ мнѣніемъ большинства, но не можетъ не только постановить свою собственную резолюцію, но и принять мнѣніе меньшинства, которое ему даже совсѣмъ неизвѣстно. Нашъ самодержавный государь, которому представляются меморіи госуд. совѣта, съ обозначеніемъ въ нихъ большинства и меньшинства—можетъ принять большинство или меньшинство и даже постановить свою собственную резолюцію, видоизмѣнивъ самыя существенныя части проэкта.

мина онъ можетъ мотивированнымъ посланіемъ испросить у палатъ вторичное разсмотрѣніе закона, въ чемъ ему не должно быть отказано (Demombynes: Les constitution européennes, T. 2 p. 30).

У насъ существуетъ двоякая форма высочайшей санкціи: 1) *письменная* и 2) *устная*.

1) Письменное утвержденіе состоитъ въ надписи на законодательномъ актѣ словъ: „Быть по сему“, зарученныхъ подписью имени Государя Императора, или же собственноручной подписи подъ актомъ: „Александръ III“.

2) Устное утвержденіе, когда Государь изволитъ выразить свою державную волю извѣстному лицу, которое сообщитъ ее другимъ. Это называется то *объявленіемъ указа*, то *объявленіемъ Высочайшаго повелѣнія* (ст. 55).

Въ московскомъ періодѣ преобладала устная форма высочайщей санкціи: всякіе указы государя боярской думѣ были устные. Генеральнымъ регламентомъ коллегіямъ Петръ Великій замѣняетъ устную форму санкціей письменной: указы сенату и коллегіямъ должны быть письменные и зарученные, т. е. собственноручно подписанные именемъ государя. „Того ради“ гласитъ регламентъ „соизволяетъ Его Царское Величество всякіе свои указы въ сенатъ и коллегіи отправлять письменно; ибо какъ въ сенатѣ, такъ и въ коллегіяхъ, *словесные указы* никогда отправляемы быть не подлежатъ“. Преемники Петра Великаго отступили отъ этого начала, повелѣвъ *словесное выраженіе* ихъ воли признавать обязательнымъ. На практикѣ это приводило къ большимъ замѣшательствамъ, такъ какъ словесныя приказанія государя иногда противорѣчили письменнымъ указамъ. Такой порядокъ продолжался до Петра III, издавшаго 22 янв. 1762 г. указъ, задача котораго регулировать употребленіе письменной и устной формы высочайшей санкціи.

На основаніи этого указа словесныя приказанія должны были исполняться только тогда, когда они объявлялись извѣстными лицами (сенаторами, генералъ-прокуроромъ и президентами коллегій военно-сухопутной, морской и иностранной), и притомъ когда они не отмѣ-

няли подписаннаго указа и не касались извѣстныхъ, въ законѣ 1762 г. перечисленныхъ, предметовъ [1]).

Указъ Петра III легъ въ основу нынѣ дѣйствующей системы, окончательно опредѣлившейся въ 1842 г., съ преобразованіемъ государственнаго совѣта и отмѣною новшествъ, введенныхъ Александромъ I по мысли гр. Сперанскаго.

Система эта состоитъ въ слѣдующемъ:

Ст. 54 основныхъ законовъ говоритъ: „новый законъ постановляется не иначе, какъ за собственноручнымъ высочайшимъ подписаніемъ“, а въ ст. 108 и 109 учр. госуд. сов.: „всѣ предметы, содержащіе въ себѣ законъ, уставъ или учрежденіе, излагаются въ видѣ манифестовъ, указовъ и пр., по существующимъ на то общимъ формамъ, за собственноручнымъ подписаніемъ, или утвержденіемъ Императорскаго Величества. Положенія-же по *прочимъ дѣламъ*, требующимъ собственноручнаго высочайшаго утвержденія, ежели заключеніе государственнаго совѣта единогласно, или Государь Императоръ изволитъ принять заключеніе большинства, излагаются въ видѣ *мнѣній государственнаго совѣта* высочайше утвержденныхъ“.

---

[1]) Лишенія живота, чести, имѣнія и всякаго наказанія, и раздачи денежныхъ знатныхъ суммъ свыше 10 т рублей, также и награжденія деревнями и чинами свыше подполковника (1-е П. С. № 11,411). Екатерина II одтвердила этотъ указъ 3 іюля 1762 г. (№ 11,592, на который ссылается 66 ст. осн. з.), скоро расширивъ число лицъ, которыя имѣютъ право объявлять высочайшіе указы, прибавивъ къ нимъ сначала дежурныхъ генералъ-адъютантовъ (№ 11,707), а потомъ членовъ и об.-прокурора св. синода и правящаго кабинетомъ государыни (№ 11,746). Впослѣдствіи это число лицъ мало-по-малу умножалось, разросшись въ перечисленныхъ въ 1 прим. къ 55 ст. осн. з.

Изъ этихъ статей явствуетъ:во 1) что всѣ новые законы должны непремѣнно имѣть собственноручную подпись Государя; во 2) что такіе собственноручно подписанные законы излагаются въ двухъ главныхъ видахъ: манифестовъ—для узаконеній особенно важныхъ (отмѣна крѣпостнаго права, общесословная воинская повинность и др.) и указовъ сенату, заканчивающихся словами: „правительствующій сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащее распоряженіе“. Къ этому указу обыкновенно прилагается актъ новаго узаконенія съ высочайшей собственноручной надписью „быть по сему“. Это обычная форма изданія новыхъ узаконеній. Въ 3) положенія по другимъ дѣламъ, требующимъ собственноручной подписи Государя, утверждаются въ формѣ мнѣній государственнаго совѣта. Какія же это дѣла? изъ 94 ст. учр. госуд. сов. видно, что дѣла эти слѣдующія: 1) установленіе или отмѣна налоговъ; 2) возведеніе въ дворянское сословіе, подтвержденіе его, лишеніе какъ этого достоинства, такъ и чиновъ по судебнымъ приговорамъ за преступленія; 3) постоянные новые штаты разныхъ управленій и вѣдомствъ; 4) мнѣнія совѣта по росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ; 5) отчужденіе частной собственности на государственное или общественное употреблсніе.

Этими статьями (54 осн. з. и 108, 109 и 94 учр. госуд. сов.), такимъ образомъ, отрицательно опредѣляется сфера примѣненія устной формы высочайшей санкціи.

Въ другихъ статьяхъ эта сфера опредѣляется положительно.

55 ст. основ. зак. гласитъ: „дополненіе и изъясненіе закона, коими установляется истинный его разумъ, могутъ быть издаваемы по *словеснымъ* высочайшимъ повелѣніямъ въ видѣ указовъ, объявляемыхъ мѣстами и ли-

цами, отъ верховной власти къ сему уполномоченными". А по 95 ст. учр. госуд. сов., по всѣмъ дѣламъ рѣшеннымъ государственнымъ совѣтомъ, за исключеніемъ обозначенныхъ въ извѣстной намъ 94 ст., высочайшее утвержденіе устно сообщается предсѣдателемъ совѣта.

Изъ этихъ статей видно, что сфера примѣненія устной формы высочайшей санкціи ограничивается дополненіемъ и изъясненіемъ старыхъ законовъ и положеніями государственнаго совѣта по дѣламъ, которыя считаются не столь важными. Но такое опредѣленіе предѣла устной санкціи не точно и очень растяжимо: путемъ дополненій и изъясненій старыхъ законовъ въ законодательство могутъ быть введены новыя начала; не столь важныя дѣла, эксплицитно не поименованныя въ 109 ст. учр. госуд. сов., могутъ заключать въ себѣ государственные интересы капитальной важности. Эта неопредѣленность и растяжимость тѣмъ болѣе заслуживаютъ критику, что онѣ вовсе не входили въ намѣренія законодателя, который, напротивъ, придавалъ вопросу о точномъ опредѣленіи сферы примѣненія устной формы высочайшей санкціи весьма важное значеніе. Это мы видимъ изъ того, что, не довольствуясь отрицательнымъ и положительнымъ опредѣленіями ея въ 66 ст. осн. зак., онъ постановляетъ ограниченія въ силѣ *объявляемыхъ* высочайшихъ указовъ, а въ первомъ примѣчаніи къ 55 ст. основныхъ законовъ онъ перечисляетъ тѣхъ лицъ, которыя уполномочиваются объявлять высочайшіе указы.

66 ст. повторяетъ ст. 94 учр. госуд. сов., съ нѣкоторыми варіантами и дополненіями.

„Въ силѣ объявляемыхъ Высочайшихъ указовъ постановляются слѣдующія ограниченія: 1) Никакой законъ, за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ изданный, не можетъ быть отмѣненъ указомъ объявляемымъ. 2) Объявляемый указъ не можетъ имѣть силы

въ дѣлахъ: о лишеніи жизни, чести, или имущества; объ установленіи и уничтоженіи налоговъ, о сложеніи недоимокъ и казенныхъ взысканій и объ отпускѣ денежныхъ суммъ свыше тѣхъ, которыя особыми постановленіями ограничены; о возведеніи въ дворянство внѣ порядка, для производства въ чины установленнаго; о лишеніи дворянства; о опредѣленіи въ высшія должности и объ увольненіи отъ нихъ на основаніи учрежденій".

1-е прим. къ 55 статьѣ основныхъ законовъ представляетъ собой развитіе указа Петра III отъ 22 января 1762 г., подтвержденнаго и дополненнаго Екатериной II. Къ лицамъ, которыя могутъ объявлять Высочайшіе указы и повелѣнія, относятся: предсѣдатели общаго собранія и департаментовъ государственнаго совѣта, государственный канцлеръ иностранныхъ дѣлъ, канцлеръ орденовъ, вице-канцлеръ, министры и главноуправляющіе разными частями государственнаго управленія, начальники штабовъ Его Императорскаго Величества, сенаторы, члены и оберъ-прокуроръ синода, государственный секретарь, и статсъ-секретари, дежурные генералъ-адъютанты, и кромѣ того всѣ тѣ лица, кои особо будутъ уполномочены на то Государемъ. Но изъ перечисленныхъ лицъ, повелѣнія государя могутъ объявлять только тѣ, которыя дѣйствительно находятся при Его особѣ, а всѣ прочія, хотя и имѣющія по званію своему это право, обязаны означить, какимъ образомъ и въ какой бумагѣ имъ сообщена воля Его Величества.

3) Высочайшая санкція сообщаетъ закону обязательную юридическую силу, но для его исполненія—примѣненія къ даннымъ случаямъ—необходимо его *обнародованіе* (promulgatio), и при томъ въ порядкѣ, законами установленномъ. Только такое *узаконенное обнародованіе* придаетъ закону прикладную практическую силу. Поэтому, въ процедурѣ возникновенія новаго закона этотъ актъ представляетъ

необходимый заключительный моментъ, признанный всѣми государствами, въ которыхъ обнародованіе законовъ принадлежитъ правительству—даже въ Швейцаріи, не признающей за нимъ не только санкціи, но и veto.

Въ московскій періодъ нашей исторіи принципъ публикаціи закона не вполнѣ былъ сознанъ: нѣкоторые указы объявлялись во всеобщее свѣдѣніе, а другіе сообщались только тѣмъ органамъ управленія, которые обязаны были ихъ исполнять. Принципъ публикаціи впервые былъ признанъ Петромъ Великимъ, но только въ примѣненіи къ дѣламъ судебнымъ. Екатерина II обобщила необходимость публикаціи, распространивъ ее на дѣла управленія.

Форма обнародованія закона можетъ быть двоякая: *устная* и *печатная*.

Первая преобладала въ древней Руси: биричи прокликали новый законъ на торгахъ и площадяхъ, иногда онъ прочитывался въ церквахъ и другихъ многолюдныхъ собраніяхъ. Но уже Соборное Уложеніе было напечатано, и въ такомъ напечатанномъ видѣ разослано по приказамъ и городамъ. Это, впрочемъ, было исключеніе.

Печатная форма промульгаціи начинаетъ господствовать съ Петра В., который установилъ, что всѣ указы по *генеральнымъ дѣламъ* должны быть напечатаны, и въ печатныхъ листахъ разосланы по присутственнымъ мѣстамъ или расклеены на площадяхъ и улицахъ.

Народу читались только нѣкоторые, особенно важные законы, и читались иногда по нѣсколько разъ [1]).

---

[1]) См. Лекціи и изслѣдованія пр. Сергѣевича. Здѣсь приводится примѣръ: указъ 1767 г. о повиновеніи крѣпостныхъ помѣщикамъ приказано было читать цѣлый мѣсяцъ по воскресеньямъ и праздникамъ, а затѣмъ ежегодно въ храмовой праздникъ (стр. 819).

Екатерина II объявленіе законовъ возложила на губернское правленіе и полицію, установивъ порядокъ обнародованія уставомъ благочинія 1782 г. [2]).

Принципъ обнародованія законовъ считается необходимымъ по нашимъ основнымъ законамъ (между прочимъ 57 и 62 ст.). Печатная форма господствуетъ, и только при изданіи особенно важныхъ узаконеній она соединяется съ устной, т. е. законъ предается тисненію, а потомъ печатный его текстъ прочитывается народу въ какомъ нибудь многолюдномъ мѣстѣ—преимущественно въ храмѣ. Такъ напр. былъ обнародованъ манифестъ 19 февр. 1861 г , упразднившій крѣпостную зависимость крестьянъ. Моментъ обнародованія не всегда непосредственно слѣдуетъ за санкціей: между обоими актами возможенъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени, зависящій отъ благоусмотрѣнія верховной власти. Примѣромъ можетъ служить тотъ-же законъ 19 февраля 1861 г., объявленіе котораго послѣдовало черезъ нѣсколько времени послѣ санкціи.

---

[2]) »Когда Управѣ Благочинія отъ Правленія получится Самодержавной Власти изданное и Императорскаго Величества рукою подписанное узаконеніе, учрежденіе или указъ, тогда во первыхъ записать въ Управѣ Благочинія въ первой книгѣ число, мѣсяцъ и годъ, когда полученъ; второе, откуда полученъ; третье, какъ полученъ, и буде присланъ ради обнародованія въ городѣ, то четвертое, призвавъ стряпчаго Управы Благочинія и требовать его заключенія; буде по заключенію стряпчаго окажется сумнѣніе, то доложить, гдѣ надлежитъ; буде же нѣтъ сомнѣнія, то пятое, учинить приговоръ обнародованія, потомъ шестое, прочесть въ Присутствіи; затѣмъ седьмое, прочесть при открытыхъ дверяхъ частнымъ приставамъ и квартальнымъ надзирателямъ; послѣ чего осьмое, частнымъ приставамъ обнародовать каждому въ своей части, а квартальнымъ надзирателямъ въ своемъ кварталѣ« (1-е П. С. № 15319.51).

Верховное право обнародованія принадлежитъ власти, дающей бытіе закону—власти самодержавной. Это верховное право делегируется прав. сенату, первый департаментъ котораго—главное центральное мѣсто обнародованія законовъ. 57 ст. основ. зак. постановляетъ: „законы общіе, содержащіе въ себѣ новое правило, или поясненіе, дополненіе, либо отмѣну прежнихъ законовъ, обнародываются во всеобщее извѣстіе правительствующимъ сенатомъ“. Но такая редакція статьи едва ли правильно опредѣляетъ промульгаціонную функцію сената, которая неограничивается *общими* законами, но касается законовъ *особенныхъ* и *частныхъ*. Сенату подобаетъ быть главнымъ и центральнымъ мѣстомъ обнародованія законовъ: онъ ихъ хранилище, наблюдающее надъ тѣмъ, чтобы всѣ мѣста и лица въ имперіи дѣйствовали на основаніи закона. Всѣ законы, поэтому, должны проходить чрезъ руки сената, и только постановленія, опредѣляющія распорядокъ мѣстнаго исполненія, помимо сената обращаются къ тѣмъ мѣстамъ и лицамъ, къ коимъ они по существу своему принадлежатъ. За этимъ исключеніемъ, нѣтъ закона, или правительственнаго распоряженія, обнародованіе которыхъ произошло бы мимо сената. Поэтому, если министръ получилъ какое нибудь высочайшее повелѣніе, то прежде обнародованія его онъ долженъ представить его въ спискѣ сенату [1]).

Процедура обнародованія законовъ состоитъ въ слѣдующемъ: получивъ актъ новаго закона, сенатъ заслушиваетъ его въ 1-мъ общемъ собраніи, затѣмъ печатаетъ его въ 1-мъ отдѣленіи своей типографіи въ нужномъ числѣ экземпляровъ. Сдавъ оригиналъ закона для храненія въ сенатскій

---

[1]) Всѣ именные указы, данные на имя частныхъ начальствъ и лицъ управляющихъ, кромѣ дѣлъ подлежащихъ тайнѣ, вносятся ими въ первый департаментъ сената (ст. 28 Учр. пр. сен.).

архивъ, сообщивъ въ вѣдѣніи синоду объ исполненіи новаго закона, съ приложеніемъ его экземпляра, онъ разсылаетъ новый законъ министрамъ, губернаторамъ и въ губернскія правленія, при указахъ объ его исполненіи. Эта промулгаціонная функція сената не есть только пасивная: 26 ст. его учрежденія, между прочимъ, говоритъ „въ нужныхъ случаяхъ первый департаментъ чинитъ распорядокъ самаго обнародованія на мѣстахъ, надзираетъ за точностію онаго, и разрѣшастъ силою законовъ встрѣчающіяся въ томъ затрудненія или недоразумѣнія".

Мѣстное обнародованіе закона производится, подъ наблюденіемъ губернскаго правленія, чрезъ городскую и уѣздную полицію (ст. 57 и 58).

Обычаемъ установлено, что новый законъ печатается въ *Собраніи узаконеній и распоряженій правительства*, которое съ 1863 г. издается въ видѣ дополненія къ сенатскимъ вѣдомостямъ. Сенатъ наблюдаетъ, чтобы новые законы и правительственныя распоряженія не печатались въ частныхъ изданіяхъ, прежде помѣщенія ихъ въ изданіяхъ офиціальныхъ. У насъ существуетъ съ 1869 г. центральная офиціальная газета — Правительственный Вѣстникъ, въ которомъ публикуются всѣ законы и распоряженія правительства, откуда уже они заимствуются частными изданіями.

Въ губерніяхъ мѣстнымъ офиціальнымъ органомъ являются губернскія вѣдомости, въ которыхъ также печатаются новыя законоположенія [1]).

Такъ какъ прежде бывшее II отдѣленіе имѣло кодификаціонныя функціи—издавало П. С. З, своды и ихъ продолженія—то всѣ новые законодательные акты, при обнародованіи ихъ, сообщались въ это установленіе. Съ образованіемъ кодификаціоннаго отдѣла при государствен-

[1]) Программа Губернскихъ Вѣд.—*Публичныхъ листовъ*, какъ называли ихъ сначала—окончательно установлена въ 1830 г.

номъ совѣтѣ, это должно перейти на это новое учрежденіе.

Обнародованіе закона въ государствахъ з. Европы состоитъ въ напечатаніи его въ офиціальномъ сборникѣ, во Франціи, напримѣръ, въ Монитерѣ. Прежде обнародованіе это сопровождалось разными торжественными обрядами: барабаннымъ боемъ и т. п. Въ настоящее время это практикуется иногда въ Швейцаріи. Въ Англіи королевская санкція имплицитно заключаетъ въ себѣ обнародованіе. Утверждая парламентскій биль предъ палатой общинъ, представляющей собою націю, королевская власть тѣмъ самымъ обнародуетъ законъ. Затѣмъ онъ предается тисненію и разсылается начальствамъ. Въ прежнее время, когда печать не такъ была распространена—шерифы обнародывали новые законы въ собраніи своихъ графствъ.

5) *Исполненіе закона.*

§ 35. Обнародованіе — послѣдній, заключительный моментъ въ появленіи на свѣтъ новаго закона. Вслѣдъ за обнародованіемъ начинается практика и жизнь закона—примѣненіе его къ дѣламъ и отношеніямъ, законом этимъ опредѣляемымъ: *исполненіе*. Но непосредственное исполненіе можетъ быть иногда *задержано* и отдалено на извѣстный промежутокъ времени, въ теченіе котораго изданный законъ какъ бы *вакантствуетъ* (vacatio legis), т. е. не примѣняется до извѣстнаго момента, который напередъ назначенъ законодательною властью. Такъ, напримѣръ, когда въ царствованіе Николая I, въ 1832 г., былъ изданъ сводъ, обнародованный 31 янв. слѣдующаго года, обязательное его дѣйствіе было отсрочено почти на 2 года—по 1 янв. 1835 г.; то же повторилось и съ уложеніемъ о наказаніяхъ, обнародованнымъ въ 1845 г. и вступившимъ въ обязательное дѣйствіе въ 1846 г. Здѣсь также имѣла мѣсто отсрочка

исполненія обнародованнаго закона—vacatio legis. Vacatio legis можетъ быть распространена на весь госуд. территорій, или же только на нѣкоторыя его части Такъ, напримѣръ, судебные уставы 1864 года и положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, примѣненные въ однихъ частяхъ Россіи, ваканствуютъ для другихъ. Отсрочка примѣненія обнародованнаго закона, какъ замѣчаетъ профес. Цитовичъ, имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда издаются сложные законы, съ которыми предварительно нужно ознакомиться, или же когда необходимо извѣстное время, чтобы безъ замѣшательства старый порядокъ перешелъ въ новый. Въ такихъ случаяхъ издаются иногда *провизорные* законы - временныя правила, облегчающія переходъ отъ стараго порядка къ новому: такъ, напримѣръ, правила 19 окт. 1865 г. предшествовали, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи, введенію судебныхъ уставовъ 20 ноября 1884 г. [1]).

Говоря объ исполненіи закона, весьма важно въ точности опредѣлить моментъ, съ котораго начинается это исполненіе. Относительно опредѣленія этого момента въ государствахъ западной Европы практикуются два порядка: нѣмецкій и французскій. Первый, наиболѣе распространенный, состоитъ въ томъ, что исполненіе начинается въ одинъ и тотъ же моментъ на пространствѣ всего государственнаго территорія, по истеченіи извѣстнаго числа дней (10—45), со дня выхода въ свѣтъ того № офиціальнаго сборника, въ которомъ впервые былъ напечатанъ текстъ новаго закона. Система эта практикуется въ Германіи, Австро-Венгріи, Италіи и Бельгіи. Во Франціи моментъ исполненія наступаетъ не въ одно и то же время по всему государству, а опредѣляется

---

[1]) См. Курсъ русскаго гражд. права пр. Цитовича, стр. 46.

*поверстнымъ сроком*ъ: въ столицѣ исполненіе начинается на другой день по обнародованіи, а въ департаментахъ — съ прибавленіемъ одного дня на каждые 10 миріаметровъ, отдѣляющихъ главный городъ департамента отъ того мѣста, гдѣ законъ былъ обнародованъ [1]).

Французская система была установлена наополеоновымъ кодексомъ. Въ послѣднее время она начинаетъ приближатьея къ нѣмецкому порядку, по замѣчанію пр. Цитовича „болѣе удобному и простому, недопускающему разныхъ казуистическихъ контроверзъ“. Исполненіе закона начинается по прошествіи полныхъ сутокъ со дня его полученія.

Англійская система отличается отъ нѣмецкой и французской. Публикація закона въ Англіи совпадаетъ съ его санкціей, а моментъ исполненія начинается съ того дня, когда биль утвержденъ королемъ.

Въ Россіи моментъ исполненія новаго закона опредѣляется не вполнѣ точно. Указы XVIII в. совершенно умалчиваютъ объ этомъ моментѣ. 59 ст. основныхъ законовъ опредѣляетъ: „законъ получаетъ обязательную силу не прежде, какъ со дня его объявленія. Въ присутственныхъ мѣстахъ каждый законъ воспріемлетъ свою силу и долженъ быть прилагаемъ къ дѣламъ не прежде, какъ со дня полученія его въ томъ мѣстѣ, къ исполненію коего онъ подлежитъ“. Значитъ, присутственное мѣсто должно примѣнять новый законъ, какъ только получитъ его печатный экземпляръ.

Относительно исполненія законовъ нашими основными законами устанавливаются слѣдующія правила:

1) Законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ, распространяясь только на будущее время. (Ст. 60).

---

[1]) Начала русскаго госуд. права пр. Градовскаго, 1, 33.

2) Законъ долженъ быть исполняемъ всѣми и кажоымъ свято и ненарушимо. (Ст. 63).

3) Никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона (Ст. 62).

4) Законъ долженъ быть исполняемъ безпристрастно. (Ст. 64).

5) Законъ долженъ быть исполняемъ по точному и буквальному смыслу его, безъ всякаго измѣненія или распространенія. (Ст. 65).

Разсмотримъ значеніе и основанія всѣхъ этихъ правилъ:

1. *Законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ.* Это начало принятое всѣми законодательствами и внесенное во многія конституціи, такъ какъ въ немъ заключается охрана личности и пріобрѣтенныхъ ею правъ [1]). Въ нашемъ законодательствѣ оно ясно выражено при Екатеринѣ II, въ 1785 г. Основаніе его заключается въ уваженіи къ закону, а вслѣдствіе того въ святости и незыблемости всѣхъ отношеній, дозволенныхъ и освященныхъ старымъ закономъ. Безъ этого основнаго начала въ гражданахъ не было-бы увѣренности, что права ихъ прочны и неприкосновенны. Если же и возможно отступленіе отъ этого начала, то только тогда, когда: 1) въ самомъ законѣ сказано, что онъ есть только подтвержденіе и изъясненіе смысла прежняго закона; 2) когда въ самомъ законѣ постановлено, что сила его распространяется и на времена, предшествовавшія его обнародованію (ст. 61). Послѣднее большей частію имѣетъ мѣсто при изданіи новыхъ уго-

---

[1]) Сѣверо-американская федеральная конституція, напримѣръ, запрещаетъ издавать законы ex post facto. Подобныя запрещенія встрѣчаются и въ другихъ конституціяхъ.

ловныхъ законовъ: когда ими назначаются болѣе снисходительныя наказанія, то они распространяются иногда и обратно—на преступленія, совершенныя до ихъ обнародованія. Такъ, когда въ 1845 г. было издано Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, то указомъ 1846 г. объявлено обратное его дѣйствіе: всѣ преступленія, прежде совершенныя, если только виновные еще не были наказаны, должны были быть наказуемы по началамъ новаго Уложенія. Такъ и новые судебные уставы, установившіе лучшіе порядки судопроизводства, получили обратное дѣйствіе: дѣла начатыя въ прежнихъ судебныхъ мѣстахъ, но невершеныя, могли быть перенесены вновь въ суды новаго устройства.

Но примѣненіе формулы *обратнаго безсилія* закона видоизмѣняется относительно законовъ государственныхъ, уголовныхъ, гражданскихъ и процессуальныхъ. Въ сферѣ дѣйствія государственнаго права эта формула не такъ абсолютна: государство, видоизмѣняя свое устройство и управленіе, можетъ нарушать пріобрѣтенныя права, и нарушеніе это не требуетъ необходимо вознагражденія. Если новый уголовный законъ объявляетъ преступными такія дѣйствія, которыя разрѣшались закономъ прежнимъ, онъ абсолютно не можетъ дѣйствовать обратно, такъ какъ nullum crimen sine lege и какъ послѣдствіе этого начала—nulla poena sine lege. Ограниченія же карательной власти государства, поскольку онѣ благопріятны для личности, могутъ быть распространены и обратно. Относительно обратнаго дѣйствія закона гражданскаго абсолютно принято начало его обратнаго безсилія. Только относительно пріобрѣтенныхъ гражданскихъ правъ существуютъ разныя теоріи: ультра-консервативная теорія Шталя и болѣе прогрессивная теорія Савиньи, развитая Лассалемъ. Что̀ касается законовъ судопроизводственныхъ, то они могутъ имѣть и обратную силу,

примѣняясь къ дѣламъ возникшимъ до ихъ обнародованія [1]).

2. *Законъ долженъ быть исполняемъ всѣми и каждымъ свято и ненарушимо*, или другими словами: требованія закона должны быть равно обязательны для всѣхъ. Это основное начало современной гражданственности, проникнутой началомъ *равенства предъ закономъ*. У насъ еще Соборное Уложеніе желало установить судъ *равный*. Но вслѣдствіе сословности, привившейся къ нашему общественному строю и проникшей его началомъ неравенства и привиллегіи, законы не были равны для всѣхъ [2]).

Святость и ненарушимость закона распространяется какъ на природныхъ русскихъ подданныхъ, такъ и на

---

[1]) Этотъ вопросъ прекрасно разработанъ пр. Градовскимъ: Начала, т. I, 102; »О дѣйствіи законовъ во времени« Ж. гр. и уг. пр. 1873 г., іюль.

[2]) Для примѣра укажемъ на слѣдующее: Уложеніе о наказаніяхъ угол. и исправит., въ обоихъ своихъ изданіяхъ (1845 и 1866 г.) устанавливаетъ различіе въ наказаніяхъ для лицъ привиллегированныхъ и не привиллегированныхъ, то оказывая снисхожденіе къ преступникамъ изъ привилл. классовъ, то усиливая ихъ отвѣтственность сравнительно съ непривиллегированными (маловажные захваты чужой собств.). Это начало совершенно противорѣчитъ духу судебн. уставовъ 1864 г, отвергающихъ принципъ сословности вообще и сословную подсудность въ частности. Поэтому, госуд. совѣтъ былъ совершенно консеквентенъ и вѣренъ духу судебныхъ уставовъ, когда, обсуждая въ 1863 г. предположенія о согласованіи уложенія о наказаніяхъ съ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, замѣтилъ, что »принадлежность къ тому или другому сословію не можетъ еще быть принята за несомнѣнное доказательство ни болѣе высокаго образованія, ни болѣе обезпеченнаго довольства, ни большей нравственной силы для противостоянія искушеніямъ«, а потому »измѣрять по этой одной причинѣ, посторонней преступному дѣйствію, и самый родъ наказанія, значилобы придавать ей несвойственную, въ сравненіи съ другими этого рода обстоятельствами, важность«. (Объясненія къ проэкту Редак. комиссіи по составленію новаго уголовнаго уложенія, стр. 22).

иностранцевъ, въ Россіи пребывающихъ временно или постоянно, которые, впрочемъ, до Петра, освобождались отъ господства русскаго закона, пребывая на русскомъ территоріѣ. Въ настоящее время дипломатическіе агенты, акредитованные въ Россіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не подлежатъ господству русскаго закона. Исключеніе это основывается на фикціи о *внѣземельности*, экстерриторіальности ихъ. Точно также, какъ и экипажи иностранныхъ кораблей въ русскихъ гаваняхъ живутъ подъ своимъ, а не русскимъ закономъ, на основаніи фикціи, что корабль есть оторвавшаяся и плавающая часть территорія того государства, которому онъ принадлежитъ. Фикція эта распространяется и на союзные вспомогательные войска, находящіеся въ Россіи, которые считаются какъ бы не оставляющими своего отечества.

3. *Никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, если только онъ былъ обнародованъ установленнымъ порядкомъ* (ст 62).

Слѣдовательно: если при обнародованіи закона не были соблюдены требуемыя формальности, то вѣдѣніе его необязательно. Въ противномъ же случаѣ невѣдѣніе не можетъ имѣть мѣста. Это установлено Петромъ В., который, издавъ въ 1715 г. Воинскій уставъ, предписалъ сенату напечатать его въ большомъ числѣ экземпляровъ и разослать по губерніямъ и канцеляріямъ „дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался“ (1-е П. С. № 3010). Въ 1720 г. это было подтверждено указомъ, установившимъ наказанія за преступленія противъ *публикованныхъ* указовъ (id. № 3510). Затѣмъ начало это водворилось въ нашемъ законодательствѣ. Мотивъ этого постановленія весьма ясенъ. Если бы можно было отговариваться невѣдѣніемъ закона, то при совершеніи всякаго правонарушенія можно было бы выставить оправданіемъ незнаніе

того закона, который запретилъ такое правонарушеніе [1]). Но когда знаніе закона, сопряжено съ большими трудностями, тогда при невѣдѣніи его можно по-крайней мѣрѣ смягчить вину. Трудность знанія закона можетъ зависѣть или отъ *свойствъ самого закона* или отъ *свойствъ лица*, отговаривающагося его невѣдѣніемъ. Когда законъ обнародованъ давно, или не введенъ въ сводъ, или когда онъ написанъ на языкѣ, незнакомомъ для иностранцевъ, обязанныхъ соблюдать и знать этотъ законъ, то вѣдѣніе его представляется особенно затруднительнымъ. Законодательство наше, установивъ строгое правило *неотговариваться невѣдѣніемъ закона*, не говоритъ объ этихъ обстоятельствахъ, которыя могутъ до извѣстной степени смягчить вину. Но онѣ вытекаютъ изъ началъ естественной справедливости. Самъ Петръ, впервые формуловавшій разсматриваемое нами начало, въ своихъ военныхъ артикулахъ постановилъ, что невѣдѣніе закона въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ служить обстоятельствомъ, смягчающимъ вину (см. толкованіе Арт. 41) [2]).

---

[1]) Пр. Цитовичъ это начало обосновываетъ »независимостью дѣйствія закона отъ чьего бы то ни было вѣдома о томъ, что онъ существуетъ; независимостью отъ чьего бы то ни было пониманія его содержанія, и независимостью отъ чьей бы то ни было воли и согласія на это дѣйствіе«... »для фактовъ, совершеніе которыхъ предусмотрѣно въ законѣ... законъ составляетъ атмосферу, которой заражается каждый такой фактъ, заражается по мѣрѣ того, какъ онъ совершается, и зараженъ въ моментъ, когда совершился. Зараженіе происходитъ *необходимо*, и не можетъ быть устранено ни чѣмъ инымъ, какъ только другимъ закономъ (диспенсація, привилегія)« см. К. р. гражд. права, 86.

[2]) » ..Когда солдатъ вновь въ службу принятъ, и *воинскаго артикула не слыхалъ и не знаетъ еще*, какая сила есть въ томъ, что не спать на караулѣ, то *всѣ сіи причины* имѣютъ отъ судьи въ *приговорѣ уважены быть*, и можетъ наказаніе, вмѣсто смерти, въ гоняніе шпицрутенами превратить«. (1-е П. С. № 3006).

4. *Законы должны быть исполняемы безпристрастно, не смотря на лица, и не внимая ни чьимъ требованіямъ и предложеніямъ* (ст. 64).

Судья или администраторъ, примѣняя законъ въ сферѣ своей служебной дѣятельности, должны отрѣшиться отъ своихъ человѣческихъ страстей и симпатій, обратившись въ безстрастное и правдивое орудіе закона и государства. Поступая на службу государству, человѣкъ долженъ претвориться въ органъ великой идеи правды и всенароднаго блага, ради котораго государство существуетъ. Эта идея должна всецѣло наполнять его, защищая отъ вліянія не рѣдко мелкихъ страстей и интересовъ, симпатій и антипатій, и кто не способенъ къ проникновенію этой идеей, кто, исполняя законъ, будетъ внимать чьимъ либо требованіямъ и предложеніямъ — тотъ не способенъ къ великой миссіи судьи и чиновника — служителей закона и государства, вооружающихъ ихъ авторитетомъ и властію, ради возможнаго осуществленія на землѣ правды и блага.

5. *Законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оныхъ, безъ всякаго измѣненія или распространенія* [1]). *Всѣ безъ изъятія мѣста, не исключая*

[1]) Заимствовано изъ манифеста 1763 г. о раздѣленіи сената на департаменты (въ манифестѣ, впрочемъ, говорится о рѣшеніи дѣлъ на *точномъ разумѣ законовъ* (1-е П. З. № 11989 п. 4 и 9) и изъ учрежденія о губерніяхъ 7 ноября 1775 г. »всякое рѣшеніе дѣла не инако да учинится, какъ точно въ силу узаконеній и по словамъ закона« »судебныя же мѣста рѣшатъ всѣ дѣла по точной силѣ и словамъ закона, не смотря ни на чьи требованія, или предложенія« (1-е П С. № 14392, ст. 184 и 406). По 221 ст. учр. сената: сенатъ не приступаетъ къ рѣшенію такихъ дѣлъ, на которыя не окажется точнаго закона, но о всякомъ случаѣ, требующемъ изданія новыхъ, или пополненія и перемѣны существующихъ узаконеній, составляетъ проэктъ разрѣшенія, и все дѣло, по ст. 205, вносится министромъ юстиціи, съ его заключеніемъ, къ Имп. Величеству, чрезъ госуд. совѣтъ.

и высшихъ правительствъ, во всякомъ случаѣ должны утверждать опредѣленія свои на точныхъ словахъ закона, не перемѣняя въ нихъ, безъ доклада Императорскому Величеству, ни единой буквы, и недопуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій. Но если бы гдѣ либо, по различію буквальнаго смысла узаконеній, встрѣчалось затрудненіе въ избраніи и приложеніи закона къ разсматриваемому дѣлу, въ такомъ случаѣ, по не возможности согласить буквальный смыслъ одного закона съ таковымъ же другаго, самая необходимость предписываетъ, особенно съ высшихъ мѣстахъ, слѣдовать общему духу законодательства и держаться смысла наиболѣе оному соотвѣтствующаго". (Ст. 65).

Трудно найти другую статью въ нашемъ сводѣ, редакція которой была бы такъ запутана и противорѣчива, какъ означенной 65 ст. нашихъ основныхъ законовъ: она то безусловно воспрещаетъ толкованіе разума и смысла законовъ слѣдуя наказу Екатерины II.—то разрѣшаетъ его—правда, только высшимъ госуд. установленіямъ Эта запутанность и противорѣчивость законодательной формуловки произошла отъ того, что законодательство наше относительно *толкованія законовъ*, до самаго послѣдняго времени, имѣло сбивчивое и смутное понятіе. Только новые судебные уставы болѣе точно опредѣлили и выяснили его взглядъ на этотъ важный вопросъ.

Недовѣріе законодателя къ бюрократіи и магистратурѣ, неотличавшимся высокимъ уровнемъ умственнаго и нравственнаго развитія, побуждало законодателя предписывать „*утверждать опредѣленія на точныхъ словахъ закона, не перемѣняя въ нихъ, безъ доклада Императорскому Величеству, ни одной буквы, и не допуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій*". Какъ было, въ самомъ дѣлѣ, дозволить низкопробнымъ судьямъ и администраторамъ *самопроизвольно* истолковывать смыслъ при-

мѣняемаго ими закона? Буквальное его примѣненіе во всякомъ случаѣ представляло для государства и частныхъ лицъ большую гарантію, чѣмъ *толкованія самопроизвольныя*.

Вотъ мотивъ, въ силу котораго составилась та часть 65 ст., которая безусловно запрещаетъ толковать разумъ закона.

Но требованія обстоятельствъ, при исполненіи законовъ, должны были смягчить строгое запрещеніе ихъ *истолкованія*. Какъ въ самомъ дѣлѣ примѣнять законы, неистолковавши ихъ смысла? Примѣненіе закона есть во всякомъ случаѣ подведеніе подъ него извѣстнаго жизненнаго факта, казуса, закономъ предвидѣннаго. При примѣненіи является, такимъ образомъ, какъ необходимый моментъ его, работа мысли: анализъ факта и сравненіе его свойствъ съ предусматриваемыми закономъ признаками. Поэтому, законодательство наше, установивъ абсолютное запрещеніе толкованія закона, должно было смягчить его постановленіемъ, что когда извѣстный случай не можетъ быть разрѣшенъ по буквальному смыслу статьи, то дѣло должно быть рѣшено *по общему духу законодательства*. Такъ составилась вторая часть 65 ст. основныхъ законовъ, очевидно противорѣчащая первой. Это истолкованіе смысла отдѣльныхъ статей, на основаніи общаго духа законодательства, принадлежало преимущественно высшимъ государственнымъ установленіямъ: сенату, синоду и министерствамъ, которые должны были обращаться чрезъ государственный совѣтъ къ *аутентическому* толкованію — самою законодательною властію, въ случаѣ невозможности такого истолкованія *доктринальнаго*.

Но съ какою все-таки недовѣрчивостью дозволялось это *доктринальное* толкованіе даже высшимъ учрежденіямъ, видно изъ слѣдующихъ двухъ статей, опредѣляющихъ степень власти сената въ разрѣшеніи подвѣдом-

ственныхъ ему дѣлъ, которыя находятся въ очевидномъ противорѣчіи со 2-ой половиной 65 ст. основныхъ законовъ. Статьи эти слѣдующія: 226 ст. постановляетъ, что „сенатъ основываетъ опредѣленія свои вездѣ и во всѣхъ дѣлахъ на изданныхъ законахъ, уставахъ и предписанныхъ правилахъ, не *перемѣняя въ оныхъ безъ доклада И. В. ни единой литеры*“, а ст. 227 безусловно запрещаетъ сенату въ рѣшеніи дѣлъ руководствоваться *аналогіей*: „сенатъ не приступаетъ къ рѣшенію такихъ дѣлъ, на которыя не окажется точнаго закона“.

Новыми судебными уставами право судебнаго толкованія, которое должно принадлежать судебной власти, по самому существу ея, узаконено и расширено распространеніемъ его на низшія судебныя мѣста. 10 статьей уст. гражд. и 13-й угол. судопроизводства постановляется, что „всѣ судебныя установленія обязаны рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ, *а въ случаѣ ихъ неполноты* (аналогія), *неясности или противорѣчія, основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ*“. Отсюда видно, что, въ противоположность прежнему порядку, воспрещавшему рѣшать дѣла, на которыя не оказывалось точнаго закона, даже сенату, судебные уставы допускаютъ рѣшеніе дѣла — *по подобію*, даже въ тѣхъ случаяхъ, на которые не окажется точнаго закона.

Но это право аналогіи въ одинаковой-ли степени распространяется какъ на дѣла гражданскія, такъ и на дѣла уголовныя? На основаніи кореннаго уголовнаго принципа *nullum crimen sine lege* и *nulla poena sine lege* — аналогія въ уголовныхъ дѣлахъ принципіально не можетъ быть допущена. Она не допускается и нашими судебными уставами, ограничивающими примѣненіе ея только сферой юрисдикціи гражданской. Такимъ образомъ, 12 и 13 ст. уст. уг. суд. существенно отличаются отъ соотвѣтствующихъ имъ 8 и 9 ст. уст. гражд. суд. Въ по-

слѣднихъ рядомъ съ *неполнотою* закона говорится и о его *недостаткѣ*: этотъ недостатокъ не можетъ для гражд. суда служить причиною отказа въ разсмотрѣніи дѣла *по подобію*. Судъ же угол. при недостаткѣ закона не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ онъ не можетъ рѣшить дѣло по *аналогіи*.

Другой важный вопросъ: предоставленное судамъ право широкаго толкованія закона распространяется-ли на учрежденія административныя? Этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно: на власти административныя и понынѣ во всей силѣ распространяется 65 ст. основныхъ законовъ[1]).

Говоря объ исполненіи закона, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о правилахъ, опредѣляющихъ дѣйствія учрежденій и служащихъ лицъ, въ случаѣ полученія ими *противозаконныхъ предписаній* отъ высшихъ мѣстъ и лицъ, которымъ они подчиняются.

Вопросъ сводится на *повиновеніе закономѣрное* и *повиновеніе пассивное*—что такъ прекрасно разработано проф. Градовскимъ въ его Началахъ русскаго госуд. права (стр. 54 и сл. 1-го т.). Допускаетъ-ли наше законодательство только закономѣрное повиновеніе распоряженіямъ начальства, т. е. когда эти распоряженія не противорѣчатъ закону, или же оно требуетъ повиновенія пассивнаго—каждому распоряженію начальства, каково бы оно ни было по формѣ и содержанію?

Этотъ капитальный вопросъ старался разрѣшить еще Петръ В., установивши указомъ 20 янв. 1724 г. принципъ

---

[1]) Важнымъ вопросомъ толкованія законовъ, имѣющимъ такую богатую иностр. литературу, у насъ занимался проф. А. Д. Градовскій: »О судебномъ толкованіи законовъ по русскому праву« (Ж. гр. и уг. правъ, янв. 1874 г.) и Начала русскаго государств. права (Т. 1, стр. 14 и сл.).

законопмрнаго повиновенія только такимъ распоряженіямъ, которыя не противны законамъ, предоставляя въ противномъ случаѣ *право и обязанность представленія и протеста* со стороны подчиненныхъ мѣстъ и лицъ, получившихъ незаконное распоряженіе отъ своего начальства.

Началу, впервые установленному Петромъ В., слѣдуетъ наше современное законодательство. Оно также держится начала *повиновенія законопмрнаго;* оно также предоставляетъ подчиненнымъ учрежденіямъ и лицамъ право и даже обязанность дѣлать *представленія* и *протесты*, въ случаѣ *противозаконности* распоряженій начальства. Верховной инстанціей, въ которую стекаются эти представленія и протесты, и которая окончательно разрѣшаетъ вопросъ законны или незаконны распоряженія, по поводу которыхъ сдѣланы представленіе или протестъ есть *сенатъ,* по 1-му департаменту. Ему по праву принадлежитъ такая функція, такъ какъ онъ есть высшее *хранилище* законовъ, охраняющее ихъ неприкосновенность на всемъ пространствѣ имперіи.

Распоряженія могутъ исходить отъ разныхъ учрежденій:

1. Отъ сената. Если присутственное мѣсто или должностное лицо получатъ сенатскій указъ, который будетъ заключать въ себѣ противорѣчіе закону или повелѣнію Государя Императора, то онѣ обязаны, не исполняя указа, представить сенату о его противозаконности. Сенатъ можетъ уважить это представленіе, или же найти его неосновательнымъ и подтвердить свой прежній указъ. Въ такомъ случаѣ должно произойти безмолвное и непремѣнное исполненіе указа, такъ какъ выше сената въ такихъ дѣлахъ нѣтъ болѣе инстанцій [1]) (ст. 76). Но первое

[1]) Петръ В. указомъ 20 янв. 1724 г. расширялъ право дѣлать представленія, допуская доводить ихъ до Государя.

представленіе обязательно. Поэтому, если бы сомнительный указъ сената былъ исполненъ безъ такого представленія, то присутственное мѣсто или должностное лицо подвергаются отвѣтственности, которой не подлежатъ, приведя въ исполненіе повторительный указъ сената, какъ бы онъ ни противорѣчилъ закону. 76 ст. основныхъ законовъ, говоря объ обязанности дѣлать представленія сенату, ограничиваетъ ее только *губернскими присутственными мѣстами*. Но распространительное толкованіе этой статьи позволяетъ обобщить ея смыслъ, распространивъ ее на всѣ присутственныя мѣста и должностныя лица имперіи, не исключая, можно полагать, и такихъ высшихъ учрежденій, какъ министры.

2. Отъ министра. Въ послѣднее время предѣлы административныхъ распоряженій, исходящихъ отъ министровъ, очень расширены: многія отдѣльныя законоположенія развиваются и пополняются министерскими циркулярами; новый университетскій уставъ 1884 г., напр., представляетъ собою только общія рамки университетской организаціи, содержаніе которыхъ пополняется циркулярами министра народнаго просв.; такія же права предоставлены и другимъ министрамъ, въ особенности финансовъ и внутрен. дѣлъ. Вслѣдствіе такого широкаго современнаго значенія циркулярной функціи министровъ, особенно важное и острое значеніе получаетъ вопросъ о законности министерскихъ циркуляровъ и предписаній. Вопросъ этотъ разрѣшается ст. 77 и 78 нашихъ основныхъ законовъ.

Статьи эти постановляютъ слѣдующее: предписаніе министра можетъ заключать въ себѣ или объявленіе Высочайшаго повелѣнія, или же распоряженіе, непосредственно исходящее отъ его власти. Въ обоихъ случаяхъ, если только министерское предписаніе заключаетъ въ себѣ отмѣну закона, учрежденія или прежде объявленнаго Высочайшаго повелѣнія, то подчиненное начальство обязано,

не приводя въ исполненіе предписанія министра, представить ему, что оно противозаконно. Если министръ, не уваживъ этого представленія, подтвердитъ свое прежнее распоряженіе, то случай этотъ слѣдуетъ представить на окончательное разрѣшеніе сената, по полученіи указа котораго и должно послѣдовать исполненіе.

Министръ можетъ сдѣлать не только не согласное съ законами распоряженіе, но выступить за предѣлы своей компетентности и вступить въ дѣла, подвѣдомственныя другому министру. Получивъ такое не компетентное предписаніе, подчиненное лицо или мѣсто обязано, не исполняя его, представить объ этомъ тому министру, до вѣдомства котораго дѣло относится (238 ст. учр. мин.)[1]). Предписаніе министра, кромѣ противозаконности и некомпетентности, можетъ заключать въ себѣ крайнія неудобства и нецѣлесообразность. Если подчиненное министру начальство получитъ такое неудобное и нецѣлесообразное предписаніе, оно обязано почтительно представить о томъ министру въ самомъ скоромъ времени, и потомъ поступать по его разрѣшенію, не входя въ новыя представленія (235 ст. учр. мин.). Кромѣ того, предписанія министровъ тогда только имѣютъ дѣйствительную силу, когда изданы въ установленной для нихъ закономъ формѣ (236 ст. 16).

Основные законы говорятъ только о распоряженіяхъ сената и министровъ, въ которыхъ подчиненныя имъ начальства могутъ находить противорѣчіе и несогласіе съ закономъ. Но такія распоряженія могутъ, кромѣ того, исходить отъ

---

[1]) Это непосредственно вытекаетъ изъ 237 ст. общ. учр. мин.: »сила всѣхъ предписаній (министра) ограничивается тѣмъ кругомъ дѣлъ, который установленъ для каждаго министерства«.

3. Властей мѣстныхъ: генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ. Права этихъ мѣстныхъ властей по изданію обязательныхъ постановленій различны въ мѣстностяхъ, необъявленныхъ въ состояніи усиленной или чрезвычайной охраны и объявленныхъ въ такомъ положеніи. Въ мѣстностяхъ перваго рода генералъ-губернаторы, губернаторы и градоначальники могутъ издавать разнаго рода постановленія, обязательныя для подвѣдомственныхъ имъ районовъ. Законъ, не перечисляя всѣхъ предметовъ, по которымъ могутъ издаваться эти обязательныя постановленія, ограничивается общимъ выраженіемъ, что онѣ вообще могутъ быть издаваемы по предметамъ общественнаго благочинія, порядка и безопасности. При этомъ онъ ставитъ слѣдующіе предѣлы для *распорядительнаго* права мѣстныхъ властей: предписанія не должны выступать изъ сферы ихъ вѣдомства, онѣ не должны противорѣчить дѣйствующимъ законамъ и постановленіямъ высшихъ правительственныхъ лицъ и учрежденій, онѣ должны главнымъ образомъ касаться только исполненія уже существующаго узаконенія. Допустимъ, что предписаніе генералъ-губернатора, губернатора и градоначальника нарушитъ эти узаконенныя ограниченія: подчиненное начальство обязано сдѣлать объ этомъ представленіе въ сенатъ, по 1-му департаменту.

Въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ состояніи усиленной или чрезвычайной охраны, распорядительное право мѣстныхъ властей по изданію обязательныхъ постановленій по предметамъ общественнаго порядка и государственной безопасности—гораздо шире. Но и оно не должно выступать изъ узаконенныхъ границъ, но и противъ него имѣется общегосударственная гарантія—обращеніе съ протестомъ и представленіемъ въ тотъ же 1-й департ. сената.

Распоряженія могутъ, наконецъ, исходить отъ

4. Органовъ мѣстнаго самоуправленія—земскаго (губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній) и городскаго (городскихъ думъ). Распоряженія эти — statuta legalia — въ настоящее время не имѣютъ того значенія мѣстнаго законодательства, какъ въ средніе вѣка, когда господствовала мѣстная и корпоративная автономія. Границы распорядительной власти органовъ самоуправленія точно обозначены въ законѣ: распоряженія этихъ органовъ не должны противорѣчить существующимъ законамъ, ограничиваясь только тѣми предметами, которые указаны въ законѣ. Въ противномъ случаѣ имѣетъ примѣненіе гарантія протеста и представленія въ 1-мъ департам. сената [1]).

6) *Отмѣна закона.*

§ 36. Законы удовлетворяютъ преходящимъ потребностямъ человѣческаго общежитія, и поэтому вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законовъ не существуетъ и существовать не можетъ. Сообразно мѣняющимся потребностямъ, должны измѣняться и законы, которые имъ удовлетворяютъ. Отсюда происходитъ *отмѣна* старыхъ законовъ, замѣна ихъ законами новыми. *Отмѣнить существующій законъ можетъ только та власть, которая его установила*, значитъ, власть законодательная, хотя фактически законъ можетъ быть отмѣненъ иногда силою самой жизни, когда онъ игнорируется. Такъ, въ Англіи долгое время существовалъ безъ примѣненія законъ о судебныхъ поединкахъ, отмѣненный парламентомъ только въ 19 ст., такъ

---

[1]) Въ Англіи, гдѣ такъ сильно развита мѣстная и корпоративная автономія, мѣстные и корпоративные статуты—by laws—не должны противорѣчить статутамъ парламента.

и у насъ въ настоящее время игнорируются нѣкоторые устарѣлые законы, напримѣръ, о соотвѣтствіи должности и чина и др. Но во всякомъ случаѣ, юридическій характеръ отмѣна закона можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда она исходитъ отъ законодательной власти. У насъ отмѣнять законы можетъ только власть самодержавная. Ст. 72 осн. законовъ постановляетъ, что всякій законъ сохраняетъ свое дѣйствіе, покуда не будетъ отмѣненъ силою новаго закона.

Не такъ опредѣленно разрѣшается нашимъ законодательствомъ вопросъ о томъ, кто можетъ дѣлать представленія верховной власти объ отмѣнѣ законовъ. Императрица Екатерина II, въ своемъ наказѣ, говорила о необходимости имѣть такое *хранилище законовъ*, которое, принимая отъ государя законы, разсматривало бы оные прилежно, имѣя право представлять, что *они противны уложенію*. Такимъ *хранилищемъ законовъ* долженъ былъ быть по ея мысли сенатъ, который имѣлъ получить право вписывать и обнародовать законы только въ такомъ случаѣ, когда они не противорѣчатъ уложенію. Высокія идеи императрицы не были приведены въ исполненіе, и *общее храненіе* законовъ, возложенное на сенатъ 56 ст. основныхъ законовъ, получило только значеніе наблюденія надъ *исполненіемъ* законовъ мѣстами и лицами, сенату подчиненными. Но главные начальники губерній по закону 7 ноября 1775 года получили право, при изданіи новаго узаконенія, найдя его неудобнымъ для примѣненія къ мѣстнымъ условіямъ края, созвать общее собраніе губернскаго правленія и палатъ, подвергнувъ въ немъ новый законъ обсужденію со всѣхъ его сторонъ, въ присутствіи губернскаго прокурора. При единогласномъ мнѣніи всѣхъ членовъ общаго присутствія о мѣстныхъ неудобствахъ новаго закона, составлялся о томъ журналъ, представлявшійся затѣмъ въ установлен-

номъ порядкѣ на разсмотрѣніе сената (ст. 75)[1]). Право это впослѣдствіи распространилось и на всѣхъ губернаторовъ.

Правда, основные законы предоставляютъ его только генералъ-губернаторамъ. Но статья 75, въ которой объ этомъ говорится, заимствована составителями свода изъ 101 ст. екатерининскаго учрежденія для управленія губерній. Изъ этого же источника заимствовалъ наказъ губернаторамъ 1837 г. право начальниковъ губ., въ *особенно важныхъ или чрезвычайныхъ случаяхъ вообще*, созывать общее собраніе губернскаго правленія и палатъ. Это право подтверждаетъ 504 ст. 1 ч. II т. изд. 1876. Такимъ *важнымъ* и *чрезвычайнымъ* случаемъ можетъ быть и полученіе въ губерніи новаго узаконенія.

Что̀ касается права самого сената представлять Государю о неудобствахъ существующаго закона и о необходимости его отмѣны, то это право даровано было ему въ весьма ограниченномъ объемѣ. При преобразованіи сената въ 1802 г., ему даровано было именно право представлять Государю только объ отмѣнѣ старыхъ, прежде изданныхъ законовъ. (Ст. 74)[2]).

Какъ понимать эту статью? Она была издана въ 1802 г. Буквальный ея смыслъ таковъ, что сенатъ имѣетъ право представлять *только* объ отмѣнѣ тѣхъ законовъ, которые были изданы до 1802 г. Но очевидно,

---

[1]) »Въ случаѣ подтвержденія Верховной властію новаго узаконенія имѣетъ быть чинимо непремѣнное и безмолвное исполненіе«.

[2]) Если бы по дѣламъ общимъ государственымъ или гражданскимъ существовалъ законъ, сопряженный съ неудобствами въ исполненіи: то пр. сенату дозволяется представить о томъ Имп. Величеству. Сіе разумѣется впрочемъ только о прежнихъ постановленіяхъ и не можетъ касаться законовъ вновь издаваемыхъ или подтвержденныхъ отъ Верховной власти« (Ук. 1802 г. 2-е П. С. № 29405).

что большаго значенія право, такимъ образомъ ограниченное, имѣть не могло.

Фактически право представлять объ отмѣнѣ законовъ сосредоточилось въ рукахъ министровъ, которымъ, какъ мы видѣли, фактически принадлежитъ и законодательный починъ.

Что̀ касается порядка отмѣны, то̀ онъ такой же самый, какой установленъ и для составленія новыхъ законовъ: „Законъ общій и всенародно объявленный отмѣняется не иначе, какъ таковымъ же общимъ закономъ. Указъ, изданный за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ, не иначе отмѣненъ быть можетъ, какъ таковымъ же указомъ, за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ“ (ст. 73).

7) *Раздѣленіе законовъ.*

§ 37. Законы могутъ быть *раздѣляемы* въ различныхъ отношеніяхъ. Подробное ученіе объ этомъ—предметъ юридической энциклопедіи. Мы коснемся вопроса, поскольку о немъ говорятъ наши основные законы.

Основные законы говорятъ только о раздѣленіи законовъ по объему ихъ дѣйствія и по ихъ формѣ (ст. 48 и 53).

1. *Раздѣленіе законовъ по объему ихъ дѣйствія.* Въ этомъ отношеніи законы наши раздѣляются на *общіе* и *особенные*, на *общіе* и *мѣстные*.

Общіе закены, въ противоположность *особеннымъ*, суть такіе, которые имѣютъ обязательную силу для *всѣхъ лицъ* въ Имперіи, безъ всякаго изъятія. *Особенные* законы, въ противоположность *общимъ*, имѣютъ обязательную силу только для *нѣкоторыхъ лицъ* въ Имперіи, какъ изъятія.

Верховная власть, творящая *общіе* законы, можетъ устанавливать изъятія изъ нихъ—издавать законы *особенные*.

Къ такимъ особеннымъ законамъ принадлежатъ у насъ слѣдующіе: 1) сепаратные указы, 2) привиллегіи, 3) судебныя рѣшенія.

Сепаратнымъ указомъ называется такой указъ, который касается одного какого-нибудь дѣла и только тѣхъ лицъ, до которыхъ это дѣло относится. Онъ не имѣетъ силы общаго закона, если въ немъ не будетъ означено, что онъ распространяется въ подобныхъ случаяхъ и на будущее время, и если онъ не будетъ надлежащимъ порядкомъ обнародованъ (ст. 67).

Привиллегіей называется законъ, изъемлющій какого нибудь члена государства, или цѣлый классъ, изъ подъ господства общаго закона (ст. 71). На этомъ основаніи и привиллегіи могутъ быть двухъ родовъ: *личныя и корпоративныя.*

Судебное рѣшеніе—какъ гражданское, такъ и уголовное—есть законъ, но только сепаратный: для рѣшеннаго дѣла и для тѣхъ лицъ, до которыхъ это дѣло относится. Въ 68 ст. основныхъ законовъ прямо сказано: „окончательное судебное рѣшеніе частнаго дѣла имѣетъ силу закона для того дѣла, по коему оно состоялось“. (См. также ст. 69) [1]).

---

[1]) »Судебныя рѣшенія дѣлъ частныхъ, хотя могутъ быть приводимы въ поясненіе въ докладахъ но не могутъ быть признаваемы закономъ общимъ, для всѣхъ обязательнымъ, ниже служить основаніемъ окончательныхъ рѣшеній по дѣламъ подобнымъ«. Это значеніе судебныхъ рѣшеній по нашимъ основнымъ законамъ видоизмѣняется новыми судебными уставами относительно кассаціонныхъ рѣшеній сената, пріобрѣтающихъ значеніе обязательнаго прецедента. На основаніи судебныхъ уставовъ, кассац. рѣшенія сената печатаются во всеобщее свѣдѣніе для *руководства* къ единообразному исполненію и примѣненію закона. Въ силу этого онѣ пріобрѣтаютъ безусловно обязательную силу для всѣхъ судовъ Имперіи. (См. Начала пр. Градовскаго, 1. 90: о силѣ судебнаго толкованія).

Общіе законы, въ противоположность *мѣстнымъ*, имѣютъ обязательную силу *на всемъ пространствѣ* русскаго территорія.

Мѣстные законы, въ противоположность *общимъ*, дѣйствуютъ только въ *извѣстныхъ частяхъ* Россійской Имперіи.

Конкуренція *мѣстныхъ* законовъ съ законами *общими* неизбѣжно вытекаетъ изъ громаднаго пространства русскаго государств. территорія, населеннаго племенами различнаго этнографическаго типа, разной исторіи, стоящими на различныхъ ступеняхъ культуры: туркмены и бродячіе инородцы Сибири могутъ-ли быть управляемы по тѣмъ же самыхъ законамъ, какъ финляндцы, поляки, прибалтійскіе нѣмцы или великороссы? Очевидно, что въ такомъ государствѣ, какъ Россія, широкое развитіе должна была получить система мѣстныхъ законовъ. Но признавая необходимость мѣстныхъ законовъ, слѣдуетъ правильно и осторожно сопоставить ихъ съ законами общегосударственными, русскими, которые должны составлять правило, допускающее мѣстный законъ, какъ изъятіе. Во всякомъ случаѣ вопросъ о мѣстномъ законодательствѣ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ внутренней политики, къ которому не одинаково относились русскіе государи. Нѣкоторые изъ нихъ, высоко ставя господство общегосударственнаго русскаго закона, неблагопріятно относились къ закону мѣстному. Другіе, напротивъ, покровительствовали мѣстнымъ особенностямъ и провинціализмамъ. Екатерина II представительница перваго направленія; Павелъ I, можетъ быть въ силу духа реакціи своей матери, слѣдовалъ второму. Въ возсоединенномъ раздѣлами Польши западно-русскомъ краѣ великая государыня старалась ввести русскія учрежденія и законы; она не признавала остзейскаго края, какъ единаго цѣлаго, не знала даже Лифляндіи и Эстляндіи,

но знала только губ. рижскую и ревельскую, въ которыхъ вполнѣ были введены губернскія учрежденія 1775 г. Императоръ Павелъ установилъ понятіе объ Остзейскомъ краѣ, въ составъ котораго онъ ввелъ и Курляндію, какъ о мѣстности, отличной отъ прочихъ частей имперіи, которому было придано внутреннее единство. Въ Малороссіи введенъ былъ литовскій статутъ и возстановлено прежнее судопроизводство. То же было сдѣлано и относительно возсоединеннаго западно-русскаго края. Губерніи были раздѣлены на 2 категоріи: 1) управляемыя на общемъ основаніи и 2) на особомъ положеніи.

Императоръ Александръ I склонялся болѣе къ политикѣ своего отца, чѣмъ къ политикѣ своей державной бабки относительно вопроса о мѣстномъ законодательствѣ. При немъ въ составъ русскаго государства вошли В. кн. Финляндское, въ пользу котораго была прирѣзана Выборгская губ. и Ц. Польское. Обѣ страны составили почти самостоятельныя государства, съ другимъ образомъ правленія. Вѣрнѣе завѣтамъ Екатерины II былъ императоръ Николай I, ненавидѣвшій мѣстныя особенности, и старавшійся по возможности ихъ ослабить. Онъ отмѣнилъ отличіе образа правленія для Финляндіи и Польши; отмѣнилъ литовскій статутъ въ западно-русскихъ губ., а въ Малороссіи — особенное судопроизводство. Его отношеніе къ Прибалтійскому краю ясно обнаружилось въ словахъ, сказанныхъ имъ остзейскимъ баронамъ: „Sprechen sie deutsch, aber meinen sie russisch“ (Р. Арх. 1885 № 1) Политика Александра II относительно этого важнаго вопроса не была консеквентна, но колебалась и впадала въ противорѣчія, что особенно видно относительно Царства Польскаго, въ которомъ то усиливалась, то ослаблялась автономія Нынѣшній Государь Императоръ, какъ можно думать по нѣкоторымъ приз-

накамъ, вѣренъ завѣтамъ Екатерины II и Николая I. [1]).

Какъ же по нашимъ основнымъ законамъ опредѣляется объемъ дѣйствія мѣстнаго закона?

18 ст. осн. з. постановляетъ: „Законы въ Имперіи дѣйствуютъ или единообразно въ общей ихъ силѣ, или съ мѣстными въ нѣкоторыхъ ихъ частяхъ измѣненіями. Пространство сихъ измѣненій, мѣста, гдѣ они допускаются, и связь ихъ съ законами общими, опредѣляются въ особенныхъ законахъ, учрежденіяхъ и уставахъ".

Профессоръ Градовскій совершенно правильно толкуетъ эту статью, когда видитъ въ ней, что мѣстные законы—во власти самодержавія. „По измѣнившимся условіямъ государства" говоритъ онъ „самодержавная власть, какъ представительница общественныхъ интересовъ, вправѣ видоизмѣнить содержаніе мѣстныхъ законовъ и даже вовсе отмѣнить ихъ силу. Признать противный принципъ, значило бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать, что всѣ тѣ мѣстности, которыя входятъ въ составъ имперіи на особыхъ правахъ, составляютъ какъ бы особыя государства, съ отдѣльной самодержавной властью и, слѣдовательно, образуютъ государства въ государствѣ" [2]).

Въ какихъ же мѣстностяхъ дѣйствуетъ и имѣетъ силу мѣстный законъ?

Мѣстный законъ можетъ быть: *административный*, опредѣляющій особенности въ управленіи; *гражданскій*, опредѣляющій особенности правоотношеній семейственныхъ, имущественныхъ и обязательственныхъ и *уголовный*, опредѣляющій особенности преступленія и наказанія.

---

[1]) Весьма назидательно для этого вопроса сочиненіе покойнаго Самарина «Окраины Россіи», къ сожалѣнію мало распространенное.

[2]) Начала, т. 1, 133.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчаются особенности въ какомъ нибудь изъ этихъ трехъ законовъ, а въ другихъ—особенности во всѣхъ. Наибольше особенностей не только въ законодательствѣ и управленіи, но и въ устройствѣ государства, представляетъ Финляндія. За нею слѣдовало Царство Польское, которое теперь превращено въ Привислянскій край съ распространеніемъ на него общихъ государственныхъ установленій, такъ что особенности его состоятъ только въ томъ, что въ немъ дѣйствуетъ Code Napoléon, съ нѣкоторыми измѣненіями. Прибалтійскій край представляетъ также существенныя особенности въ муниципальной и сословной организаціи и въ законодательствѣ. Для этого края въ 1845 г. былъ изданъ сводъ мѣстныхъ узаконеній въ 2 частяхъ, продолженный и дополненный въ 1853 и въ 1864 г. Особенности въ управленіи и законодательствѣ встрѣчаются также въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ; въ области Войска Донскаго; въ Туркестанѣ и др. среднеазіатскихъ владѣніяхъ.

Въ Бессарабской губ. для румыновъ, въ Грузіи—для армянъ и грузинъ—дѣйствуетъ особенное гражданское право. Въ Малороссіи имѣютъ примѣненіе нѣкоторыя статьи литовскаго статута, по отношеніямъ семейственнымъ и имущественнымъ, введенныя въ систему X т.

2. *Раздѣленіе законовъ по внѣшней формѣ.* Законы могутъ издаваться въ различныхъ формахъ [1]). Но формы эти юридическаго значенія не имѣютъ: въ какой-бы формѣ законъ ни былъ изданъ, онъ одинаково святъ и обязателенъ. Различныя формы, въ которыхъ законы могутъ издаваться, имѣютъ внѣшнее, редакціонное значеніе.

---

[1]) »Законы издаются въ видѣ уложеній, уставовъ, учрежденій, грамотъ, положеній, наказовъ (инструкцій), манифестовъ, указовъ, мнѣній госуд. совѣта и докладовъ, удостоенныхъ Высочайшаго утвержденія« (ст. 53 Осн. З.).

Уже въ древней Россіи мы замѣчаемъ разнообразіе формъ: законы издавались въ видѣ *уставовъ*, *грамотъ* самаго разнообразнаго содержанія—судныхъ, жалованныхъ, уставныхъ, губныхъ, таможенныхъ и т. д. [1]), въ видѣ *боярскихъ приговоровъ*, *постановленій земскихъ соборовъ*, *царскихъ приказовъ*, *наказовъ* и т. д. Въ древней Россіи появились попытки и *сводной формы*: Русскія правды, судебники, стоглавъ, уложеніе.

Разнообразныя формы, въ которыхъ издаются у насъ законы въ настоящее время, могутъ быть подведены подъ два главные рода, изъ которыхъ каждый раздѣляется на нѣсколько видовъ.

1. Первообразная, отрывочная форма, когда законы имѣютъ видъ отдѣльныхъ постановленій—фрагментовъ.

2. Производная, систематическая форма, когда отдѣльныя постановленія *сводятся* въ одну цѣлую систему, составляя *своды* или *уложенія*.

I. Первообразную, отрывочную форму, имѣютъ законы вскорѣ по обнародованіи ихъ, до введенія въ систему свода или уложенія. При этомъ они могутъ имѣть *краткую* и *пространную* форму.

1. Къ *краткой* формѣ принадлежатъ:

а) Манифесты,

б) Мнѣнія государственнаго совѣта,

в) Именные указы Государя Императора,

г) Доклады высшихъ присутственныхъ мѣстъ, а также и журналы комитета министровъ, Высочайше утвержденныя.

Разсмотримъ каждую изъ этихъ формъ въ отдѣльности.

---

[1]) Саларевъ »Описаніе разнаго рода россійскихъ грамотъ« (В. Евр. за 1819 г. № 4). Нѣкоторые изслѣдователи насчитываютъ болѣе 30 видовъ грамотъ.

а) *Манифестъ* есть торжественный способъ объявленія народу Монаршей воли, или торжественное извѣщеніе народа Монархомъ о какомъ-нибудь событіи. Манифестомъ объявляются война, заключеніе мира, извѣщается о важнѣйшихъ событіяхъ, относящихся къ членама Императорской Фамиліи и т. д. Въ этихъ случаяхъ манифесты имѣютъ самостоятельное значеніе, но иногда манифестъ издается, какъ придаточный къ какому-нибудь закону актъ. Обыкновенно объ изданіи такихъ законовъ, которые касаются особенно важныхъ отношеній въ государствѣ, народъ извѣщается посредствомъ манифеста. Изданіе закона 15 февраля 1861 г., отмѣнившаго крѣпостную зависимость крестьянъ, сопровождалось манифестомъ и др.

б) Положенія, принятыя государственнымъ совѣтомъ *единогласно*, или когда Государь Императоръ изволитъ принять заключеніе *большинства*, называются *Мнѣніями Государственнаго Совѣта*, Высочайше утвержденными.

Форма, въ которой излагаются такія мнѣнія государственнаго совѣта, приложена къ 109 ст. учр. госуд. совѣта.

в) Въ видѣ *Именныхъ указовъ* издаются постановленія тогда, когда при происшедшемъ въ совѣтѣ разногласіи, Государь Императоръ изволитъ принять заключеніе *меньшинства*, или же постановитъ Свою *собственную резолюцію*. Форма такихъ Именныхъ указовъ изложена въ 112 ст. учр. госуд. совѣта. Особенно часто постановленія въ такой формѣ издавались при Императорѣ Николаѣ, который не рѣдко постановлялъ свои собственныя резолюціи [1]).

---

[1]) Императоръ Александръ I изъ 242 разномыслій государственнаго совѣта, 83 раза утвердилъ мнѣніе меньшинства; въ 4 случаяхъ онъ соглашался съ мнѣніемъ одного лишь члена. Такова была практика,

г) Доклады высшихъ присутственныхъ мѣстъ, а также журналы комитета министровъ, Высочайше утвержденные, имѣютъ силу закона.

2. Къ *пространной* первообразной формѣ относятся слѣдующіе виды:

а) Уставы,
б) Учрежденія,
в) Грамоты,
г) Положенія,
д) Наказы,
е) Инструкціи.

а) Подъ *уставомъ*, или административнымъ регламентомъ, разумѣется совокупность узаконеній, опредѣляющихъ порядокъ управленія извѣстной частію. Напр.: Уставъ благочинія 1782 г., Судебные уставы 1864 г.

б) *Учрежденіемъ* — регламентомъ органическимъ — называются узаконенія, опредѣляющія образованіе мѣстъ и властей: ихъ составъ, предметы вѣдомства, степень власти, порядокъ дѣлопроизводства. Напримѣръ: Учрежденіе для управленія губерній 1775 г.

в) *Грамота* излагаетъ права и привиллегіи, которыя даруются особеннымъ общественнымъ классамъ: Дворянская грамота 1785 г.

г) *Положеніе* заключаетъ въ себѣ совокупность постановленій, опредѣляющихъ права и обязанности какого

не смотря на теорію Сперанскаго »внявъ мнѣнію совѣта«, предполагавшую большинство обязательнымъ для государя. Императоръ Николай на меморіяхъ государственнаго совѣта обыкновенно писалъ »быть по мнѣнію столькихъ-то членовъ«; или же противъ заключенія большинства или меньшинства писалъ »и Я.« Съ заключеніемъ меньшинства онъ соглашался въ такихъ случаяхъ, когда его раздѣлялъ предсѣдатель. Чаще постановлялъ свои собственныя резолюціи (см. Исторію Госуд. Сов. Даневскаго).

нибудь разряда лицъ (Положеніе 19 февраля 1861 г. о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости), или какой-нибудь отрасли управленія (Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 г.).

д) Когда Уставъ ограничивается какой-нибудь отдѣльной частію дѣлъ, тогда онъ называется *наказомъ:* Общій наказъ министерствамъ 1811 г.

е) Наказъ, опредѣляющій способъ дѣятельности какого-нибудь должностнаго лица, называется *инструкціей:* Инструкція межевымъ канцеляріямъ 1766 г.

Мы сдѣлали характеристику первообразныхъ формъ закона на основаніи опредѣленій гр. Сперанскаго, въ его *Руководствѣ къ познанію законовъ*. Но едва-ли эти формы имѣютъ такое опредѣлившееся значеніе на практикѣ, и едвали онѣ не употребляются безразлично. Во всякомъ случаѣ, онѣ не могутъ имѣть равнаго значенія. *Учрежденія*, *уставы* и *положенія* заключаютъ въ себѣ основной законъ, общія начала, опредѣляющія организацію и компетентность властей и учрежденій; *наказы* же и *инструкціи* опредѣляютъ лишь подробности исполненія основнаго закона, формы дѣлопроизводства. Сопоставленіе ихъ въ 58 ст. основныхъ законовъ, какъ *равносильныхъ* законодательныхъ актовъ, которые потомъ старался охарактеризовать составитель нашего Свода, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что въ нашемъ Сводѣ законовъ, какъ увидимъ ниже, общіе и основные законы перемѣшаны безразлично съ мельчайшими административными регламентами. Если бы этого не было, то *инструкціи* и *наказы*—регламенты административные—не сопоставлялись бы *положеніямъ* и *уставамъ*—актамъ законодательнымъ [1]).

[1]) Для уясненія этого вопроса весьма назидательно мнѣніе членовъ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, Заруднаго и Даневскаго (Труды комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, ч. II, кн. 2).

II. Законы, издающіеся въ первообразной формѣ отрывочныхъ постановленій, соединяются въ сборники, имѣюшіе характеръ *свода* или *уложенія*.

Между сборниками обоего рода существенное различіе, которое обусловливается отличіемъ *консолидаціи* законовъ отъ ихъ *кодификаціи*.

Консолидація — сведеніе въ одно цѣлое отдѣльныхъ постановленій, издававшихся въ различное время, въ различныхъ формахъ и редакціяхъ. Она преобладаетъ въ Англіи.

Кодификація — сведеніе отдѣльныхъ постановленій дѣйствующаго права въ переработанную систему, проникнутую однимъ общимъ началомъ. Господствуетъ во Франціи, образцовые кодексы которой послужили примѣромъ для континентальныхъ государствъ.

Своды заключаютъ въ себѣ законодательство *сведенное, консолидированное; уложенія* или *кодексы* — законодательство *уложенное, кодифицированное*.

У насъ преобладаетъ система консолидаціи; господствуютъ своды. Встрѣчаемъ только двѣ попытки кодификаціи: Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 г. и Морской уставъ 1853 г. Да и эти сборники не могутъ быть названы кодексами въ настоящемъ значеніи этого слова: редакторы уложенія справедливо назвали его улучшеннымъ сводомъ.

Въ бо́льшемъ числѣ существуютъ своды. Во-первыхъ, мы имѣемъ, какъ важнѣйшій, *Сводъ законовъ Россійской Имперіи*, работы по изданію котораго начались съ Петра В. и продолжались до Императора Николая. Этотъ Сводъ законовъ былъ изготовленъ уже въ 1832 г., обнародованъ 31 янв. 1833 г., а воспріялъ силу только съ 1 янв. 1835 г. Сводъ изданъ въ XV томахъ, между которыми законы распредѣлились по слѣдующей системѣ. Они раздѣлены Сперанскимъ на 8 частей:

Часть I: основные государственные законы, помѣщенные въ 1-ой части I тома; II: учрежденія мѣстъ и властей государственныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ, городскихъ и сельскихъ (законы органическіе или учредительные), вошедшіе во 2-ю ч. I т., во II и III т.; III: уставы о повинностяхъ военнослужебной и земскихъ, и уставы о доходахъ и имуществахъ государственныхъ или уставы казеннаго управленія (законы правительственныхъ силъ), составляющіе содержаніе слѣдующихъ томовъ IV—VIII; IV: законы о состояніяхъ (о дворянствѣ, духовенствѣ, о состояніяхъ городскихъ и сельскихъ обывателей и о состояніяхъ инородцевъ и иностранцевъ)—IX; V: законы гражданскіе и межевые—т. X; VI: уставы государственнаго благоустройства—т. XI и XII; VII: уставы благочинія (законы полиціи)—т. XIII и XIV; VIII: законы уголовные—т. XV.

Послѣ этого перваго изданія свода, были изданы многія новыя постановленія, отмѣнены, измѣнены и дополнены нѣкоторыя старыя: явилась потребность новаго, 2-го изданія, которое дѣйствительно и состоялось въ 1842 г. Это 2-ое изданіе представляетъ ту же систему 8 частей, распредѣленныхъ между XV томами, объемъ которыхъ увеличился почти вдвое: 36,000 статей изд. 1833 г. разрослись до 70,000 статей изд. 1842. Важнѣйшая редакціонная перемѣна состояла во включеніи въ X т. статей Литовскаго статута, дѣйствующихъ въ губ. Полтавской и Черниговской.

Та же потребность, которая вызвала изданіе 1842 г., заставила правительство издать Сводъ въ третій разъ, въ 1857 г. Это послѣднее изданіе не представляетъ никакого отличія отъ предыдущихъ во внутренней системѣ. Во внѣшнемъ же видѣ оно представляетъ нѣкоторыя отличія. Не говоря о значительно бо́льшемъ числѣ статей, въ 3-е изд. включены такіе уставы, какихъ нѣтъ ни въ 1-мъ,

ни во 2-мъ: въ VIII т. уставы счетные, въ XI—управленіе духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Кромѣ того, 1-я кн. XV т. замѣнена уложеніемъ 1845 г. Хотя число томовъ осталось прежнее, но въ дѣйствительности ихъ 21, такъ какъ нѣкоторые раздѣлены на части, напримѣръ: II—2 ч., VIII—2, X—3, XI—2, XII—2.

Въ 1876 г.—попытка 4-го изданія свода, но изданы только нѣкоторые томы и части ихъ. Изданы именно: примыкающее къ первому тому учрежденіе орденовъ и другихъ знаковъ отличія; 1-я ч. II т.—общее губернское учрежденіе и учрежденіе управленія кавказскаго и закавк. кр., входящее во 2-ю ч. II т.; уставъ о службѣ гражданской—т. III и законы о состояніяхъ—т. IX, и какъ приложеніе къ нему, положеніе о сельскомъ состояніи.

Это 4-е частичное изданіе свода—одно изъ самыхъ неудовлетворительныхъ. Достаточно указать на включеніе новыхъ судебныхъ уставовъ въ кругъ учрежденій губернскихъ. Отсюда вопіющія несообразности: судебныя палаты отнесены, напр., къ губ. учр., наравнѣ съ подчиненными имъ окружн. судами и старшими нотаріусами; прокуроръ судебной палаты сдѣланъ такою-же губ. властію, какъ и подчиненный ему прокуроръ окружнаго суда и т. д.

Сперанскій изданіемъ Свода оказалъ отечеству незабвенную услугу. Какого труда стоило ему это изданіе, видно изъ словъ его талантливаго біографа, гр. Корфа, который говоритъ, что „ни одна строка (свода) не осталась безъ личной его повѣрки, очень часто передѣлки“. При безпомощности Сперанскаго въ такой громадной работѣ, не удивительны большіе недостатки свода, на которые указали Бабичевъ (см. Чтенія въ общ. ист. и и древн. росс., кн. IV за 1865 г.) и пр. Ренненкампфъ

въ своей Юридической энциклопедіи. Недостатки эти, дѣйствительно, очень велики, и заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что законодательные акты перемѣшаны съ административными распоряженіями, что законы формулуются не всегда съ нужной точностію, и притомъ словами и выраженіями, нерѣдко уже вышедшими изъ употребленія.

Недостатки Свода, составляющаго по словамъ одного изъ нашихъ государственныхъ людей не столько *Сводъ законовъ*, сколько *сборникъ Высочайшихъ указовъ*, дѣлаютъ переработку его настоятельною потребностію нашего времени. Въ особенности желательно, чтобъ такая переработка совершилась въ смыслѣ *кодификаціи*, которая теперь такъ занимаетъ наше правительство, что̀ видно изъ того, что уже выработаны проэкты гражд. и уголовнаго уложеній. А для успѣха такой переработки нужнѣе всего выдѣлить изъ Свода мелкія административныя постановленія, формуловавъ болѣе точными словами законы. Во II-мъ отд. собств. Е. И. В. канцеляріи еще въ 1862 г. составлены были предварительныя соображенія объ отдѣленіи *законовъ* отъ *административныхъ постановленій*, подъ руководствомъ покойнаго гр. Корфа, но дальнѣйшаго хода онѣ не имѣли.

Потребность означенной нами переработки еще болѣе усиливается, вслѣдствіе того, что реформами, послѣдовавшими послѣ 1857 г., законодательство наше во многихъ своихъ частяхъ радикально измѣнилось, поколебавъ и разрушивъ прежнюю систему и содержаніе Свода; для примѣра достаточно указать на IX т. Необходимо примирить и сочетать эти новыя узаконенія со старыми, отмѣнивъ тѣ изъ послѣднихъ, которыя принципіально противорѣчатъ первымъ. Но для этого необходимы предварительныя ученыя работы о свойствахъ Свода—его до-

стоинствахъ и недостаткахъ [1]). Работы эти—святая обязанность нашихъ юристовъ.

Кромѣ общаго свода, у насъ существуютъ еще слѣдующіе:

1) Сводъ военныхъ постановленій, напечатанный въ 1838 г., а воспріявшей силу въ 1840 г. Въ этотъ сводъ вошли всѣ военныя постановленія, начиная отъ воинскаго устава Петра В. до 1838 г. Состоитъ изъ 12 томовъ. Второе изданіе было въ 1859 г.

2) Сводъ морскихъ уголовныхъ законовъ, изданный въ 1851 г. въ I т., состоящемъ изъ 2 книгъ.

Въ другихъ государствахъ мы видимъ также, что при существованіи общаго термина *законъ*—Loi, Law, Gesetz, законодательные акты носятъ различныя другія видовыя наименованія.

Особенно разнообразны были такія наименованія во Франціи при старомъ монархическомъ порядкѣ, до революціи 1789 г. Родовое названіе актовъ законодательной власти—*lois*—замѣнялось часто другими: 1) *парламентскіе регламенты*—les arrêts de reglement; 2) *постановленія королевскаго совѣта*—les arrêts du conseil; 3) *королевскіе эдикты*—les édits royaux; 4) *королевскіе ордоннансы*—les ordonnances royales и 5) *декреты*—les décrets. Во время директоріи и консульства—*правительственныя постановленія*—arrêtés

---

[1]) Пельзя не назвать и до сихъ поръ вполнѣ справедливыми слѣдующія слова, нѣкогда сказанныя Погодинымъ: ....»какія есть у насъ сочиненія и изслѣдованія о Собраніи законовъ, о Сводѣ, напечатанныхъ уже сорокъ лѣтъ? Въ чемъ состоятъ достоинства Свода, его отличительныя качества, недостатки, средства для ихъ исправленія, сокращенія? Что можно сказать объ его расположеніи? Нѣтъ-ли какихъ работъ надъ его отдѣльными частями? Увы, отвѣтъ долженъ быть отрицательный, а мы имѣемъ въ семи университетахъ больше пятидесяти профессоровъ права! Не мало вышло и магистровъ«. (Р. Арх. 1871 г. № 7 и 8).

du gouvernement. Терминъ *décrets* былъ особенно употребителенъ въ эпохи личной и коллективной диктатуры (обѣ имперіи, три республики). *Ordonnance royale* часто употреблялось во время реставраціи 1814 г. и іюльской монархіи 1830 г. Во времена обѣихъ имперій введена была форма *senatus-consultes*—для постановленій сената. Въ настоящее время преобладаетъ употребленіе родоваго термина *lois:* 1) законы обыкновенные—*lois ordinaires* и 2) конституціонные—*lois constitutionnelles*.

Въ Англіи общее родовое наименованіе *law:* законы общіе, обычные—*common laws* и *постановленія парламента* — statute laws. Когда въ государствѣ господствовала корона, она жаловала (октроировала) права и привиллегіи народу и корпораціямъ актами, которыя носили названіе *хартій* (charters)—терминъ соотвѣтствующій нашему *грамоты*.

Парламентскія постановленія, общее родовое наименованіе которыхъ—*статуты*, въ частности носятъ иногда другія названія:

1) *Публичные и общіе статуты*—public and general acts—обязательные для всѣхъ гражданъ государства, которые офиціально должны быть вѣдомы судомъ.

2) *Частные статуты*—private acts—обязательные только для извѣстной группы лицъ, которые офиціально судамъ не вѣдомы.

3) *Личные статуты*—personal acts, касающіеся одного только лица, напр. актъ натурализаціи.

4) *Обще-мѣстные статуты*—public local acts обязательные для всѣхъ жителей, но только одного какого нибудь района и вѣдомые офиціально мѣстными судами.

Въ Германіи общее родовое слово *Gesetz* видоизмѣняется въ извѣстныхъ случаяхъ: 1) *законы основные, конституціонные* — Grund-Verfassungsgesetze и 2) *законы обыкновенные*—gewöhnliche Gesetze; 3) *обыкновенные и исклю-*

чительные—Ordentliche und Ausnahmsgesetze; 4) *общіе и привиллегіи*—Gemeingesetze und Privilegien.

в) отношеніе верховной власти къ суду.

§ 38. Не только въ княжескій, но и въ царскій періодъ нашей исторіи, князья и цари участвовали непосредственно и лично въ отправленіи суда: княжій дворъ былъ обыкновенно мѣстомъ суда, чинившимъ *княжую правду*; извѣстны суды Грознаго, извѣстно, что при первыхъ Романовыхъ нѣкоторыя лица подлежали непосредственному суду самаго царя, бывшаго въ другихъ случаяхъ послѣдней апеляціонной инстанціей. Но, конечно, цари не могли принимать такъ часто непосредственнаго участія въ отправленіи суда, какъ князья, для которыхъ это была обычная функція[1]): въ уложеніи устанавливается наказаніе за подачу челобитныхъ государю, помимо приказовъ. Указъ 1699 г. постановляетъ „буде судьи или дьяки учинятъ какую неправду, въ тѣхъ дѣлахъ бити челомъ государю невозбранно во всякое время и во всякихъ мѣстахъ".

Такимъ образомъ, царь чинитъ судъ только, какъ послѣдняя инстанція, когда жалуются на приказы. Какъ первой-же судебной инстанціи, ему принадлежитъ судъ только въ исключительныхъ случаяхъ—для нѣкоторыхъ привилегированныхъ лицъ, которымъ предоставлено было судиться непосредственно у самого государя.

Государи въ царскій періодъ нашей исторіи носили черты вотчинника, домовладыки: личная судебная дѣятельность царя вполнѣ гармонировала съ такимъ характеромъ ихъ власти. Да это непосредственное участіе

---

[1]) Указанія лѣтописей и другихъ актовъ на непосредственный княжескій судъ приводятся пр. Сергѣевичемъ на 370 стр. его »Лекцій«.

монарха въ отправленіи суда не составляетъ исключительной принадлежности нашего отечества. Его знала и з. Европа, на извѣстныхъ ступеняхъ своего государственнаго развитія: Curia regis въ Англіи, личное участіе въ судѣ короля въ средніе вѣка во всѣхъ государствахъ, римско-нѣмецкій императоръ могъ засѣдать во всѣхъ судахъ имперіи. Историческій слѣдъ такого порядка отразился на шведской конституціи 1809 г., дающей право королю принимать участіе въ засѣданіяхъ верховнаго трибунала.

Въ 18 вѣкѣ патріархальный типъ власти царя московскаго видоизмѣняется: въ лицѣ перваго Императора Всероссійскаго, Петра В., монархическая власть начинаетъ усвоивать черты государственной власти по типу западно-европейскому. Стоя во главѣ правительства, кругъ дѣятельности котораго чрезвычайно расширился, государи русскіе не могли уже принимать непосредственнаго участія въ отправленіи суда. Начиная съ Петра В., Полное собраніе наполнено указами о неподачѣ просьбъ въ собственныя руки государя, помимо установленныхъ судебныхъ инстанцій. Между многими другими, указъ 1718 г. категорически предписалъ подавать просьбы въ установленные суды, *не докучая о своихъ обидахъ* государю, *понеже онъ одна персона есть и та толикими воинскими и прочими несмѣтными трудами обята.* Но предписанія эти постоянно нарушались: обществу трудно было отрѣшиться отъ усвоеннаго вѣками взгляда на государя, какъ на нелицепріятнаго судью [1]).

Сами государи и въ 18 в. не отрѣшились еще отъ своего традиціоннаго судебнаго значенія, и хотя Петръ

---

[1]) См. наше изслѣдованіе: Историческій очеркъ губ. управленія отъ первыхъ преобразованій Петра В. до изд. учрежденія о губерніяхъ въ 1775 г., стр. 103, 104.

В. запретилъ подавать жалобы на сенатъ, подъ страхомъ смертной казни, но преемники его таковыя жалобы постоянно принимали. Еще Петръ III указомъ отъ 4 марта 1762 г. подтвердилъ многочисленные прежніе указы не подавать на Высочайшее имя прошеній, минуя надлежащія присутственныя мѣста, и разрѣшая эту подачу только тогда, когда кто *по справедливости будетъ не доволенъ рѣшеніемъ высшихъ учрежденныхъ мѣстъ или главныхъ командъ* (1-е П. С. З. № 11459). Но практика прошеній на Высочайшее имя тѣмъ болѣе продолжалась, что самая система судоустройства, существовавшая у насъ до новыхъ судебныхъ уставовъ, допускавшая переходъ дѣла до государственнаго совѣта, постановленія котораго и по судебнымъ дѣламъ поступали на Высочайшее утвержденіе, не устраняла верховной власти отъ непосредственнаго участія въ отправленіи суда. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ комиссію прошеній, при прежнемъ судебномъ порядкѣ, можно было апеллировать къ верховной власти не только на рѣшенія департаментовъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на рѣшенія общихъ собраній правительствующаго сената (ст. 26 и 29 Учр. К. П.), а въ тѣхъ случаяхъ, когда въ общемъ собраніи не составлялось узаконеннаго большинства голосовъ, или когда съ рѣшеніемъ его не соглашался министръ юстиціи, дѣло само собою переходило въ государственный совѣтъ, и окончательно разрѣшалось Государемъ Императоромъ (ст. 23 У. Г. С.).

Новые судебные уставы, ограничивъ апелляціонное движеніе дѣла судебными палатами и водворивъ кассацію, окончательно устранили верховную власть отъ непосредственнаго участія въ судѣ. Только при посредствѣ этого новаго судебнаго порядка, такимъ образомъ, верховная власть окончательно достигла того, къ чему она стремилась, начиная съ Петра. Нѣко-

торые слѣды вмѣшательства верховной власти въ дѣла суда сохраняются въ томъ, что производство слѣдствій надъ министрами, генералъ-губернаторами, главнокомандующими и командующими въ военныхъ округахъ и преданіе этихъ лицъ верховному уголовному суду, можетъ послѣдовать только по предварительному уваженію государственнаго совѣта, съ Высочайшаго утвержденія (ст. 23 У. Г. С. и доп. въ прод. 1870 г.)[1]); да еще въ томъ, что приговоры суда, опредѣляющіе лишеніе дворянства и класныхъ или офицерскихъ чиновъ за преступленія, поступавшіе прежде на уваженіе госуд. совѣта (ст. 23 У. Г. С.), на основаніи 945 ст. судебныхъ уставовъ 20 ноября 1862 г., представляются на усмотрѣніе Государя Императора, чрезъ министра юстиціи.

Такимъ образомъ, верховная власть устранила себя отъ непосредственнаго участія въ судѣ, который отправляется ея именемъ, учрежденными ею судебными мѣстами, и подъ верховнымъ ея надзоромъ[2]).

Судебныя мѣста *независимы* въ отправленіи своихъ судебныхъ функцій. Но онѣ не составляютъ *государства въ государствѣ*. Верховное право суда все-таки концентри-

---

[1]) Сюда-же относится *дополняющая* 1097 ст. судебныхъ уставовъ 23 ст. У. Г. С. по продолженію 1868 г., постановляющая, что къ предметамъ, поступающимъ на предварительное уваженіе госуд. совѣта, принадлежатъ также дѣла о преданіи суду за преступленія должности *высшихъ чиновъ, занимающихъ должности первыхъ трехъ* классовъ, какъ по судебному, такъ и по административному вѣдомствамъ.

[2]) Судебная власть отправляетъ правосудіе именемъ монарха и въ государствѣ конституціонномъ: прусская, напр., конституція постановляетъ »Судебная власть отправляется независимыми судами, подчиненными одному только закону. Судебные приговоры постановляются и исполняются именемъ короля«. Подобныя постановленія встрѣчаются и въ другихъ конституціяхъ. Напротивъ, нѣкоторыя

руется въ особѣ самодержавнаго монарха, который делегируетъ его *имъ учрежденнымъ* судебнымъ мѣстамъ. Но по вѣковымъ, едва-ли когда-нибудь искоренимымъ, воззрѣніямъ русскаго народа *батюшка-царь* есть все таки прирожденный и самый правдивый судья своихъ *сиротъ— народа русскаго.*

Передавъ непосредственный судъ своимъ судамъ, верховная власть сохранила за собой *право помилованія* и *право амнистіи.* Въ основныхъ законахъ права эти не формулованы, но о нихъ прямо говорится въ нѣкоторыхъ другихъ законодательныхъ актахъ; онѣ постоянно практиковались, и составляютъ одинъ изъ неотъемлемыхъ, общечеловѣческимъ сознаніемъ признанныхъ, атрибутовъ верховной власти.

Право *помилованія*, принадлежащее *одной* верховной власти, прямо обозначено въ одномъ изъ указовъ Анны Іоанновны, 1730 г. Въ инструкціи канцеляріи конфискаціи, 7 авг. 1730 г. говорится ...„коллегіи и суды.... обыкновенные штрафы хотя налагать и могутъ, однакожъ облегченіе и отставленіе штрафовъ токмо отъ Ея Императорскаго Величества Высочайшей власти зависитъ, ибо сіе къ случаямъ *милости принадлежитъ, и часть права помилованія въ себѣ содержитъ*“ (1-е П. С. № 5601).

Право это, равно какъ и *право амнистіи*, практиковалось у насъ верховною властію всегда. Еще въ кия-

---

конституціи, явившіяся вслѣдствіе революціонныхъ движеній 1848 и 1849 г. обычную вѣковую формулу пытались замѣнить другою: напр. австрійская конституція 1846 г. »Alle Gerichtsbarkeit geht vom Reiche aus«. Не сказалась-ли въ этомъ мысль Бентама, предлагавшаго формулу »de par le roi« замѣнить »de par la justice«. Въ республикахъ судебная власть совершенно отдѣлена отъ правительства, которому она не подчинена даже формально (Блунчли).

жескій и царскій періоды высшіе чины церкви усвоили право *печаловаться* предъ государемъ за приговоренныхъ къ наказаніямъ преступниковъ, испрашивая *помилованіе* или облегченіе ихъ казни. Митрополитъ Филиппъ, напр., сильно докучалъ Грозному своимъ *печалованіемъ*. Полное собраніе наполнено *милостивыми манифестами*, которые издавались нашими монархами, начиная съ конца 17-го столѣтія [1]). Въ императорскомъ періодѣ не было государя, который не украшалъ-бы своего царствованія рядомъ милостивыхъ манифестовъ, которыми, повторяя слова Петра В., *учинялъ генеральное прощеніе и отпущеніе винъ во всемъ государствѣ*. Такіе милостивые манифесты издавались по случаю важнѣйшихъ событій какъ въ царственной семьѣ (поминовенія, восшествія на престолъ, коронованія, совершеннолѣтія наслѣдника престола, бракосочетанія, юбилеи царствованія), такъ и въ государствѣ (по случаю мира, открытія монумента Петра, въ 1782 г. и др.) [2]).

Право помилованія, по общечеловѣческому сознанію, есть неотъемлемый атрибутъ верховной власти.

Въ большей или меньшей степени оно всегда принадлежитъ монарху, но имъ пользуется иногда и глава государства республиканскаго—напр президентъ Сѣверо-Американской федераціи. Президентъ франц. республики имѣетъ также право помилованія, но не амнистіи, которая даруется только закономъ. Правительственная власть Швейцаріи лишена права помилованія.

---

[1]) Отъ 17 в. до насъ дошло два такихъ милостивыхъ указа: 1) по случаю поминовенія царевны Ѳеодосіи Іоановны 19 мая 1691 г. (№ 2407) и 2) поминовенія царицы Натальи Кириловны 26 янв. 1694 г. (№ 2483).

[2]) См. »Эл. учебникъ общаго угол. права« пр. Кистяковскаго (2 изд., стр. 753).

Правда, есть нѣкоторые писатели, которые отвергаютъ его въ самомъ основаніи. Таковы Беккаріа, Бентамъ, Руссо, но въ особенности Кантъ, а изъ новѣйшихъ сѣверо-американскій — Ливингстонъ. Но это право зиждется на разумныхъ основаніяхъ. Формальное право, органами котораго являются суды, дѣйствующіе сообразно предписаніямъ закона положительнаго, нерѣдко можетъ противорѣчить праву матеріальному, соотвѣтствующему идеѣ абсолютной справедливости. Необходимымъ, такимъ образомъ, является посредствующій элементъ, который могъ-бы быть примирителемъ формальнаго права и относительной человѣческой справедливости и права матеріальнаго, абсолютной справедливости божественной. Представителемъ такого элемента можетъ быть только важнѣйшій органъ въ государствѣ, носитель верховной власти [1]). Отсюда право *помилованія* и *амнистіи*.

Между обоими актами существенное различіе. *Помилованіе* есть такой актъ верховной власти, которымъ она освобождаетъ вполнѣ или отчасти лицо, подпавшее подъ дѣйствіе уголовнаго закона, отъ послѣдствій примѣненія этого закона. *Помилованіе* есть болѣе актъ индивидуальнаго характера, касающійся одного лица. Оно не отмѣняетъ рецидива, какъ обстоятельства, усиливающаго вину.

Амнистія, какъ показываетъ филологія этого слова есть *полное забвеніе* верховной властію совершенныхъ пре-

---

[1]) Блунчли: »Es ist in der That ein hoher Vorzug der Monarchie, dass in ihr auch die Gnade, wie sie einer edeln Menschenbrust enquillt, die unvermeidlichen Harten des Kalten Rechts zu mildern und das starre Gesetz mit den mannichfaltig wechselnden Bedürfnissen des Lebens zu versöhnen trachtet, ihren Platz findet und einem Menschen anvertaut wird« (Allg. St. II B. § 101). Монтескье: »Les monarques ont tant à gagner par la clèmence, ils en tirent tant de gloire, que c'est presque toujours un bonheur pour eux d'avoir l'occasion de l'exercer«.

ступленій. *Амнистія* большей частію примѣняется къ преступленіямъ политическимъ, а поэтому дѣйствіе ея обнимаетъ собою большее или меньшее число лицъ. *Амнистія*, какъ полное забвеніе, совершенно уничтожаетъ значеніе рецидива.

Объемъ разсматриваемаго нами права верховной власти обусловливается государственнымъ строемъ: въ конституціонномъ государствѣ это право имѣетъ предѣлы, въ государствѣ самодержавномъ оно *безпредѣльно*.

Помилованіе можетъ заключать въ себѣ слѣдующіе моменты:

1) Содѣявшій преступленіе можетъ быть освобожденъ отъ всякаго *слѣдствія*, или же *начатое слѣдствіе можетъ быть прекращено* (jus aboliendi).

2) Наказаніе можетъ быть вовсе *отмѣнено* (aggratiatio), или же *смягчено* (mitigatio poenae ex capite gratiae).

3) *Законныя послѣдствія* наказанія могутъ быть *уничтожены* вполнѣ или отчасти (restitutio ex capite gratiae).

Нѣкоторые изъ этихъ моментовъ помилованія ограничиваются для монарха конституціоннаго. Такъ напр.: Jus aboliendi запрещается конституціями баварской и бельгійской, дозволяется только съ согласія палатъ конституціей прусской. Другіе моменты помилованія (aggratiatio, mitigatio и restitutio) не могутъ совсѣмъ имѣть мѣста по всѣмъ конституціямъ, если только дѣло касается министра, или какого другаго сановника, обвиненнаго палатами въ нарушеніи конституціи [1]).

---

[1]) См. *Begnadigung* въ I B. Deutsches Staats-Wörterbuch, Bluntschli, S. 762. Здѣсь указаны систематическія изслѣдованія: Decandolle, Sur le droit de grace (1826); Plochmann, Das Begnadigungsrecht (1845). Къ этому можемъ еще прибавить: Lueder, Das Souverenetätsrecht der Begnadigung (1860); Legoux, Du droit de grace en France comparé avec les legislations étrangères (1865).

Для Самодержавнаго Императора Всероссійскаго такія ограниченія права помилованія не могутъ имѣть мѣста: оно принадлежитъ Ему во всей полнотѣ, безъ всякаго ограниченія. На этомъ основаніи Государь Императоръ можетъ: отмѣнить и прекратить всякое слѣдствіе, отмѣнить или смягчить всякое наказаніе, уничтожить вполнѣ или отчасти всѣ законныя послѣдствія наказанія. Правомъ такого широкаго помилованія Государь Императоръ пользуется непосредственно, не передавая его какой-нибудь другой власти въ государствѣ, что̀ противорѣчило-бы природѣ этого права, по существу своему не терпящаго делегаціи [1]). По закону 1865 г., Высочайшія повелѣнія о помилованіи или облегченіи участи ссыльныхъ или другихъ осужденныхъ преступниковъ предлагаются министромъ юстиціи первому департаменту сената (Пр. 2 къ 23 ст. У. Пр. С. Прод. 1868 г.). Амнистія же торжественно обнародуется народу милостивыми манифестами. Собственно только амнистія бываетъ по непосредственному почину государя. Другіе виды помилованія являются, какъ результатъ почина, исходящаго отъ суда и осужденныхъ. Суду наши Судебн. Уставы (774 ст. уг. суд.), предоставляютъ право уменьшить наказаніе на 2 степени. Но если бы онъ нашелъ уважительныя причины смягчить наказаніе въ большей степени или вовсе помиловать преступника—ходатайство его объ этомъ восходитъ къ государю, чрезъ министра юстиціи. По государств. преступленіямъ законъ разрѣшаетъ подсудимому подавать на Высочайшее имя про-

---

[1]) Французскіе короли при ancien regime'ѣ делегировали droit de grace своимъ намѣстникамъ и архіепископамъ. Но за то это дорогое и святое право короны вовсе было отмѣнено уголовнымъ кодексомъ 1791 г. (См. Dictonnaire général de la Politique, Block'a, T. 1. P. 112).

шенія о помилованіи. На практикѣ встрѣчаются случаи подачи таковыхъ прошеній и по другимъ преступленіямъ, въ особенности со стороны отбывающихъ уже наказаніе.

г) отношеніе верховной власти къ управленію.

§ 39. Подобно тому, какъ Верховная власть первоначально принимала непосредственно личное участіе въ отправленіи суда, она непосредственно участвовала и въ *управленіи*, завѣдывая иногда такими административными мелочами, которыя въ настоящее время составляютъ предметъ вѣдомства низшихъ органовъ управленія. Документъ, характеризующій этого рода дѣятельность московскихъ великихъ князей—одна грамота Василія Ивановича къ Давиду Сырневу, свидѣтельствующая о томъ, какъ велико было ихъ участіе во всѣхъ мелочахъ управленія [1]). Въ царскій періодъ нашей исторіи, хотя установились уже постоянные органы управленія — боярская дума и приказы—но нѣкоторые цари, по примѣру своихъ предшественниковъ, великихъ князей московскихъ, занимались лично и непосредственно нѣкоторыми дѣлами управленія. Изъ памятниковъ видно, какъ велико иногда было участіе Іоанна Грознаго, Алексѣя Михайловича и др. въ администраціи. Преобразовывая всѣ части государственнаго управленія, Петръ В. не рѣдко долженъ былъ вникать лично во всѣ детали новыхъ установленныхъ имъ порядковъ. Въ военныхъ артикулахъ онъ постановилъ, что присутствіе государя въ извѣстномъ мѣ-

---

[1]) См. Вѣче и князь, стр. 350: Великій князь, Василій Ивановичъ, *самъ* предписываетъ не только размѣры почтовыхъ хоромъ и конюшенъ и способъ постройки моста на почтовой дорогѣ, но даже употребленіе полусгнившихъ досокъ и бревенъ, оставшихся отъ старыхъ почтовыхъ хоромъ.

стѣ пресѣкаетъ тамъ дѣйствіе всѣхъ другихъ начальниковъ, функціи которыхъ переходятъ на Верховную власть.

Ко временамъ Екатерины II устанавливается тотъ характеръ отношенія Верховной власти къ управленію, по которому ей принадлежитъ только *верховный надзоръ* и *разрѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ*, а непосредственное завѣдываніе правительственными дѣлами отправляется ея органами—высшими, средними и низшими, на основаніи закономъ установленнаго распредѣленія полномочій между ними. Въ наказѣ Екатерины II и дополненіи къ нему 1768 г. это точно обозначается слѣдующими словами: „Право же отъ власти Верховныя неотдѣлимое было, есть и будетъ: 1) власть законодательная, 2) власть защитительная и 3) власть совершительная. Но когда по человѣчеству невозможно, чтобы государь самъ вездѣ обращался, ради того учреждаетъ онъ для соблюденія добраго порядка власти среднія, подчиненныя, зависящія отъ Верховной, и составляющія существо правленія. Власти эти суть малые протоки, сирѣчь правительства, чрезъ которые изливается власть государева". Такимъ образомъ, правительственныя функціи, *какъ власть*, принадлежатъ только государю. Правительственныя же функціи властей подчиненныхъ—только *полномочія, делегаціи* отъ власти Верховной, въ объемѣ и предѣлахъ, закономъ точно обозначенныхъ. Всякое нарушеніе этого объема, всякое выступленіе изъ этихъ предѣловъ, есть узурпація—*превышеніе власти*, закономъ караемое.

Такимъ образомъ, управленіе сдѣлалось *закономѣрнымъ*, а не *произвольнымъ*, какъ въ московскомъ періодѣ, когда оно господствовало надъ всѣмъ, попирая всякія права, не щадя ни жизни, ни имущества частныхъ лицъ; когда *усмотрѣніемъ* правительственныхъ лицъ, а не *закономъ*, все опредѣлялось и направлялось.

Эти предварительныя историческія соображенія могутъ содѣйствовать выясненію характера *правительственной власти* Всероссійскаго Императора, не совсѣмъ точно опредѣляемой 80 и 81 ст. основныхъ законовъ. На основаніи этихъ статей, правительственная власть нашихъ государей имѣетъ *верховный* характеръ, то есть, какъ разъясняетъ гр. Сперанскій, въ своемъ Руководствѣ къ познанію законовъ: „Верховная власть *правитъ* (gouverne) установленіями ею учрежденными, а установленія *управляютъ* (administrent) дѣлами имъ ввѣренными, по уставамъ ихъ и учрежденіямъ“. Текущія дѣла, повседневные вопросы администраціи, *непосредственно* разрѣшаются учрежденіями и властями, и только важнѣйшія дѣла и вопросы, предусматриваемые закономъ или непредвидѣнно возникающіе, чрезъ государственный совѣтъ, комитетъ и совѣтъ министровъ, или путемъ личнаго доклада министра, восходятъ на разсмотрѣніе и разрѣшеніе Верховной власти, Высочайшая воля которой по управленію государствомъ высказывается также иногда и непосредственно, въ Высочайшихъ *рескриптахъ* дающихъ направленіе всей внутренней политикѣ (Пр. къ 53 ст.).

Но вопросы эти вносятся къ Верховной власти только тогда, когда не могутъ быть разрѣшаемы силою существующаго закона, а въ противномъ случаѣ, дѣло подлежитъ разрѣшенію сената (Учр. м. ст. 211). Отъ утвержденія верховной власти зависитъ и приведеніе въ исполненіе *административныхъ взысканій*, налагаемыхъ высшими правительств. учрежденіями на лицъ, занимающихъ высокія мѣста въ служебной іерархіи. Такимъ образомъ, напримѣръ, выговоры губернаторамъ и губернскимъ правленіямъ, если они должны быть занесены въ формулярный списокъ, утверждаются не иначе, какъ комитетомъ министровъ, постановленія котораго Высочайше конфирмуются (Учр. К. Мин. ст. 14, п. 17).

Чѣмъ важнѣе вопросъ управленія, чѣмъ завѣтнѣе онъ для національныхъ интересовъ русскаго народа, охраненіе и защиту которыхъ провидѣніе и исторія концентрировали въ рукахъ Всероссійскаго Самодержца —тѣмъ нужнѣе Его личная инціатива, Его верховный надзоръ и непосредственное вмѣшательство.

1. На первомъ планѣ стоятъ здѣсь *внѣшнія международныя отношенія Россіи*, въ которыхъ Императоръ является *прирожденнымъ* представителемъ и охранителемъ ея чести, права и мощи. Такое представительство и охранительство принадлежатъ главѣ государства и въ монархіи конституціонной и даже въ республикѣ. Но здѣсь онѣ имѣютъпредѣлы и ограниченія, которые невозможны для Самодержца.

а) Активное и пассивное *право посольства*, т. е. право посылать представителей Россіи ко дворамъ иностраннымъ, составляя руководящія ихъ дипломатическую дѣятельность инструкціи и право одобрять и принимать посольства, акредитованныя державами иностранными, ограничиваемое въ конституціонной монархіи участіемъ кабинета (въ Англіи премьеръ), или канцлера (германскій Бисмаркъ, австрійскій Бейстъ), а въ республикѣ народнымъ представительствомъ (въ Сѣверо-американскихъ штатахъ конгресъ, въ Швейцаріи федеральное собраніе), всецѣло и нераздѣльно принадлежитъ Государю Императору, дѣйствующему въ этой области то по своему непосредственному усмотрѣнію, то посредствомъ канцлера Имперіи, или министра иностранныхъ дѣлъ.

б) Въ такомъ же объемѣ Императоръ самостоятеленъ въ правѣ *объявленія войны* и *заключенія мира*—важнѣйшихъ актахъ національной политики. Участіе государственнаго совѣта въ обсужденіи этихъ вопросовъ (У. Г. С. ст. 23) имѣетъ только *совѣщательный* характеръ, а не *рѣшительный*, какъ напримѣръ въ Швеціи. Въ конституціонной монархіи, хотя вопросъ объявленія войны

не составляетъ предмета гласнаго обсужденія палатъ, но косвенно онъ зависитъ отъ народнаго представительства, которое можетъ отказать коронѣ въ денежныхъ средствахъ, необходимыхъ для веденія войны, а въ Англіи, посредствомъ отказа въ mutiny act, парламентъ можетъ освободить армію и флотъ отъ повиновенія коронѣ. Относительно же заключенія мира, такъ какъ оно обыкновенно сопровождается трактатомъ, имѣющимъ значеніе международнаго закона, имѣетъ мѣсто и гласное его обсужденіе и одобреніе или неодобреніе народными представителями. Въ республиканскомъ государствѣ существуютъ еще большія ограниченія правительственной власти по дѣламъ этого рода: по сѣверо-америк. конституціи, право объявленія войны принадлежитъ конгрессу, заключеніе же мира предоставляется президенту, съ одобренія сената; по франц. конституціи, президентъ республики можетъ объявить войну, только съ одобренія обѣихъ палатъ, а по швейцарской—оба акта принадлежатъ федеральному собранію.

в) Власть Императора не имѣетъ никакого ограниченія въ *заключеніи* всякихъ *союзовъ* и *трактатовъ* съ иностранными державами. Между прочимъ, для монарха конституціоннаго и эта власть ограничивается. Такъ, напр., въ Швеціи король можетъ заключать союзы и трактаты, только по выслушаніи мнѣнія министра иностр. дѣлъ и придворнаго канцлера; въ Бельгіи и Пруссіи король можетъ заключать союзы и трактаты, сообщая о томъ палатамъ, договоры же торговые могутъ быть заключаемы только съ согласія палатъ; еще болѣе ограничивается эта власть въ Англіи, въ которой лордъ Пальмерстонъ старался совершенно устранить корону отъ участія во всѣхъ дипломатическихъ дѣлахъ [1]).

[1]) Въ августѣ 1850 г. королева Викторія въ письмѣ къ Джону Росселю жаловалась на то, что л. Пальмерстонъ велъ дипломатичес-

2. Императоръ есть источникъ всѣхъ *должностей* и *властей*, всѣхъ *почестей* и *отличій*.

а) Въ нѣкоторыя должности онъ назначаетъ *непосредственно*, въ другихъ *утверждаетъ*, назначеніе и утвержденіе въ третьихъ *предоставляетъ* властямъ подчиненнымъ, дѣйствующимъ въ этомъ случаѣ его именемъ. Вообще, чѣмъ выше должность, чѣмъ ближе она стоитъ къ Императору, тѣмъ болѣе она подлежитъ непосредственному вліянію Верховной воли. Напримѣръ, министры, товарищи ихъ и генералъ-губернаторы опредѣляются и увольняются по непосредственному Высочайшему усмотрѣнію. Директоры департаментовъ, губернаторы, утверждаются Государемъ, по представленію министра. Начальники отдѣленій утверждаются министромъ по представленію директора и т. д.

Воля Верховной власти относительно измѣненія въ служебномъ положеніи лицъ, состоящихъ въ государственной службѣ, выражается въ *Высочайшихъ приказахъ*. (Пр. къ 53 ст.).

Верховное должностное право (Amtshoheit) принадлежитъ и монарху конституціонному, но не въ такой мѣрѣ: иногда оно болѣе или менѣе ограничивается. Въ назначеніи министровъ конституц. монархъ фактически связывается парламентомъ, а при назначеніи въ другія должности ограничивается министерствомъ. Конечно, степень ограниченія власти монарха въ этомъ

кія сношенія, помимо короны. Она требовала предварительнаго представленія на свое обсужденіе всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ. Но требованіе королевы не помѣшало л. Пальмерстону сообщить privatim гр. Валевскому, въ декабрѣ 1851 г., свое полное одобреніе государственнаго переворота, происшедшаго тогда во Франціи. 16 дек. 1852 г., опять безъ вѣдома королевы, Пальмерстонъ сообщилъ л. Норманди, представителю Англіи въ Парижѣ, депешу, въ которой онъ еще разъ самолично одобрилъ декабрьскій переворотъ (Fischel, стр. 470).

отношеніи обусловливается степенью развитія парламентаризма: наибольше ограниченій въ Англіи, наименьше въ Пруссіи, а остальныя конституціонныя государства размѣщаются между этими двумя полюсами [1]). Впрочемъ, въ прусской конституціи 1849 читаемъ: „король назначаетъ во всѣ военныя и гражданскія должности, *поскольку законъ не постановляетъ иначе*“. Бельгійская конституція еще болѣе ограничиваетъ вліяніе короля.

---

[1]) De jure корона въ Англіи имѣетъ право уволить министерство, даже тогда, когда оно поддерживается парламентскимъ большинствомъ; но de facto администрація невозможна, если только не поддерживается большинствомъ палаты. Такимъ образомъ, по волѣ короля, къ 1834 г., палъ кабинетъ Мельборна. Но большинство изъ виговъ заставило короля снова вручить администрацію тому же Мельборну. Подобные прецеденты случались и при Викторіи: въ концѣ 1851 г. она уволила своего нелюбимаго министра иностранныхъ дѣлъ, Пальмерстона, но едва прошелъ годъ, какъ коалиція, составившаяся въ парламентѣ изъ виговъ, радикаловъ и пилитовъ, снова выдвинула Пальмерстона въ министры внутреннихъ дѣлъ.

Корона *обязана* съ перемѣной кабинета измѣнять даже свой придворный штатъ: когда въ 1782 г. король Георгъ III уволилъ кабинетъ Норта, онъ долженъ былъ и своего любимаго камергера, гр. Гертфорда, замѣнить ненавистнымъ гр. Еффингемомъ. Когда въ 1839 г кабинетъ Мельборна имѣлъ выйти въ отставку, то Робертъ Пиль, который долженъ былъ составить новый кабинетъ, потребовалъ отъ королевы увольненія ея статсъ-дамъ. Королева не согласилась, и кабинетъ Мельборна остался. Оппозиція и органъ ея Times, назвавъ сопротивленіе короны заговоромъ противъ парламента (conspiracy), сильно протестовали противъ такого поступка королевы и принудили таки ея поручить составленіе кабинета Р. Пилю, который потребовалъ увольненія Mistress of the Bobe и тѣхъ Ladies of the Bedchamber, которыя своими политическими семейными связями могли быть опасны консервативному кабинету. То же случилось и при послѣдовавшихъ перемѣнахъ министерства. (Fischell, стр. 474). Мы противопоставляемъ прецеденты Англіи, какъ самаго типическаго парламентарнаго государства, уподобиться которому—завѣтная мечта конституціонализма континентальнаго.

Австрійская же конст. 1849 г. напротивъ, не заключала въ себѣ никакихъ ограниченій верховнаго должностнаго права императора, крайне ограничивая его власть въ другихъ отношеніяхъ.

Сѣверо-американская федеральная конституція ограничиваетъ право президента при назначеніи на должности участіемъ конгресса. Президентъ франц. республики имѣетъ въ этомъ отношеніи болѣе широкія права.

б) Императоръ есть источникъ всякихъ *почестей* и *отличій*: чиновъ, орденовъ, титуловъ, званій, возведенія въ дворянство и почетное гражданство. Относительно производства въ чины 563 ст. III т. постановляетъ: „никто не можетъ быть произведенъ въ классный чинъ иначе, какъ Императорскою властію: одно только первоначальное удостоеніе представляемаго къ производству зависитъ непосредственно отъ его начальства“; притомъ, до V класса включительно верховная власть производитъ чрезъ посредство департамента герольдіи, а съ V-го непосредственно. Самодержавная власть можетъ производить въ чины и внѣ порядка государств. службы.

Ордена и другія награды жалуются также верховной властію, какъ въ порядкѣ госуд. службы, такъ и внѣ его. Государь Императоръ есть Гросмейстеръ или глава всѣхъ россійскихъ кавалерскихъ орденовъ. Представленія о наградахъ орденами не выше 3-й степени Св. Владиміра, за исключеніемъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, поступаютъ на Высочайшее утвержденіе чрезъ комитетъ министровъ, а по народному просвѣщенію помимо комитета—личнымъ докладомъ министра Государю (ст. 1147, III т.); пожалованіе-же другихъ высшихъ орденовъ, а также званій камергера и камеръ-юнкера, статсъ-секретаря, флигель- и генералъ-адъютанта, назначеніе арендныхъ денегъ и награжденіе землями, зависятъ единственно отъ Высочайшаго благоусмотрѣнія, не-

посредственнаго или по ходатайству высшихъ начальствъ (ст. 1140, т. III). Пожалованіе всѣхъ орденовъ 1 ст., а также Георгія и Владиміра обѣихъ первыхъ степеней производится особыми на имя каждаго лица Высочайшими грамотами, а пожалованіе орденовъ прочихъ степеней—именными Высочайшими указами, данными капитулу орденовъ. Возведеніе въ дворянство и пожалованіе титула княжескаго, графскаго и баронскаго—потомственно или лично—составляютъ предметъ исключительно непосредственнаго благоусмотрѣнія Государя Императора, хотя и входятъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта (У. Г. С. ст. 23, 17). Точно также отъ его Высочайшаго разрѣшенія зависитъ принимать и возлагать на себя иностранные ордена, жалуемые русскимъ подданнымъ державами иностранными.

Это право раздавать почести и отличія (Ehrenhoheit) принадлежитъ также и монарху конституціонному. Но иногда оно ограничивается. Корона въ Англіи, напримѣръ, имѣетъ неограниченное право возводить въ наслѣдственные перы, но не можетъ даровать перства пожизненнаго. Въ 1856 г. королева Викторія сдѣлала опытъ возведенія барона Парка въ перы пожизненные. Но это вызвало столько возраженій, что пожалованное пожизненное перство было замѣнено наслѣдственнымъ. Напротивъ, во время іюльской монархіи, королевская власть во Франціи была лишена права возводить въ перы наслѣдственные.

3. Императору принадлежитъ *верховное финансовое* право, въ силу котораго Онъ Одинъ можетъ налагать на гражданъ государственныя подати и повинности, устанавливать другіе источники государственнаго дохода, распредѣляя ихъ на покрытіе государственныхъ расходовъ, признанныхъ Имъ необходимыми. Поэтому, роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ, ежегодно ком-

бинируемая министромъ финансовъ и обсуждаемая государственнымъ совѣтомъ, получаетъ силу финансоваго закона только тогда, когда ее собственноручно утвердитъ Государь Императоръ, непосредственному разрѣшенію котораго подлежатъ и всѣ кредиты—какъ дополнительные, такъ и сверхсмѣтные, такъ-же какъ и всѣ штаты—постоянные и учреждаемые на неопредѣленное время.

Въ силу того же *верховнаго финансоваго* права, Одинъ Государь Императоръ можетъ прощать недоимки, слагать казенныя взысканія и т. п.

А вслѣдствіе Одному Императору принадлежащаго *верховнаго территоріальнаго* права надъ всей русской землей, онъ Одинъ можетъ *отчуждать* какъ государственныя имущества въ пользу частныхъ лицъ или другаго государства, такъ и частныя имущества—на общеполезныя предпріятія, за соотвѣтствующее вознагражденіе.

Верховное финансовое право (Finanzhoheit) принадлежитъ монарху конституціонному, а до нѣкоторой степени и главѣ государства республиканскаго, но оно едва ли можетъ быть названо верховнымъ, подобно финансовому праву Государя самодержавнаго: это право—ограниченное для монарха и верховное только для господствующей политической партіи. Ограниченіе главнымъ образомъ состоитъ въ правѣ народныхъ представителей утверждать бюджетъ только на одинъ годъ. Это право прежде всего развилось въ Англіи, утвердившись окончательно при Карлѣ II: государственный бюджетъ Англіи получаетъ свою теперешнюю форму къ концу XVII в.

По исконному началу англійскаго common law, корона не имѣетъ права *требовать* отъ народа податей и налоговъ: она можетъ только *испрашивать* ихъ, какъ *добровольнаго* дара народныхъ представителей, *вполнѣ зависящаго* отъ ихъ соизволенія.

Когда права англійской палаты общинъ не вполнѣ были установлены, коммонеры, даруя коронѣ испрашиваемые ею денежные билли, требовали, взамѣнъ ихъ, расширенія своихъ правъ и привиллегій. По истинѣ это были *вымогательства*—tacking bills. Вымогательства эти практиковались въ самомъ широкомъ размѣрѣ, и прекратились только тогда, когда палата общинъ достигла всѣхъ своихъ стремленій, сдѣлавшись *первою* властью въ государствѣ—*всемогущею*, какъ назвалъ ее Блэкстонъ. Эта *всемогущая* палата можетъ *отказать* коронѣ въ податяхъ, налогахъ и другихъ субсидіяхъ—можетъ *отвергнуть* весь предложенный короною государственный бюджетъ. Правда, сдѣлавшись *всемогущими*, общины не имѣли болѣе нужды прибѣгать къ этому крайнему средству. Но возможность его примѣненія всегда въ ихъ рукахъ: когда въ 1784 году задумали свергнуть кабинетъ Питта, весь бюджетъ былъ отвергнутъ.

Бюджетное право англійскаго парламента послужило образцомъ для конституціонныхъ государствъ континента, въ которыхъ также коронѣ приходится выторговывать бюджетъ, считаясь со всякими политическими партіями, примѣняясь къ ихъ требованіямъ и программамъ.

Несомнѣнно одно: въ бюджетѣ русскаго самодержавнаго государства, нѣтъ замаскированной, но довольно крупной статьи, на подкупъ избирателей, избирательныхъ факторовъ и агентовъ, вожаковъ и большаковъ политическихъ партій.

Несомнѣнно также и то, что *исконная* самодержавная власть, всѣмъ существомъ и преданіями своими органически связанная со своей страной и народомъ, болѣе бережетъ средства націи и государства, думая о будущемъ, о своихъ преемникахъ, чѣмъ *провизорно* властвующая политическая партія, лихорадочно торопящаяся кратковременнымъ пребываніемъ въ правительствѣ, чтобы

quand même осуществить свою политическую программу и насытить алчность своихъ сторонниковъ. Монархъ, органически связанный съ прошедшимъ и будущимъ своего народа—рядомъ своихъ предшественниковъ и преемниковъ—не скажетъ, подобно вожаку политической партіи—Гранту или Греви—управляющей сегодня, падающей завтра „après moi le deluge“. Самодержавный монархъ скорѣе можетъ править финансами своей страны бережно и осторожно, какъ разумный хозяинъ—собственникъ правитъ своимъ имѣніемъ или домомъ, чѣмъ *провизорно-властвующая* политическая партія, для которой эти финансы то же что́ чужое имѣніе или чужой домъ для арендатора или для временнаго жильца.

Какое, въ самомъ дѣлѣ, *грандіозное* расхищеніе народныхъ средствъ прикрываютъ собою бюджеты преимущественно республиканскихъ государствъ, показываютъ бюджеты сѣверо-американской федераціи, а еще болѣе современной франц. республики, которая успѣла уже *удвоить* послѣдній бюджетъ второй имперіи, увеличивъ налоги со времени революціи 1789 г. въ *десять* разъ. Средства націи въ значительной степени идутъ на подкупъ избирателей, на уплату депутатамъ за ихъ голоса, подъ маскою всяческихъ концессій, устройства каналовъ, портовъ, желѣзнодорожныхъ линій и т. п. Въ составленіи бюджета полновластна господствующая партія: изъ среды своей, не допуская ни одного члена оппозиціи, она выбираетъ 33 въ составъ бюджетной комиссіи, предсѣдатель которой—властелинъ Франціи (Гамбетта), такъ какъ въ его рукахъ средства страны. Притомъ, въ отличіе отъ англійскаго бюджетнаго порядка, который требуетъ, чтобы парламентъ вотировалъ только тѣ статьи бюджета, которыя предлагаются правительствомъ—въ республиканской Франціи каждый депутатъ имѣетъ инициативу въ дѣлѣ бюджета, вслѣдствіе которой онъ можетъ

предлагать *дополнительные кредиты*, даже послѣ того какъ годовой бюджетъ установленъ. Кромѣ того, президентъ республики, по дѣйствующей конституціи, можетъ своими декретами (rendus en conseil d'ètat), съ одобренія совѣта министровъ, разрѣшать crédits supplementaires et extraordinaires, что у насъ можетъ дѣлать только самодержавный Государь Императоръ. Отсюда непомѣрное развитіе бюджета *чрезвычайнаго*, конкурирующаго съ *ординарнымъ* [1]).

4. Императоръ есть глава *военной силы* государства—какъ сухопутной, такъ и морской—стоящей подъ Его верховнымъ командованіемъ. По своему благоусмотрѣнію, Онъ можетъ непосредственно и лично командовать арміей и флотомъ, какъ то случалось постоянно при Петрѣ, а иногда при Александрѣ I, или же довѣрить главнокомандующему, давъ ему болѣе или менѣе широкія полномочія, какъ то бываетъ въ большей части случаевъ.

Западно-европейскіе монархи не рѣдко лично предводительствовали военными силами своихъ государствъ. Особенно прусскіе Гогенцолерны, организаторскимъ и военнымъ талантамъ которыхъ Пруссія обязана не только своимъ могуществомъ но и существованіемъ. Фридрихъ II былъ столько же полководцемъ, сколько правителемъ и политикомъ. Онъ говорилъ: „великій монархъ долженъ лично предводительствовать своими войсками. Его армія—его резиденція, его главный интересъ, обязанность и слава". Геніальный монархъ, вѣроятно, заимствовалъ эту мысль у сроднаго ему Макіавелли, противникомъ котораго онъ хотѣлъ только казаться, когда писалъ свою Антимакіавелли. Въ il Principe читаемъ: „монархъ не долженъ имѣть ни другой цѣли, ни другихъ помысловъ и занятій, какъ только войну и военное искуство". Но эта мысль фло-

---

[1]) См. поучительную статью »Пятнадцать лѣтъ республики« (Р. Вѣстн. Авг. 1885).

рентійскаго политика—крайняя утрировка военной миссіи государя: Блунчли вѣрно замѣчаетъ „государь—прежде всего правитель и государственный человѣкъ, а потомъ уже военачальникъ". Московскіе государи собирали, а всероссійскіе императоры расширяли и устраивали русскую землю, не предводительствованіемъ арміями, но политическимъ тактомъ и государственной мудростію. Государства, созданныя военнымъ геніемъ и личнымъ военачальствомъ Александра Македонскаго, Наполеона I, были эфемерны. Все зависитъ, конечно, отъ индивидуальныхъ свойствъ, отъ военныхъ талантовъ монарха. Но если въ немъ нѣтъ прирожденной военной жилки и природа не надѣлила его военнымъ геніемъ, онъ долженъ передать непосредственное командованіе своими арміями даровитымъ военачальникамъ изъ своихъ подданныхъ, а иначе, онъ можетъ подвергнуть государство не только опасностямъ, но и гибели. Войскамъ, предводительствуемымъ Суворовымъ и Скобелевымъ, не мѣшало побѣждать непріятеля то обстоятельство что во главѣ ихъ не стоялъ ихъ монархъ, точно такъ же, какъ личное предводительство Наполеона III не спасло Францію отъ Седана.

Верховное военное право (Militärhoheit) принадлежитъ и монарху конституціонному, но для него оно имѣетъ ограниченія и преграды, не существующія для монарха самодержавнаго. Эти ограниченія и преграды главнымъ образомъ состоятъ въ правѣ парламента опредѣлять численность контингента и расходы на его содержаніе. Это право можетъ иногда стоять въ разрѣзѣ съ видами монарха и пользами государства, которое не всегда имѣетъ подъ рукою мощнаго Бисмарка, чтобы найдти выходъ изъ такой колизіи. Еще интенсивнѣе ограниченіе военнаго права монарха въ Англіи: mutiny act вотируется ежегодно, и отказъ въ немъ дѣлаетъ это право илюзорнымъ.

Въ конституціонномъ государствѣ можетъ быть поставленъ вопросъ о томъ, кому войска должны приносить присягу въ вѣрности и повиновеніи — одному ли монарху, или вмѣстѣ съ тѣмъ и конституціи? Но имѣетъ ли этотъ вопросъ практическое значеніе, когда возникнетъ коллизія между монархомъ и конституціей—на чьей сторонѣ должны тогда стать войска—на сторонѣ монарха или конституціи? Опытъ показываетъ, что они тяготѣютъ къ сторонѣ сильнѣйшей. Вѣрноподданническая присяга не спасла отъ паденія англійскаго короля Іакова II, точно такъ же, какъ конституціонная присяга не предохранила Францію отъ 18-го брюмера и 2-го декабря. Но самая возможность постановки вышеозначеннаго вопроса опасна и вредна: она можетъ раздвоить военную дисциплину, деморализовать армію и флотъ. По поводу каждаго приказа, каждаго распоряженія военнаго начальства можетъ въ арміи возникать вопросъ, согласны-ли они или не согласны съ конституціей, и армія можетъ легко переродиться въ политическій клубъ, дебатирующій политическіе вопросы, какъ-бы ни воспрещала этого конституція.

Еще болѣе ограничено *верховное военное* право главы государства республиканскаго. По сѣверо-американской федеральной конституціи, напримѣръ, одинъ конгрессъ можетъ созывать и устраивать милицію; президентъ же имѣетъ право располагать и командовать только незначительными регулярными силами—сухопутными и морскими. По французской конституціи 1848 года президентъ республики не могъ лично командовать военными силами, что́, однакожъ не помѣшало ему, при ихъ помощи, произвесть государственный переворотъ. Федеральный совѣтъ Швейцаріи—высшій органъ ея правительственной власти—можетъ созвать военныя силы только тогда, когда федеральное собраніе распущено. Если-же сзываются войска въ количествѣ превышающемъ 2 тысячи чело-

вѣкъ, или-же на продолжительное время—федеральный совѣтъ обязанъ немедленно созвать федеральное собраніе, и затѣмъ дѣйствовать по его указаніямъ.

Примѣчаніе. Наши ордена, по образцу западно-европейскому, учреждены Петромъ В. До этого же времени наградами служило пожалованіе »золотой деньги«, которая носилась иногда на груди, на шапкѣ, раздача шубъ, однорядокъ—иногда *съ царскаго плеча.* Эти послѣднія награды—шубами, одеждами и соболями—замѣнили награду деньгами, Первою *медалью* пожалованъ былъ фаворитъ правительницы Софьи Алексѣевны, кн. В. В. Голицынъ, за неудачный крымскій походъ [1]).

Первыми орденами были: Св. апостола Андрея Первозваннаго (1698 г.) и женскій орденъ Св. Великомученицы Екатерины (1714 г.). Петромъ В. былъ учрежденъ еще третій орденъ—Св. Александра Невскаго въ 1725 г., которымъ впервые пожаловала его преемница Екатерина I. Онъ ввелъ также и пожалованіе *медалей,* чему слѣдовали и его преемники, въ особенности Николай I. Орденъ Св. Анны учрежденъ въ 1736 г. супругомъ Анны Петровны, въ день ея ангела, герцогомъ Шлезвигъ-Голштинскимъ, и въ 1797 г. принятъ Павломъ въ число прочихъ русскихъ орденовъ. Орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія—награда за военныя заслуги—учрежденъ Екатериной II 26 ноября 1769 г. 22 сент. 1782 г. Екатерина II учредила также орденъ Св. Равноапостольнаго кн. Владиміра, какъ награду за отличную службу военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Положеніе объ орденахъ подверглось существенному преобразованію при Павлѣ: законъ 5 апр. 1797 г. отмѣнилъ ордена Св. Георгія и Св. Владиміра и учредилъ командорства для всѣхъ оставленныхъ орденовъ. Впослѣдствіи къ русскимъ орденамъ былъ причисленъ орденъ малтійскаго креста. Александръ I этотъ послѣдній упразднилъ, возстановивъ указомъ 12 дек. 1801 г. Георгія и Владиміра.

Николай I къ русскимъ императорскимъ орденамъ присоединилъ царскіе польскіе: Бѣлаго Орла и Св. Станислава—указомъ 17 ноября 1831 г.

Ордена раздѣляются на степени: Станиславъ—3, Георгій—5, Анна и Владиміръ—4, Александръ Н. и Андрей П.—собственно также

---

[1]) См. ст. Карновича »Знаки отличія въ Россіи« (Историч. В. Ноябрь, 1885).

2, такъ какъ они жалуются или безъ украшеній, или съ алмазными украшеніями; Б. Орелъ—1. Орденъ Екатерины—также 2 степени: большаго и малаго креста. Высшій знакъ отличія—портретъ Государя Императора—въ петлицѣ или на груди, на бантѣ изъ андреевской ленты, пожалованіе которымъ началось съ Петра.

Кромѣ того, были учреждены знаки отличія для награжденія нижнихъ чиновъ: въ 1797 г. знакъ отличія Св. Анны и въ 1807 г. знакъ отличія военнаго ордена. Николай I, въ день своей коронаціи 26 авг. 1826 г., установилъ »пряжку за безпорочную службу«: за пятнадцать лѣтъ, а за каждое новое пятилѣтіе измѣнялась римская цифра (XX), въ вѣнкѣ изъ дуба и лавра. Въ 1856 г. Александръ II, не отмѣнивъ этого знака отличія безпорочной службы, повелѣлъ давать его только за безпорочную выслугу 40 лѣтъ

До Петра В. у насъ существовалъ одинъ *породный* титулъ—*княжескій*. Пожалованіе титуловъ государемъ не водилось. Встрѣчаемъ только случай пожалованія титула »именитаго человѣка« Іоанномъ Грознымъ одному изъ Строгановыхъ, за излеченіе царскаго любимца Бориса Годунова Что-же касается извѣстія сибирскихъ лѣтописей о пожалованіи Грознымъ титула князя сибирскаго Ермаку, то извѣстіе это вѣсьма сомнительно.

По примѣру западно-европейскому, пожалованіе титулами княжескимъ, графскимъ и баронскимъ вводитъ Петръ В., даровавшій эти титулы впервые: князя—Меншикову въ 1707 г., графа—Борису Петровичу Шереметьеву въ 1706 г., барона — Шафирову въ 1710 г. Послѣ этого русскіе государи жаловали такіе титулы—большей частію наслѣдственно, но иногда только лично (Николай I каменецъ-под. губ. предв. дворянства Пршездецкому).

Учрежденіе орденовъ заимствовано Петромъ В. отъ западной Европы, въ которой они существуютъ очень давно, еще со временъ рыцарскихъ: въ Испаніи и Швеціи есть ордена, основанные въ 12 в. Въ настоящее время, въ большемъ или меньшемъ числѣ, мы встрѣчаемъ ихъ во всѣхъ монархическихъ государствахъ: въ Австро-Венгріи—9 (Золотаго руна, Маріи Терезіи, венгерскій Св. Стефана и т. д.), въ Англіи—7 (Подвязки, Бани, Св. Патрикія и т. д.), въ Пруссіи—11 (Чернаго Орла, Желѣзнаго Креста, Гогенцолернскаго дома, Короны и т. д.), въ Италіи (Аннунціаты, Савойскій и т. д.), въ Швеціи и Норвегіи—6 (Серафима, Меча, Звѣзды и т. д.), въ Испаніи—11 (Золотаго руна, Карла III и др.). Въ двухъ государствахъ только по одному ордену: въ Бельгіи Леопольда (осн. Леопольдомъ I

въ 1832 г.) и въ Греціи—Спасителя (Отономъ I въ 1834 г.). Учрежденіе орденовъ проникло даже въ государства магометанскія: въ Персіи—Льва и Солнца, учрежд. въ 1808 г., въ Турціи—Славы (1831), Меджиджіэ (1852), Османіэ (1861), а недавно въ Китай—Дракона и въ Японію—Восходящаго Солнца.

Существуютъ ордена не только для лицъ мужескаго пола, но и для женщинъ: въ Австро-Венгріи—орденъ Звѣзднаго Креста, учрежд. для дамъ Элеонорой Гонзаго, матерью Леопольда I, въ 1668 г., Св. Елизаветы—въ Португаліи, Лебедя и Св. Луизы—въ Пруссіи, особенно ихъ много въ Баваріи.

Ордена большей частію стариннаго происхожденія: древнѣйшій изъ нихъ Св. Гроба, учрежденный Готфридомъ Бульонскимъ въ 1099 г. и жалованный папами; неаполитанскій Константина, по преданіямъ, основанный еще Константиномъ В. Но есть ордена новаго, недавняго образованія: австро-венгерскій Франца Іосифа (1849 г.), баварскій Максимиліана (1853 г.), англійскій Звѣзды Индіи (1861 г.), прусскій Короны (1862 г.), Въ каждомъ государствѣ одинъ какой-нибудь орденъ считается важнѣйшимъ: Золотаго руна въ Австро-Венгріи, Подвязки въ Англіи, Анунціаты въ Италіи, Чернаго Орла въ Пруссіи, подобно тому, какъ у насъ—Андрея Первозваннаго.

Сѣверо Американскіе Штаты и Швейцарія не признаютъ орденовъ, воспрещая своимъ гражданамъ получать таковые отъ иностранныхъ государей. Предложеніе Франклина, чтобы Пенсильванія учредила орденъ Цинцината было отвергнуто конгрессомъ. Франц. республика имѣетъ орденъ Почетнаго Легіона, учрежденный Наполеономъ I и распадающійся на 5 классовъ.

Дворянскими титулами насъ также надѣлила зап. Европа, въ которой этихъ титуловъ очень много. Во Франціи титулы эти были слѣдующіе: герцогъ, князь, маркизъ, графъ, виконтъ, баронъ, кавалеръ. Они то упраздвялись республиками, то возстановлялись имперіями. Въ Англіи этихъ титуловъ еще болѣе: герцогъ, маркизъ, графъ (earl, count), викоптъ, баронъ, боронетъ, кавалеръ. Въ Германіи: герцогъ, князь (Fürst), маркизу соотвѣтствовали прежніе ландграфъ, бургграфъ, рингграфъ, вильдграфъ, алтграфъ; графъ, баронъ (Freiherr), риттеръ. Въ другихъ государствахъ титулы болѣе или менѣе приближаются къ тѣмъ, которые были прежде во Франціи, а теперь въ Англіи и Германіи.

РАЗДѢЛЪ II.

ОРГАНИЗАЦІЯ ДИНАСТІИ.

1. Основаніе привиллегій.

§ 40. Изъ массы подданныхъ выдѣляются члены Императорской Фамиліи: всѣ они находятся въ кровной связи съ царствующимъ Императоромъ; всѣ они составляютъ *династію*, каждому члену которой, на основаніи закона о престолонаслѣдіи, можетъ достаться престолъ Всероссійскій. Вотъ основаніе, почему члены Императорской Фамиліи, будучи также подданными Государя, стоятъ въ привиллегированномъ положеніи, пользуясь такими правами и преимуществами, какихъ не имѣютъ всѣ другіе подданные. Объемъ этихъ правъ и преимуществъ и число членовъ династіи, на которыхъ онѣ распространяются, гораздо ограниченнѣе въ государствѣ конституціонномъ и обширнѣе въ государствѣ самодержавномъ. Такъ напримѣръ, въ Англіи привиллегированное положеніе въ государствѣ, собственно говоря, принадлежитъ только королевѣ-супругѣ (Queen consort) и вдовствующей (Queen dowager), предполагаемому наслѣднику престола (Heir apparent), его супругѣ и старшей дочери короля (Princess Royal); другіе же члены королевскаго дома имѣютъ самыя незначительныя права—преимущественно характера церемоніальнаго. Они не имѣютъ

права на содержаніе отъ государства, и если этимъ, въ размѣрахъ опредѣленныхъ парламентомъ, пользуются дѣти королевы Викторіи, то вслѣдствіе того, что она, при вступленіи на престолъ, уступила государству свои домены, за что̀ парламентъ и обязался давать содержаніе ея семейству [1]).

§ 41. До 1797 г. положеніе членовъ Императорской Фамиліи, права и преимущества, которыми они пользовались, опредѣлялись обычаемъ; въ этомъ же году было издано *учрежденіе Императорской Фамиліи*, которое введено въ Сводъ. Въ этомъ учрежденіи опредѣляются: основаніе и доказательства принадлежности къ Императорскому дому, права и обязанности членовъ этого дома (ст. 82—203). Законъ 1797 г. ненарушимо сохранялся до настоящаго времени. На него обратилъ вниманіе нынѣшній Государь Императоръ, повелѣвъ указомъ 27 янв. 1885 г. назначить комиссію, дабы она, подъ ближайшимъ руководствомъ Императора, пересмотрѣла нынѣ дѣйствующее учрежденіе объ Императорской Фамиліи. Результаты дѣятельности этой комиссіи пока неизвѣстны — неизвѣстны и тѣ перемѣны, которыя она внесетъ въ основной законъ, изданный Павломъ, на которомъ держится устройство Императорскаго дома.

2. Кто принадлежитъ къ Императорскому дому, и какія доказательства этой принадлежности?

§ 42. Членами Императорскаго дома признаются только тѣ лица, отъ Императорской крови происшедшія, которыя родились отъ *законнаго* брака, Императоромъ *дозволеннаго*, и притомъ отъ брака *равнаго*, т. е. отъ брака съ лицомъ, принадлежащимъ къ какому-нибудь владѣ-

[1]) См. Fischel'я; Die Verfassung Englands, S. 127.

тельному дому. Законъ не предрѣшаетъ, считается-ли равнымъ бракъ съ членомъ бывшаго владѣтельнаго дома. Поэтому, еслибы кто изъ членовъ Императорской Фамиліи вступилъ въ бракъ съ наполеонидомъ, бурбономъ или орлеаномъ, то неизвѣстно считать-ли такой бракъ *морганатическимъ* или равнымъ. Напротивъ, бракъ съ лицомъ не владѣтельнаго дома считается eo ipso морганатическимъ, нераспространяющимъ на дѣтей права отца. Къ такимъ бракамъ принадлежали въ послѣднее время браки Цесаревича Константина Павловича съ польской графиней Ловичъ, Лейхтенбергскаго съ Опочининой (Богарне), Ольденбургскаго съ Булацелли, Лейхтенбергскаго съ Скобелевой и др.

§ 43. Понятіе о морганатическомъ бракѣ вообще и въ примѣненіи къ членамъ Императорской Фамиліи въ особенности, заимствовано изъ Германіи. Въ царскомъ періодѣ нашей исторіи вовсе не требовалось для членовъ царской семьи вступленіе въ браки равные [1]). Въ княжескій періодъ в. князья и князья уд. женились на княжнахъ своего-же рода — дочеряхъ владѣтельныхъ князей, на иноземкахъ владѣтель-

---

[1]) Англійскій Common law не знаетъ вовсе *неравнаго брака* (mesalliance), даже для членовъ королевскаго дома. Для королевскаго брака считается нужнымъ одно только условіе, чтобы лицо, съ которымъ король вступаетъ въ бракъ, было законнорожденное и протестантскаго исповѣданія. При соблюденіи этого условія, бракъ англійскаго короля со всякой его подданной, къ какому-бы общественному классу она ни принадлежала—бракъ равный. Такимъ образомъ, Эдуардъ IV женился на Лэди Грей, Генрихъ VIII на Аннѣ Болейнъ, Іоаннѣ Сеймуръ, Катеринѣ Говардъ, Катеринѣ Парръ (см. Fischel'я, стр. 127). Съ ганноверовъ установилось, что члены королевскаго семейства въ Англіи вступаютъ въ бракъ съ лицами, принадлежащими къ другимъ владѣтельнымъ домамъ. Но насколько сильны начала Common law, показываетъ бракъ одной изъ дочерей королевы Викторіи съ шотландскимъ маркизомъ Лорномъ.

ныхъ домовъ—принцессахъ византійскихъ, польско-литовскихъ и др; на дочеряхъ бояръ и новгородскихъ посадниковъ. Дочерей своихъ выдавали замужъ также то за владѣтельныхъ князей—своихъ и иноземныхъ, то за своихъ знатныхъ дружинниковъ. Всѣ эти браки считались вполнѣ равными, ибо дружинники еще не были холопами, но людьми вольными, а туземные князья были одного рода, одной рюриковской крови.

Но когда великій князь московскій сдѣлался самодержавнымъ государемъ всея Руси, а всѣ прежніе удѣльные князья и сильные дружинники сдѣлались его холопами: какъ было ему вступать въ бракъ со своими холопками? Тѣмъ болѣе, что исконное юридическое начало Русскихъ Правдъ „по рабѣ холопъ“ существовало во всей своей силѣ. Такой бракъ противорѣчилъ всѣмъ помысламъ московскаго государя, стремившагося выдѣлить свою „пресвѣтлую“ особу изъ среды холоповъ, притязавшихъ, въ силу историческихъ преданій, на равноправность съ нимъ.

И вотъ первый самодержавный в. кн. московскій, Іоаннъ III, вторымъ бракомъ женился на греческой царевнѣ, Софьѣ Ѳоминичнѣ Палеологъ. Своего старшаго сына онъ успѣлъ женить на дочери молдавскаго господаря, дочь выдалъ за литовскаго князя и много хлопоталъ о томъ, чтобы поженить другихъ своихъ сыновей на иноземкахъ изъ владѣтельныхъ же родовъ.

Но такіе браки для московскаго царя были крайне затруднительны: помѣхою служило различіе вѣры, незнакомство западной Европы съ московскимъ государствомъ, которое представлялось ей дикою пустынею, населенной кочевыми варварами.

Приходилось волей-неволей жениться на холопкахъ. Но для того, чтобы бракъ съ государемъ не выдвинулъ на первый планъ какого-нибудь знатнаго рода, установ-

ленъ былъ, какъ говоритъ г. Забѣлинъ [1]), общій всенародный выборъ невѣсты, къ какому-бы роду она ни принадлежала—лишь-бы была „ростомъ, красотою и разумомъ дородна“, да полюбилась-бы государю.

Тотъ-же первый самодержецъ московскій, который такъ добивался введенія въ царскую семью *равнаго брака*— установилъ этотъ всенародный выборъ государевой невѣсты: на смотрины вызваны были дѣвицы со всей русской земли, и изъ 1500 невѣстъ выборъ палъ на Соломониду Сабурову, дочь мелкаго дворянина Сабурова.

Чтобы оправдать такой порядокъ указывалось на то, что онъ практиковался и въ Византіи, гдѣ невѣсты Императоровъ также выбирались со всей земли.

Подобнымъ же образомъ была выбрана и первая супруга Грознаго, Анастасія Романовна.

Всенародный выборъ государевой невѣсты изъ дѣвицъ всей русской земли утвердился, и господствовалъ до императорскаго періода, когда окончательно установилась идея брака равнаго.

Но идея эта признавалась и въ царскомъ періодѣ, и если не осуществлялась, то вслѣдствіе непреодолимыхъ затрудненій. Но что она признавалась видно во 1-хъ изъ тѣхъ попытокъ заключенія браковъ съ особами изъ владѣтельныхъ домовъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ 16 и 17 ст. [2]),

---

[1]) См. Домашній бытъ русскихъ царицъ

[2]) Эти попытки начались съ выдачи замужъ племянницы Грознаго Марьи Владиміровны за Магнуса Датскаго. Самъ Грозный сватался за дочь польскаго короля Сигизмунда I и за родственницу англійской королевы Елизаветы, Марію Гестингсъ. Борисъ Годуновъ думалъ женить своего сына на принцессѣ, а дочь выдать за принца. Михаилъ Ѳедоровичъ дважды сватался за принцессъ: сначала за принцессу Шлезвигъ-Голштинскую Доротею, а потомъ за Екатерину Бранденбургскую. Дочь Михаила Ѳедоровича, Ирину Михайловну, думали выдать за датскаго принца Вольдемара. . Замѣчательно, что въ поискѣ

и во 2-хъ изъ того, что царевны большей частію пребывали въ безбрачіи, вслѣдствіе трудности выдавать ихъ замужъ за владѣтельныхъ особъ. Печальное положеніе этихъ осужденныхъ на безбрачную жизнь царевенъ яркими красками рисуетъ Котошихинъ: „всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываху и лица свои слезами омываху, понеже удовольство имѣя царственное, не имѣяй бо себѣ довольства такого, какъ отъ Всемогущаго Бога вдано человѣкомъ совокуплятися и плодъ творити“ [1]).

Петръ В. женилъ своего сына, царевича Алексѣя Петровича, на Шарлотѣ Брауншвейгъ-Вольфенбютельской, а дочь свою, Анну Петровну, сосваталъ за принца Шлезвигъ-Голштинскаго. Но это было дѣло на столько не обычное, что Петръ II имѣлъ вступить въ бракъ сначала съ Меншиковой, а потомъ съ Долгоруковой. Съ Петра III окончательно установилось правило, впослѣдствіи освященнное закономъ, чтобы члены Императорской Фамиліи вступали въ браки равные. Императоръ Павелъ оба брака заключалъ съ владѣтельными нѣмецкими принцессами.

Правило это во всякомъ случаѣ соотвѣтствуетъ интересамъ государства, съ которыми необходимо считаться членамъ династіи во всѣхъ своихъ, даже чисто гражданскихъ, отношеніяхъ. Браки неравные представляютъ

невѣстъ большей частію останавливались на протестантскихъ владѣтельныхъ домахъ, и главнымъ образомъ на Даніи, къ которой, послѣ долгаго перерыва, вновь обратился Александръ II для выбора невѣсты своимъ царственнымъ сыновьямъ (см. Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ моск. періодъ Цвѣтаева).

[1]) »А государства своего за князей и за бояръ« говоритъ тотъ же современникъ »замужъ выдавати ихъ не повелось, потому что князи и бояре ихъ есть холопы и въ челобитьѣ своемъ пишутся холопами. И то поставлено въ вѣчный позоръ, ежели за раба выдать госпожу«.

именно ту невыгоду, что выдвигаютъ на первый планъ и даютъ вліяніе той фамиліи, изъ которой вышла супруга члена династіи. Это вліяніе иногда бываетъ весьма неблагопріятно для государства. Достаточно при этомъ припомнить смуты, которыя производила женитьба царя Алексѣя Михайловича на Маріѣ Ильиничнѣ Милославской, на родной сестрѣ которой былъ женатъ Морозовъ. Злоупотребленія царскаго тестя Милославскаго и родственниковъ его, Плещеева и Траханіотова, были причиной народнаго недовольства.

§ 44. Для удостовѣренія въ принадлежности къ Императорскому Дому существуетъ *родословная книга Императорскаго Дома*, въ которую вносятся какъ рожденіе, такъ и кончина, членовъ Императорскаго Дома. Вслѣдствіе этого, если въ Императорскомъ Домѣ раждается новый членъ—мужескаго или женскаго пола—то отецъ, мать или ближайшій родственникъ его, должны немедленно извѣстить царствующаго Императора о днѣ рожденія и имени новорожденнаго или новорожденной. Императоръ, получивъ такое извѣщеніе, повелѣваетъ имя новаго члена династіи внести въ родословную книгу, какъ доказательство дѣйствительнаго причисленія его къ Императорской фамиліи. Въ случаѣ кончины члена Императорской Фамиліи, онъ вычеркивается изъ родословной книги. О всякой прибыли и убыли въ Императорскомъ Домѣ народъ извѣщается посредствомъ манифеста. Подлинныя же извѣщенія о рожденіи и кончинѣ хранятся въ государственномъ архивѣ, а самая родословная книга въ кабинетѣ Е. И. В.: она служитъ основаніемъ къ распорядку пенсій, удѣловъ и денежныхъ награжденій членовъ Императорскаго дома.

3. Права и преимущества членовъ Императорской Фамиліи.

§ 45. Законъ опредѣляетъ права и преимущества членовъ Императорской Фамиліи и обязанности ихъ къ царствующему Императору. Права и преимущества подраздѣляются на: а) государственныя и б) гражданскія.

а) государственныя права.

§ 46. Права и преимущества государственныя двоякаго рода: 1) внѣшніе атрибуты, усвоиваемые закономъ членамъ Императорской Фамиліи: титулы, гербы, ордена возлагаемые при крещеніи или по достиженіи совершеннолѣтія, разныя почести, и 2) право на содержаніе на средства государства.

§ 47. Разсмотримъ прежде внѣшнія преимущества.

а) *Титулы*, принадлежащіе членамъ Императорской Фамиліи, установлены имп. Павломъ. До того же времени они были иные Съ принятіемъ Іоанномъ IV царскаго титула, супруга царя стала именоваться *царицей*, сыновья—*царевичами и великими князьями*, а дочери—*царевнами и великими княжнами*. Когда царскій тутулъ, при Петрѣ В., былъ замѣненъ императорскимъ, супруга Императора стала титуловаться *цесаревой*, *цесаревно величество*, сыновья продолжали титуловаться *царевичами*, а дочери—не царевнами, а *цесаревнами* (титулъ Императора считался однозначущимъ съ титуломъ *цезаря*). Законъ 5 апр. 1797 г., установившій нынѣшніе титулы для членовъ Императорской Фамиліи, раздѣляетъ эти титулы на три рода:

1) *Наслѣдникъ*, *Цесаревичъ*, *Великій Князь и Императорское Высочество*. Титулъ этотъ принадлежитъ всенародно объявленному наслѣднику престола. Супруга его титулуется *Цесаревной*, *Великой Княгиней и Император-*

скимъ Высочествомъ. Титулъ цесаревича, какъ исключеніе, по соизволенію Государя Императора, можетъ быть присвоенъ и другимъ членамъ Императорской Фамиліи. Такъ, напримѣръ, Павелъ I даровалъ его Великому князю Константину Павловичу, въ 1799 г., за военные подвиги въ швейцарскомъ походѣ съ Суворовымъ. Отрекшись отъ престола, в. князь носилъ этотъ титулъ до своей смерти, въ 1831 г., и только послѣ этого онъ перешелъ къ старшему сыну Николая I, Александру Николаевичу, всенародно объявленному наслѣдникомъ престола.

2) *Великій Князь, Великая Княжна и Императорское Высочество*—общій титулъ всѣхъ сыновей, братьевъ дочерей и сестеръ а въ мужескомъ поколѣніи, на основаніи закона 27 янв. 1885 г., до внуковъ императора.

По соизволенію императора, можетъ быть отступленіе: титулъ Императорскаго Высочества можетъ быть дарованъ и такимъ членамъ Императорскаго Дома, которые не имѣютъ на то права Такимъ образомъ, напримѣръ, Императоръ Николай пожаловалъ титулъ Императорскаго Высочества принцу Петру Ольденбургскому, своему племяннику и супругѣ его Терезіи; дѣтямъ В. Кн. Маріи Николаевны и герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, князьямъ и княжнамъ Романовскимъ, герцогамъ и герцогинямъ Лейхтенбергскимъ, пожалованъ также этотъ титулъ до правнуковъ Николая I.

3) *Князь и Княжна Императорской крови и Высочество* —принадлежитъ потомкамъ женскаго поколѣнія (князья Романовскіе, принцы Ольденбургскіе были бы князьями императорской крови еслибы имъ не былъ пожалованъ высшій титулъ), а въ мужескомъ отъ дѣтей внуковъ императора—родоначальника всѣмъ послѣдующимъ родамъ.

б) *Гербы.* Наслѣдникъ престола можетъ употреблять большой и малый гербы. Большой гербъ—средній государственный; малый—тотъ же гербъ, что и Государя

Императора, но съ той разницей, что на шлемѣ, вмѣсто Императорской, древняя царская корона.

Всѣ прочіе келикіе князья и княжны имѣютъ также государственный гербъ, но съ отличіями, по—близости ихъ родства съ тѣмъ Императоромъ, отъ котораго они происходятъ: щитодержатели большаго герба младшихъ сыновей Императора — два варяга, внуковъ — золотые единороги, съ червленными языками и глазами, правнуковъ—черные единороги и т. д.

Въ гербахъ князей и княженъ крови Императорской не помѣщаются гербъ московскій на груди и гербы царствъ и великихъ княжествъ на крыльяхъ орла.

в) *Ордена*. На всѣхъ в. князей, при святомъ крещеніи, возлагаютъ ордена: Св. Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла и Св. Анны 1 ст. В. же княжны получаютъ знаки ордена Св. Великомученицы Екатерины. А князья и княжны крови Императорской получаютъ тѣ же самые ордена, но только по достиженіи ими совершеннолѣтія.

г) *Разныя почести*. Императрица, Наслѣдникъ и Великіе князья имѣютъ свои опредѣленные флаги. Служители, составляющіе дворъ наслѣдника, носятъ мундиры и ливреи Императорскаго двора, въ мундирахъ же и ливреяхъ служителей, составляющихъ дворъ прочихъ членовъ Императорскаго Дома, полагается нѣкоторое различіе въ цвѣтахъ. Членамъ Императорской Фамиліи муж. пола и супругамъ ихъ, при проѣздѣ чрезъ крѣпости или во время присутствія на флотѣ, отдаются извѣстныя почести, буде они пожелаютъ. Рапорты же по гражданской части, при проѣздѣ чрезъ губерніи, представляются только коронованнымъ главамъ и наслѣднику престола. Въ собраніяхъ и на придворныхъ церемоніалахъ В. князья и княжны, а также князья и княжны крови императорской, имѣютъ первые мѣста послѣ Импе-

ратора, Императрицы и наслѣдника, соблюдая между собою старшинство родовъ, а въ родахъ старшинство лицъ. Вдовствующая Императрица имѣетъ предсѣданіе предъ супругой Царствующаго Императора.

§ 48. Важнѣйшее изъ правъ членовъ Императорской Фамиліи — *право на содержаніе* ихъ на средства государства. Источники и размѣры этого содержанія не были опредѣлены до закона 1797 г. Они назначались въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ благоусмотрѣніемъ государя [1]). Закономъ 5 апр. 1797 г., „желая сколько обезпечить Фамилію Нашу, столько же облегчить и расходы государства", императоръ Павелъ I опредѣлилъ, какъ источники содержанія, такъ и размѣры его. Источниками должны служить: *государственное казначейство* и *удѣльныя имѣнія*. Для образованія послѣднихъ отдѣлены были изъ государственныхъ владѣній имѣнія *дворцовыя*, для пріумноженія которыхъ до милліона душъ повелѣно было отпустить три милліона рублей изъ государственнаго казначейства [2]).

---

[1]) Императоръ Петръ В. опредѣлилъ выдавать ежегодно на содержаніе своей дочери Анны Петровны по 100,000 въ годъ, а своей племянницѣ, Екатеринѣ Іоанновнѣ Мекленбургской — по 10,000 р. Екатерина I, въ своемъ *тестаментѣ* 1727 г., опредѣлила выдать цесаревнамъ, Аннѣ и Елизаветѣ Петровнѣ, кромѣ 300,000, по милліону приданаго (послужило прецедентомъ для закона 1797 г.), да по 100,000 въ годъ во все время регентства (*администраціи*). Елизавета Петровна назначила на содержаніе в. кн. Екатеринѣ по 120,000 въ годъ, а новорожденному Павлу — по 30,000. Екатерина II назначила на содержаніе в. кн. Маріи Ѳедоровны по 50,000 въ годъ. Императоръ Павелъ, въ 1796 г., назначилъ различное содержаніе членамъ своего семейства.

[2]) По 10-й ревизіи число удѣльныхъ крестьянъ обоего пола было 2,072,285 душъ. По именному указу 26 іюня 1863 г., крестьяне удѣльныхъ имѣній съ 1865 г. поступили въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ, съ обязанностію вносить въ казну втеченіе 49 лѣтъ выкупные

Исполнителемъ и оберегателемъ Учрежденія объ Императорской Фамиліи сдѣланъ департаментъ удѣловъ, распредѣляющій назначенные удѣлы между ея членами и входящій въ настоящее время въ составъ министерства Императорскаго Двора.

А. Изъ *государственнаго казначейства*, въ размѣрахъ, опредѣленныхъ закономъ 1797 г., получаютъ содержаніе слѣдующіе члены Императорской Фамиліи:

а) Императрица, получающая во время царствованія Ея Супруга по 600,000 р. въ годъ, кромѣ содержанія Ея Двора. Все это сохраняется за Нею и во вдовствѣ, на время пребыванія въ Россіи; буде же уѣдетъ за границу—то получаетъ половину.

б) Наслѣдникъ, кромѣ содержанія Двора, получаетъ по 300,000 р. въ годъ. Супругѣ Наслѣдника—по 150,000 р. въ годъ, а во вдовствѣ по 300,000 р. ежегодной пенсіи и содержаніе двора, и ½ по выѣздѣ изъ Россіи.

в) На содержаніе дѣтей государевыхъ до ихъ совершеннолѣтія—по 100,000 р. въ годъ.

г) Дѣтямъ наслѣдника обоего пола до совершеннолѣтія или до брака—по 50,000 р. въ годъ.

д) Приданое награжденіе:

1. Дочерямъ и внукамъ Императора—по милліону.
2. Правнукамъ и праправнукамъ—по 300,000.
3. Княжнамъ крови Императорской—по 100,000.

Б. Изъ *удѣльныхъ имѣній и доходовъ съ нихъ*, въ размѣрахъ также опредѣленныхъ закономъ 1797 г., получаютъ содержаніе слѣдующіе члены династіи:

а) Сыновья Императора (кромѣ Наслѣдника) получаютъ каждый, съ совершеннолѣтія, по 500,000 р. въ годъ;

платежи за пріобрѣтаемыя ими земли. Изъ опредѣленной части этихъ платежей составится удѣльный капиталъ, проценты съ котораго должны замѣнить доходы, получавшіеся съ крестьянъ.

супруги ихъ - по 60,000 въ годъ, удерживая и во вдовствѣ.

б) Дочери Императора съ совершеннолѣтія до замужества—по 150,000 въ годъ.

в) Внукамъ обоего пола до совершеннолѣтія или до брака, государемъ дозволеннаго, отпускается по 50,000 въ годъ; со времени же совершенныхъ лѣтъ—внукамъ муж. пола по 500,000 въ годъ, а женскаго по 150,000 Супругамъ внуковъ—по 60,000 р. въ годъ, оставляя и вдовымъ.

г) Правнукамъ обоего пола до совершеннолѣтія, или брака, Государемъ дозволеннаго, на содержаніе и воспитаніе каждаго—по 30,000 въ годъ, а съ совершеннолѣтія: правнукамъ мужескаго пола деревнями на 300,000 ежегоднаго дохода и 150,000 ежегодной пенсіи; супругѣ правнуковъ—30,000 годовой пенсіи, сохраняя ее и во вдовствѣ, а правнуки женскаго пола съ совершеннолѣтія до замужества—по 50,000 въ годъ.

д) Праправнукамъ на содержаніе и воспитаніе до совершеннолѣтія ихъ ничего не отпускается, а съ совершеннолѣтія мужескій полъ получаетъ годовой пенсіи по 100,000 р., а женскій до замужества—по 20.000. Супругамъ праправнуковъ, со дня замужества и во вдовствѣ, по 15,000 въ годъ.

е) Князьямъ и княжнамъ Императорской крови до совершеннолѣтія никакого содержанія не назначается, а съ совершеннолѣтія: князья—по 50,000, а княжны до замужества—по 10,000 въ годъ. Супругамъ же князей Императорской крови, со дня замужества и во вдовствѣ—по 10,000 р.

Вдовы Великихъ князей и князей Императорской крови, получающія содержаніе съ удѣльныхъ имѣній, получаютъ означенную пенсію только во время пребыванія въ Россіи, а по выѣздѣ изъ Россіи сохраняютъ ежегодно

только $^1/_3$; со вступленіемъ же во второй бракъ—совершенно лишаются права на полученіе вдовьей пенсіи.

Суммы и пенсіи, назначенныя для особъ Императорской Фамиліи, отпускаются по наступленіи трети, безъ всякихъ вычетовъ. Еще на основаніи Регламента штатсъ-конторъ-коллегіи 1719 г., особы Императорской Фамиліи въ своемъ ежегодномъ доходѣ никому не отдаютъ отчета (1-е П. С. № 3303).

Государь Императоръ, по своему благоусмотрѣнію, можетъ отступать отъ разсмотрѣнныхъ нами началъ, опредѣляющихъ порядокъ содержанія членовъ Императорской Фамиліи: такъ, напримѣръ, Великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, по случаю вступленія ея въ бракъ съ принцемъ Шлезвигъ-Голштейнъ-Ольденбургскимъ, а потомъ съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ, постановленіями 1809 и 1819 г., предоставленъ былъ особенный удѣлъ, на особыхъ правахъ, съ нѣкоторыми отступленіями отъ общихъ началъ. Подобнымъ же образомъ, въ 1839 г., Великой княгинѣ Маріѣ Николаевнѣ, при вступленіи ея въ бракъ съ герцогомъ Максиміліаномъ Лейхтенбергскимъ, предоставленъ ежегодный потомственный денежный доходъ изъ удѣльныхъ суммъ.

в) гражданскія права членовъ императорской фамиліи.

§ 49. Отъ государственныхъ правъ членовъ Императорской Фамиліи отличаются ихъ права *гражданскія*: а) по отношеніямъ семейственнымъ, б) по имуществу, в) по наслѣдству и г) по суду.

а) семейственныя отношенія.

§ 50. 1) *Малолѣтство и совершеннолѣтіе*. Совершеннолѣтіе для наслѣдника престола, какъ мы знаемъ, пола-

гается въ *16 лѣтъ* [1]). Для всѣхъ же прочихъ членовъ *20 лѣтъ*, но когда бракъ совершенъ прежде этого возраста, то совершеннолѣтіе считается со дня брака. При торжественномъ объявленіи совершеннолѣтія обоего пола членовъ Императорской Фамиліи, они присягаютъ, въ присутствіи Самого Государя, какъ въ вѣрности царствующему государю и отечеству, такъ равно въ соблюденіи законовъ, опредѣляющихъ престолонаслѣдіе и распорядокъ Императорской Фамиліи. Великіе же князья, достигнувшіе совершеннолѣтія, вмѣстѣ съ тѣмъ приносятъ присягу на вѣрность службы; но самая служба считается имъ съ *16-ти лѣтъ* (ст. 166, по прод. 1863 г.).

2) *Опека и попечительство.* До совершеннолѣтія каждый малолѣтній членъ Императорской Фамиліи состоитъ подъ управленіемъ опекуна. Этотъ опекунъ назначается умершими родителями, когда ихъ духовное завѣщаніе утверждено было при жизни завѣщателя государемъ, а въ противномъ случаѣ опекунъ назначается самимъ Императоромъ. По достиженіи *20 лѣтъ*, члены Императорской Фамиліи сами вступаютъ въ управленіе своими имѣніями; но до *25 лѣтъ* приставляется къ нимъ попечитель.

3) *Бракъ.* На вступленіе въ бракъ каждаго члена Императорскаго Дома необходимо соизволеніе Императора, а въ противномъ случаѣ бракъ не признается закономъ. Дозволительны браки съ особами не православнаго исповѣданія. Но если вступаетъ въ бракъ тотъ мужескаго пола членъ Императорской Фамиліи, который

---

[1]) Почти во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ (Англія, Пруссія, Австрія, Франція, Италія, Бельгія и Голландія) совершеннолѣтіе наслѣдника престола полагается въ *18 лѣтъ*. Только въ Испаніи, по прежнимъ ея конституціямъ, это совершеннолѣтіе назначалось гораздо раньше: эксъ-королева Изабелла провозглашена совершеннолѣтней въ *14 лѣтъ*.

можетъ имѣть право на наслѣдованіе престола—то невѣста его должна до брака воспріять православіе [1]). Бракосочетанію предшествуетъ обрученіе. О таковомъ обрученіи, равно какъ и о бракѣ членовъ Императорской Фамиліи, возвѣщается во всенародное извѣстіе манифестомъ. При бракахъ членовъ Императорской Фамиліи могутъ постановляться формальные договоры. Браки расторгаются по точной силѣ церковныхъ узаконеній—по положенію синода, съ утвержденія Государя Императора.

б) имущественныя отношенія.

§ 51. Недвижимыя имѣнія членовъ Императорскаго Дома состоятъ изъ четырехъ разрядовъ: 1) данныхъ въ удѣлъ, 2) удѣльныхъ, дошедшихъ по наслѣдству, 3) наслѣдственныхъ и 4) благопріобрѣтенныхъ.

1) На удѣльныя имѣнія члены Императорской Фамиліи имѣютъ ограниченное право собственности: они не могутъ промѣнивать и поступаться ими. Удѣльныя имѣнія относительно государственныхъ податей и повинностей приравниваются къ помѣщичьимъ.

2) На имѣнія наслѣдственныя и благопріобрѣтенныя право собственности опредѣляется общими законами. Члены Императорской Фамиліи могутъ вновь пріобрѣтать покупкою недвижимыя имѣнія и располагать оными по своему благоусмотрѣнію. Право это равномѣрно распространяется и на всѣхъ иностранныхъ принцевъ и принцессъ, вступившихъ въ бракъ съ членами Императорской Фамиліи и пребывающихъ въ Россіи. Буде же кто оставитъ Россію, то обязанъ имѣніе свое продать. Правило

[1]) Супруга в. кн. Владиміра Александровича, принцесса Мекленбургъ-Шверинская, Марья Павловна, при вступленіи въ бракъ не приняла православія. Это первое повтореніе давняго антецедента: иновѣрная супруга царевича Алексѣя Петровича, принцесса Брауншвейгъ-Вольфенбютельская, не приняла православія.

это распространяется и на вдовствующую Императрицу. Но сохраняетъ-ли свою силу это ограниченіе послѣ того, какъ разрѣшено иностранцамъ пріобрѣтать и владѣть въ Россіи недвижимыми имуществами — въ законѣ ничего не сказано.

Движимое имущество Императрицы и супруги наслѣдника навсегда остается ихъ собственностію, и буде онѣ, во вдовствующемъ состояніи, оставятъ Россію, то берутъ его съ собою. Всѣ же прочія лица Императорскаго Дома обоего пола, оставляющія Россію, могутъ вывозить съ собою денежнаго капитала одинъ милліонъ рублей, кромѣ драгоцѣнныхъ камней и прочихъ вещей; все же излишнее они должны передать въ свою фамилію, буде она есть, а буде нѣтъ — въ департаментъ удѣловъ. Съ вывозимыхъ капиталовъ вносится единовременно $^1/_{10}$ ихъ стоимости въ сумму государственныхъ доходовъ.

в) наслѣдство.

§ 52. Императрица, какъ супруга царствующаго государя, такъ и вдовствующая, располагаетъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ своимъ по благоусмотрѣнію. Если же она скончается, не сдѣлавъ завѣщанія, то наслѣдство поступаетъ дочерямъ и младшимъ сыновьямъ, на основаніи закона. Старшій сынъ, какъ наслѣдникъ престола, такъ и царствующій Императоръ, въ наслѣдствѣ не участвуетъ. Это происходитъ въ силу различія и раздѣленія наслѣдства частнаго — *имущества* и наслѣдства государственнаго — *престола*. Послѣдній принадлежитъ наслѣднику, а первое — прочимъ дѣтямъ.

Всѣ члены Императорскаго Дома благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ могутъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, и завѣщаніе ихъ о таковомъ имѣніи исполняется во всей силѣ. Относительно же имѣній удѣльныхъ и родовыхъ наслѣдственныхъ, духовное завѣщаніе признается въ силѣ только тогда, когда оно Высочайше конфирмовано при жизни завѣщателя. Если же завѣщаніе

не утверждено Государемъ, то имѣнія эти входятъ въ число тѣхъ, кои остались безъ всякаго завѣщанія.

Что̀ касается духовныхъ завѣщаній членовъ Императорской Фамиліи, то точнѣйшія правила объ этомъ изданы въ 1852 и 1856 г. На основаніи этихъ правилъ, завѣщанія раздѣляются на *открытыя*, содержаніе которыхъ извѣстно Государю Императору при жизни завѣщателя, и *тайныя*, представляемыя Императору въ запечатанномъ пакетѣ. Сила тайныхъ завѣщаній ограничивается: они не могутъ касаться родовыхъ наслѣдственныхъ имѣній, и имѣній удѣльныхъ.

г) отношеніе къ суду.

§ 53. Вопросъ этотъ мало опредѣляется сводомъ, въ которомъ заключается только постановленіе, что судъ объ удѣльныхъ имѣніяхъ производится порядкомъ, для казенныхъ имѣній установленнымъ, и что никакое удѣльное имѣніе не можетъ быть отчуждено изъ удѣльнаго вѣдомства, безъ утвержденія Государемъ Императоромъ. Но какія права членовъ Императорской Фамиліи по суду гражданскому, когда они являются на судѣ истцами и отвѣтчиками, и по суду уголовному, когда они совершатъ какое-нибудь преступленіе — законъ не опредѣляетъ. Въ первомъ отношеніи нѣтъ никакого основанія выдѣлять членовъ Императорской Фамиліи, ставя ихъ въ привиллегированное положеніе, и они не выдѣляются ни въ одномъ государствѣ. Впрочемъ, въ такомъ же смыслѣ *общей подсудности* по дѣламъ гражданскимъ, слѣдуетъ понимать 196 и 198 ст. учрежденія о Императорской Фамиліи. Во второмъ отношеніи, члены династіи во всѣхъ другихъ государствахъ подлежатъ отвѣтственности предъ особыми судилищами [1]).

[1]) Здѣсь кстати мы можемъ коснуться вопроса о томъ, какъ разрѣшается западно-европейскимъ государственнымъ правомъ под-

д) покровительство уголовнаго закона.

§ 54. Уголовные законы охраняютъ жизнь, свободу, здоровье и честь членовъ Императорскаго дома болѣе

судность монарха. Новѣйшее право различаетъ *гражданскую*, *уголовную* и *политическую* отвѣтственность, или безотвѣтственность монарха. а) Въ сферѣ *правоотношеній гражданскихъ* даже римское право и римскіе правоучители (Ульпіанъ, Модестинъ), стоявшіе на принципѣ абсолютной власти императора, допускали его *отвѣтственность*. Правда, они не допускали, что императоръ по гражданскимъ дѣламъ можетъ лично отвѣтствовать на судѣ, но отвѣтчикомъ въ его долговыхъ обязательствахъ являлся *фискъ*, какъ юридическое лицо, которому физическое лицо могло вчать искъ. Подобнымъ образомъ, и въ настоящее время монархъ лично и непосредственно не можетъ отвѣчать на судѣ по дѣламъ гражданскимъ, но за него отвѣчаетъ его цивиллиста, или частное имущество, такъ же какъ и по долговымъ обязательствамъ государства отвѣчаетъ имущество государственное Это прямо говорится напр. въ прусскомъ земскомъ правѣ, въ кодексѣ австрійскомъ. Отличается и въ этомъ отношеніи англійское государственное право, разрѣшающее подобные иски частнымъ лицамъ, но не въ видѣ ихъ *права*, а въ видѣ *милости* короны. б) Возможность *уголовной отвѣтственности* монарха еще труднѣе допустить, чѣмъ возможность совершенія имъ какого-нибудь преступленія. Въ дѣлахъ этого рода нельзя подвергнуть отвѣтственности, вмѣсто самого монарха, фискъ, его частное имущество или цивиллисту, какъ-то имѣетъ мѣсто по дѣламъ гражданскимъ. Преслѣдованіе судомъ монарха за совершенное имъ преступленіе, поэтому, невозможно, какъ вслѣдствіе того, что ему подчинены всѣ суды въ государствѣ, которые и не могутъ судить лицо, надъ ними господствующее, такъ и потому, что уголовнымъ процессомъ противъ монарха могла-бы быть скомпрометирована честь короны—великаго института, ограждающаго интересы государства и общественнаго спокойствія. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, еслибы монархъ и совершилъ какое-нибудь преступленіе, то оставленіе его безъ слѣдствія и суда во всякомъ случаѣ представило-бы меньшую опасность для государства, чѣмъ преслѣдованіе судомъ. Общепринятый, такимъ образомъ, принципъ — *безотвѣтственность* монарха по дѣламъ уголовнымъ. в) Подобная же *безотвѣтственность* въ *политическомъ* отношеніи, т. е. за управ-

строгими карами. Злоумышленія или преступныя дѣйствія противъ нихъ, на основаніи Уложенія о наказаніяхъ (ст. 244, 248), отнесены къ разряду преступленій *государственныхъ*, за которыя налагаются соотвѣтствующія наказанія [1]).

Обязанности членовъ Императорской Фамиліи.

§ 55. Пользуясь установленными закономъ правами и преимуществами, члены Императорскаго Дома обязаны почитать царствующаго Императора Главою всей Императорской Фамиліи, ея Попечителемъ и Покровителемъ.

леніе государствомъ. Это принято во всѣхъ монархическихъ государствахъ, отъ которыхъ отличались только конституціи наполеоновскія, допускавшія *отвѣтственность* императора предъ народомъ—правда чисто фиктивную. Основаніе политической *безотвѣтственности* монарха трудно видѣть въ англійской фикціи о *непогрѣшимости* короны, выражающейся въ формулѣ *The King can do no wrony*, и напоминающей, по справедливому замѣчанію Блунчли, фикцію ново-католическую о непогрѣшимости папы. Основаніе скорѣе всего слѣдуетъ видѣть въ болѣе формальной сторонѣ—въ несуществованіи такихъ судилищъ, предъ которыми монархи могли-бы обвиняться въ дурномъ управленіи своимъ государствомъ. Коррективомъ политической безотвѣтственности монарха въ конституціонномъ государствѣ служитъ *политическая отвѣтственность* министровъ (Ср. Блунчли Allg. Statsrecht, 2-er B., S. 69).

[1]) Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами правъ членовъ Императорской Фамиліи, имъ предоставляемы были и другія. Духовный регламентъ запретилъ всѣмъ постригшимся въ монахи жить въ мірскихъ домахъ и перемѣнять мѣстопребываніе, а въ 40 пунктѣ прибавленія къ нему, члены царской фамиліи освобождены отъ такого ограниченія, при постриженіи ихъ въ монашество (1-е П. С. № 4022). По указу 1801 г. за иностранную корреспонденцію членовъ Императорской Фамиліи по счетамъ почтамта, платежи должны производиться изъ кабинета (1-е П. С. № 19,840). Члены Императорской Фамиліи имѣютъ право издавать *рескрипты*, въ которыхъ они могутъ выражать свое благоволеніе и благодарность извѣстнымъ лицамъ.

Какъ-бы ни разрослась и ни развѣтвилась Императорская Фамилія, во всякомъ случаѣ она составляетъ какъ-бы одну семью, имѣющую общаго домовладыку—царствующаго Императора, по отношенію къ которому всѣ другіе члены почитаются *государевыми дѣтьми, сыновьями, дочерьми и внуками*[1]).

Какъ къ Главѣ Дома и Самодержцу, они обязаны къ царствующему Императору совершеннымъ почтеніемъ, повиновеніемъ, послушаніемъ и подданствомъ. Они обязаны къ миролюбному между собою обращенію и храненію семейной тайны, тишины и согласія. Въ противномъ случаѣ Императоръ, *яко неограниченный Самодержецъ*, имѣетъ власть отрѣшить неповинующагося Ему члена династіи отъ принадлежности къ Императорскому Дому.

Примѣчаніе. Мы сказали (см. § 40), что организація династіи и положеніе ея членовъ обусловливаются строемъ государства и образомъ его правленія: въ государствѣ самодержавномъ эта организація и положеніе иныя, чѣмъ въ государствѣ конституціонномъ. Для того, чтобы больше иллюстрировать эту мысль, мы сопоставимъ порядки содержанія членовъ династіи, практикующіеся въ другихъ государствахъ. Въ западно-европейскихъ государствахъ на содержаніе короны ежегодно назначается извѣстная сумма, носящая названіе *liste civile*. Такой порядокъ содержанія короны—англійскаго происхожденія, и встрѣчается впервые въ царствованіе Карла II. Онъ можетъ имѣть мѣсто только въ конституціонномъ государствѣ, въ которомъ финансы вотируются и контролируются представителями народа, Государь самодержавный не имѣетъ надобности въ liste civile, такъ какъ онъ самостоятельно располагаетъ всѣми государственными доходами. Въ Регламентѣ штатсъ-конторъ-коллегіи 1719 г. это ясно выражено: здѣсь сказано, что Его Величество устанавливаетъ, сколь много на свои соб-

---

[1]) Уже въ царскомъ періодѣ, когда еще не изгладились традиціи объ авторитетѣ родоваго старѣйшинства, старшіе возрастомъ родичи царя чтутъ его и повинуются, какъ-бы онъ ни былъ молодъ лѣтами: пожилой дядя Грознаго, напримѣръ, Андрей Ивановичъ Старицкій, предъ малолѣтнимъ своимъ племянникомъ именуетъ себя *холопомъ*.

ственные расходы изволитъ брать, не отдавая въ томъ отчета никому »понеже никому Его Величества тайныхъ и кабинетныхъ расходовъ вѣдать не надлежитъ« (1-е П. С. № 3303)[1]). Размѣры liste civile устанавливаются большей частію на все царствованіе конституціоннаго монарха, или же разъ навсегда опредѣляются конституціей, а ежегодное его вотированіе парламентомъ есть только простая формальность. Размѣры эти обусловливаются значеніемъ и богатствомъ государства. Въ Англіи, Франціи, Австріи и Пруссіи, равно какъ и въ Бельгіи и Голландіи, liste civile составляетъ едвали 3% ежегоднаго государственнаго расхода.

Первый liste civile въ Англіи, установленный въ 1660 г. для Карла II, составлялъ огромную сумму въ 1,200,000 ф. стерлингъ. Но на эту сумму король долженъ былъ содержать военно-сухопутныя и морскія, силы, такъ что на его личные расходы оставалось только 462,000 фунтовъ. Съ бо́льшими или меньшими модификаціями, система эта держалась и во всѣ послѣдующія царствованія. Въ 1831 г. въ системѣ англійскаго liste civile произошла существенная перемѣна, состоявшая въ томъ, что расходы на армію и флотъ отнесены на средства государства, а liste civile, кромѣ собственныхъ расходовъ короны, долженъ былъ покрывать нѣкоторыя пенсіи и пособія. Въ концѣ 50-хъ годовъ онъ составлялъ около 397,000 фунтовъ, кромѣ 50,000 ф., получаемыхъ короной изъ доходовъ Ланкашира и Корнваллиса. На содержаніе супруга королевы, покойнаго принца Альберта, отпускалось отдѣльно по 30,000. ф. ст.

Первый liste civile во Франціи, освященный конституціей 1791 г., составлялъ 25 милліоновъ франковъ въ годъ. Наполеонъ I, будучи первымъ консуломъ, получалъ по 500,000 фр. въ годъ, а сдѣлавшись императоромъ, присвоилъ себѣ liste civile Людовика XVI, прибавивъ къ нему 3 милліона на содержаніе своего семейства. Во время реставраціи, къ прежнимъ 25 милліонамъ присоединили 8 м., на содержаніе королевской фамиліи. Законъ 2 марта 1832 г. назначилъ на расходы короля 12 милліоновъ въ годъ, а на расходы наслѣдника, герцога Орлеанскаго—1 милліонъ. Тотъ же законъ постановилъ, что

---

[1]) Фридрихъ В. въ Пруссіи самъ назначилъ на всѣ свои расходы 220,000 талеровъ въ годъ. Людовикъ XIV издерживалъ на содержаніе своего двора по 45 милл. фр. въ годъ; устройство Версали въ 16 лѣтъ поглотило 157 милл. фр. Но много-ли это, въ сравненіи съ расходами правительства третьей республики!

вслучаѣ недостаточности частнаго имущества короля для содержанія другихъ членовъ его семейства, парламентомъ назначены будутъ особыя суммы. Такимъ образомъ, одной изъ дочерей Луи-Филиппа, вышедшей замужъ за короля бельгійцевъ, назначенъ былъ милліонъ фр. приданнаго. Sénatus consulte 11 дек. 1852 г. назначилъ для Наполеона III liste civile 1791 г.—25 милліоновъ фр. Въ Бельгіи законъ 1832 г. опредѣлилъ цивиллисту короля въ 2,751,000 фр.; содержаніе наслѣдника—въ 500,000 фр., а втораго сына короля—въ 150,000 фр. При выходѣ замужъ за несчастнаго эрцгерцога Максимиліана дочери короля Леопольда, парламентъ назначилъ ей 258,000 фр. приданаго.

Въ нѣмецкихъ государствахъ большей частію доходы съ доменъ служатъ для покрытія расходовъ на содержаніе государей и ихъ семействъ. Liste civile австрійскаго императора въ 1862 г. составлялъ 6,127,100 гульденовъ, изъ которыхъ $1^1/_2$ милліона на содержаніе императорскаго семейства.

Въ Пруссіи, равно какъ въ Баваріи и Виртембергѣ, liste civile составляется почти исключительно изъ доходовъ съ доменъ. Въ Пруссіи онъ неизмѣнно состоитъ изъ 2,573;099 талеровъ. Недвижимыя имущества, которыя король можетъ пріобрѣтать, составляютъ не его частную собственность, а собственность короны. Въ Баваріи—около 2 милліоновъ флориновъ.

Liste civile короля Виктора-Эмануила, когда онъ былъ только королемъ Сардиніи, составлялъ 4 милліона фр. По мѣрѣ объединенія Италіи онъ увеличивался, достигши, до присоединенія Рима, 16 м. слишкомъ.

Содержаніе президентовъ республикъ, повидимому, незначительно, въ сравненіи съ содержаніемъ монарховъ и ихъ семействъ: президентъ Сѣверо-американскихъ штатовъ, кромѣ помѣщенія въ Бѣломъ домѣ съ освѣщеніемъ и прислугой, получалъ 25 т. доларовъ въ годъ, пока Грантъ не удвоилъ; президентъ федеральнаго совѣта въ Швейцаріи получаетъ около 9 т. фр. въ годъ [1]). Но республиканскія государства едва-ли могутъ гордиться предъ монархіями, что не имѣютъ цивиллистъ послѣднихъ: содержаніе республиканскаго правительства во Франціи, съ роскошной обстановкой ея министровъ, едва-ли не превышаетъ содержанія монарха, его семейства и двора въ самомъ щедромъ на цивиллисту монархическомъ государствѣ [2]).

---

[1]) См M. Block'a Dict. gen. de la politique, T. 2; p. 211.

[2]) См. »Пятнадцать лѣтъ республики« (Р. В. Авг. 1865 г.).